

A521 5 1242978 X1

ISSN 0320-085X

кв.

АЛТАЙ

1. 1986

Б1242978

01.

А 521

1/2

АЛТАЙ

1986

1

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ
АЛТАЙСКОЙ КРАЕВОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Издается с 1947 года

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

- Энгельс ГАББАСОВ. Не оборвется тропа. Повесть 33
Дибаш КАИНЧИН. Два рассказа 58

ПОЭЗИЯ

- Владимир КАЗАКОВ. Свет родительского окна. Стихи 29
Николай БАЙБУЗА. Резко я вижу... Стихи 54
Ольга БОНДАРЧУК. Ночная прогулка. Стихи 56
Наталья НИКОЛЕНКОВА. Чтобы встретиться. Стихи 71
Сергей КЛЮШНИКОВ. Весна проходит по двору... Стихи 74

ОТЧУЖДЕНИЕ МОЕ

- Марк ЮДАЛЕВИЧ. Барнаул 76

ОЧЕРК, ПУБЛИЦИСТИКА

- И. К. ШИПУЛИН. С чего начинается рабочий 3
Виктор КОКОРЕВ. Престижность инженерного труда 88

ПАМЯТЬ

- Александр НЕВСКИЙ. Наследство Ивана Малкова 97

КРИТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Георгий КОНДАКОВ. На языке и малого народа... 101
Равиль ЕНАКАЕВ. «..Стараюсь держать экзамен» 110

САТИРА И ЮМОР

- Вадим КРАСНОВ. Мини-басни 112

БАРНАУЛ. АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО • 1986

Главный редактор И. П. КУДИНОВ

Редакционная коллегия:

В. М. БАШУНОВ, П. А. БОРОДКИН, В. Ф. ГОРН,
Е. Г. ГУЩИН, Л. И. КВИН, Ю. Я. КОЗЛОВ,
Я. Е. КРИВОНОСОВ, Н. И. МОРОЗОВ, Г. П. ПАНОВ
В. В. СУКАЧЕВ (зам. главного редактора)

Б 1242978

АЛЬМАНАХ «АЛТАЙ» 1986 № 1

Художественный редактор В. Еранкин. Технический редактор М. Сафонова.
Корректор Н. Тырышкина.

Рукописи не возвращаются

АГ 00013. Сдано в набор 8. 01. 1986 г. Подписано к печати 3. 02. 1986 г. Формат 70x108/16. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 9,8. Усл. кр.-отт. 10,15. Уч.-изд. л. 11,847. Тираж 6000 экз. Заказ № 84. Цена 50 коп.

Алтайское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли — 656015, Барнаул, Ленина, 7б.
Производственное объединение «Полиграфист» управления издательств, полиграфии и книжной торговли крайисполкома — 656023, Барнаул, Г. Титова, 3.

И. К. ШИПУЛИН,
Герой Социалистического Труда,
бригадир Барнаульского станкостроительного завода
имени 60-летия СССР

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РАБОЧИЙ

ДЕЛО НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Моя рабочая биография ничем не отличается от многих других. И если я чего-то достиг, то всем этим обязан прежде всего труду, только труду, который так высоко ценится в нашей стране. И партии обязан, поскольку нет более пародной партии, чем наша Коммунистическая, поскольку вся ее титаническая деятельность — это факт биографии каждого из нас — и коммунистов, и беспартийных. И я, рядовой этой великой партии, стремился в силу своих способностей трудиться так, чтобы не было совестно от товарищей по работе, от коллектива, который тебя принял в свои ряды.

В нашей семье, сыздавна проживавшей в Петропавловском районе, детей с малолетства приучали к нелегкому крестьянскому труду — каждый из нас и за скотиной ходить умел, и дрова наколоть, и лошадей управлять. До сих пор помню хлебную загонку, на которой мать вязала пшеничные снопы. Колос к колоску, бывало, подберет, крепко свяжет жгутом и бережно поставит в суслон. Когда подрос, я, как мог, тоже брался за трудную работу, но не все у меня получалось. И глядел на работу чисто по-детски, помогаю, мол, матери — и то хорошо, а как получается, не все ли равно. С таким вот разумением и оставил как-то на полосе не то что отдельные колосья, а целые горсти хлебных стеблей. Мать не на шутку рассердилась, отчитала как взрослого: «Ты не только потерял хлеб, ты сделал зло другим людям, — втолковывала она мне. — Посуди сам, один растит, а другой его труд в грязь втоптыкает. Что ж тогда в сусеках будет?»

Отец мой бригадировал, а потом и колхозом управлял, он часто тоже говорил: «Полюбишь дело — счастье познаешь». Сам отец твердо придерживался этой мудрой житейской формулы. Запомнились его же слова: «Если ты поймал рыбу для ребенка, то накормил его один раз, если ты научил его ловить рыбу, ты накормил его на всю жизнь». Нас, шестерых детей, отец и мать учили труду каждодневно, ежечасно, без громких слов, личным примером, собственным отношением к делу. То деревня, скажут иные, а в городе совсем мало условий для физического труда. Эта фраза уж больно стала расхожей. Вот и ребята взяли ее на вооружение. А так ли это на самом деле? Домашний труд в городе видоизменился, но не исчез. И дело в том, как мы, взрослые, сами к нему относимся, насколько почитаем.

Наши родители не оставили детям и внукам дорогих вещей, и в жизни они отличались скромностью. Тем не менее наставляли нас по-житейски щедро, без всяких выкрутасов: будешь работать как надо, так и достаток в дом придет. И каждый впоследствии для себя нашел дело, причем на всю жизнь. Начинать приходилось нелегко, подчас в невероятно трудных обстоятельствах. На всю жизнь врезался в память первый послевоенный год, когда мы с теткой в летнюю пору почти не-

делю пешком шли из родной деревни в Барнаул, куда перешел работать отец. Вот к нему-то члены нашей семьи один за другим и перебирались, кто как мог. А поскольку мне в тот год стукнуло четырнадцать, то все единодушно признали, что двухсоткилометровый путь я успешно преодолел на своих двоих.

Путешествие из деревни в город оставило неизгладимое впечатление, расширило мое представление о родном крае. Запомнились и многочисленные встречи со взрослыми, особенно с фронтовиками, вернувшимися с войны. Радовал их неуемный оптимизм, любовь к труду на родной земле. В одной из деревень, где мы започевали у знакомых, совсем еще молодой фронтовик с веселым прищуром глаз похлопал меня по плечу, а потом по-дружески сказал: «И чего это ты потопал в город? Разве в деревне работы мало?» Разговаривал со мной как взрослый, знал, что подростки в годы войны и землю пахали, и снаряды для фронта делали.

В наше время уж больно мы опекаем 14—15-летних и тех, кто постарше. А зачастую в таком возрасте они настолько физически развиты, что ехать в пионерский лагерь просто стесняются. Все больше у них силы, энергии, молодого здоровья — куда это девать? Они способны на добрые дела и, случается, на недобрые, но всегда их тяготит незанятость, всегда ребята ищут, к чему приложить силы. Сколько приходилось слышать от знакомых, что вот, мол, сын и хотел бы поработать, да никуда не принимают, хотя посильной работы много. Ответ чаще всего один: «Молод еще, берем только с восемнадцати».

Секрета тут никакого нет: иные мастера не желают возиться с подростками — ведь им полагаются разные льготы, сокращенный рабочий день. С совершеннолетними проще, спокойнее. А вот чем обрачивается для подростков безделье, об этом многие руководители не задумываются. Душа болит, когда видишь, как они слоняются без дела и ищут приключений.

Иные ссылаются на трудовое законодательство. Знаю, что наши законы справедливые, гуманные. Однако наши законы, продиктованные заботой Советского государства о подрастающем поколении, во все не препятствуют работе подростков. Возможно, некоторые ограничения устарели и нуждаются в пересмотре. Возможно, стоит прислушаться к родителям и учителям, предлагающим допускать подростков к общественно полезному труду не с шестнадцати лет, а несколько раньше.

Именно на такой принцип трудового воспитания, обучения, профессиональной ориентации нацеливают «Основные реформы общеобразовательной и профессиональной школы», где прямо сказано, что соединение обучения с производительным трудом предполагает включение учащихся, начиная с младших классов, в систематический, организованный, посильный для их здоровья и возраста общественно полезный труд — труд настоящий, необходимый обществу. Очень мудрое решение. Но даже в рамках действующих законных порядков делают это далеко не все. Видимо, главное тут в сложившейся практике, при которой от работы с подростками попросту отмахиваются. К чему это приводит, попробую рассказать в последующих главах.

ЗДРАВСТВУЙ, ЗАВОД!

В городе мы жили трудно, семья была большая, зарплата отца явно не хватало. Жилье было тесное, барачного типа, сказывались последствия недавно закончившейся войны. Вот почему, когда отец заговорил с матерью о том, что надо меня устраивать на работу, я по-настоящему обрадовался. Мне тогда шестнадцать стукнуло и, если говорить откровенно, всей душой хотелось попробовать себя в настоящем деле.

— Пойдешь на станкостроительный, — сказал отец. — Завод что надо, там из тебя человека сделают.

О заводе я кое-что знал, отец много и часто рассказывал о нем. Он сам, судя по всему, прикипел к нему, сроднился с коллективом, в котором работал. Особенно волновала многолетняя история предприятия, ухивившая своими корнями в середину девятнадцатого века, в Петербург, где завод основали под крышей «старого Арсенала». В его биографии первые шаги зарождавшегося тогда в России революционного движения — пропагандистские кружки, политические демонстрации, прокламации, баррикады первой русской революции, штурм Зимнего, успехи в гражданской войне. В годы Великой Отечественной завод прописался на новом месте — в Барнауле.

Рассказы отца глубоко западали в душу, волновали воображение. Что ни говори, а поступить на такой завод было лестно и заманчиво. И вот убеленный сединами кадровик в очках бегло взглянул на мою коряво нацарапанную автобиографию, которая уместилась в десяти строчках — родился, учился, работал в колхозе, — внимательно, по-доброму посмотрел на меня и уважительно сказал отцу:

— Оформляйте учеником токаря в сороковой цех. Всего хорошего.

В сороковом цехе в те годы делали шлифовальные станки. В ту пору не было, пожалуй, более распространенной и популярной профессии, чем токарь-универсал. О других заводских профессиях как-то говорили меньше. Может, еще о слесарях тоже часто слышал. Но мне профессия токаря показалась более значимой и важной, все-таки со станком дело иметь приходилось, с механизмами. А меня, откровенно сказать, к технике тянуло. И хотя о ней не имел никакого представления, направление кадровика меня обрадовало. «Лишь бы к станку поставили, а там со временем и споровка придет».

Первое впечатление от встречи с цехом тоже запало на всю жизнь: гудящие работающие станки, сосредоточенные люди, звонкие мостовых кранов, бегающие по пролетам небольшие тележки — все это немножко пугало и в то же время притягивало. Тем более, что среди станочников я заметил много чуть ли не своих сверстников. Это несколько приободрило меня. «Сумели же», — подумалось.

Стоявший поблизости мастер Виктор Григорьевич Пучинин будто разгадал мои мысли.

— Сделаем из тебя, Иван Кузьмич, первоклассного станочника, — полусерьезно заговорил он, — только бы ты сам хотел этого.

Подошли к станку будущего учителя. Молодой рабочий продолжал невозмутимо делать свое дело. Я восхищенно смотрел на расторопные движения токаря, на быстро вращающийся механизм (как потом оказалось, на шпиндель с зажатой в нем деталью), на вьющуюся из-под резца спиралеобразную металлическую стружку.

— Леонид, удели нам несколько минут, — попросил мастер токаря. — «Крестника» к тебе, Волохов, привел, обучать его токарному делу надобно. Думаю, не откажешь парню?

— Что за разговор? — немного обиделся будущий наставник, который лет на пять был старше меня. — Самого-то тоже кто-то учил. Через несколько минут Пучинин отошел, а Волохов, не отрываясь от работающего станка, со всей серьезностью посоветовал:

— Пока будь возле меня и наблюдай, как я работаю. С этого и начнем.

Так начались мои «университеты». Много лет прошло с тех пор, но никогда не забыть мне первой встречи с заводом, с кадровиками, цехом, мастером и первым рабочим-наставником. Приветливость и доброжелательность, заинтересованность старших окрылили меня с первых шагов появления на предприятии, вселили в меня веру, что эти добрые люди помогут мне овладеть профессией и стать рабочим человеком.

Что греха таить, не всем хватает такта и теплоты при первой встрече с новичком, больше того, пренебрежение и грубость встречаются, оттого и притирается новенький с трудом, с мастером и коллективом конфликтует, к делу относится без всякого интереса. Неосторожное слово ранит подростка, озлобляет его, выбивает из равновесия.

Впоследствии мне самому приходилось сталкиваться с подобными ситуациями, когда уже и чертежи мог хорошо читать, и многие сложные операции умел выполнять. И вот мастер, к которому меня определили, то ли недооценил мои профессиональные возможности, то ли по другой какой причине (тогда по молодости лет я имел смутное представление о производственной необходимости, по этой причине распоряжения мастера воспринимал нередко как несправедливые) каждодневно ставил меня на одну и ту же операцию — черновую обдирку заготовок. Ума на ней большого не требовалось: зажал круглую болванку, проточил, затем разрезал, просверлил — готово. И так без конца, изо дня в день. Вроде бы все просто, никаких трудностей. Но однообразная, монотонная работа изматывала, надоедала. И это в то время, когда мне были под силу более сложные операции.

Позже понял, что на производстве любая операция важна и нужна, поскольку без нее готовой детали не получится. И выполнять их кто-то должен. Но если одного загружать постоянно черновой работой, лишая его профессиональной высоты, то он вскорости потеряет всякий интерес к делу.

Тогда я не сдержался, высказал обиду мастеру. Тот вначале не понял: что, мол, ищешь работку повыгоднее. Как мог объяснил ему, что дело совсем не в зарботке, а в том, что труд не радует, а больше тяготит. Опять же — профессиональный застой. И что обидно, пытался убеждать мастера, что этой злосчастной обдиркой не заканчивалась обработка детали. Ее затем на других станках «доводили», и операции там были посложнее. Вот бы и поручили мне. Мастер внимательно выслушал меня и сказал:

— Всеу свое время.

И тут же подвел меня к горке обработанных мною деталей, которые я, по моему разумению, мог делать с закрытыми глазами.

— Вот ты, Шипулин, уверяешь, — начал он, — что на эту операцию раз плюнуть и что ты ее давно перерос. А почему же некоторые детали сделаны наспех, небрежно. Те, к кому они попадут на последующую операцию, спасибо тебе не скажут. Но с другой стороны ты прав: нельзя одного человека каждодневно нагружать монотонной черновой работой, самолюбивый — обидится, а строптивый — бросит все и уйдет. Во всем должно быть чувство меры.

Случай этот запомнился мне надолго, возвращался к нему мысленно часто, независимо от того, на каком месте работал — стоял ли у станка или был мастером, а затем возглавил бригаду. Поначалу учился не только профессиональному мастерству. Вечерами ходил в школу рабочей молодежи, а когда закончил десять классов, продолжал учебу в механическом техникуме. Получил диплом техника. Скажут, повезло на хороших людей. Не скрою — на отзывчивых людей мне везет всю жизнь, им я многим обязан. Вместе с тем и сам каждодневно учился, набирался опыта, старался хорошо работать, никогда не сторонился общественной работы.

Потому, видно, и приняли меня, как передового рабочего, в члены Коммунистической партии, избрали затем в руководящие партийные органы, в Советы народных депутатов, посылали делегатом на партийный съезд, отмечали высокими наградами. Одним словом, все, чего достиг, связано с родным заводом, с его замечательным коллективом. Здесь, в коллективе, обрел свою судьбу, познал подлинное счастье в жизни. И чем больше роднился со своим предприятием, тем все боль-

ше задумывался о судьбе подростков, которые ежегодно приходили в заводские цехи.

Глядя на них со стороны, никак не мог отделаться от мысли, что старшие не всегда отдают им то, что имеют, а парнишки и девчонки меж тем варятся в собственном соку, не находя подчас смысла в выбранном ими пути.

Много я тогда передумал, пока разрозненные мысли не сложились в четкое предложение — создать из подростков бригады, а возглавить их должны опытные рабочие-наставники. Первую такую бригаду в цехе электроталей партком и профком предприятия поручили мне.

БРИГАДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

И до этого приходилось бывать бригадиром. Только раньше со мной работали опытные, квалифицированные токари, а новички составляли исключение. Трудились дружно, отчасти помогая друг другу, новичков по мере возможности приобщали к высотам профессионального мастерства. И все-таки настоящей спаянности не было, работал каждый сам по себе, платили каждому по индивидуальной сдельщине. И естественно, мастерской токарь не всегда мог выкроить время для помощи неопытному. Внешне подросток вроде не обижался, а в душе завидовал мастерским токарям, хотел встать вровень с ними. А если этого не получалось, то некоторые шли искать более подходящую работу. Тем не менее за те годы бригадную школу ученичества прошло ни мало ни много — 125 человек.

И вот снова бригада, только сформирована она из подростков, причем большей частью «трудных». А я не только бригадир, но и шеф-наставник. На заводе и до меня были шефы, которые знакомили парнишек с азами профессии, учили их высокопроизводительно трудиться, но ведь у каждого такого шефа-наставника был только один подшефный, а тут целая бригада трудноуправляемых подростков, которые большей частью не спешили рвать гужи на работе, не могли похвалиться и примерным поведением. Вот их-то и предстояло направить на истинный путь, а добиться этого, на мой взгляд, лучше всего можно было только в бригаде. Таких комсомольско-молодежных бригад, которые комплектовались в основном из подростков, на заводе создали свыше двадцати пяти. Возглавили их опытные рабочие, передовики производства Виктор Дмитриевич Харитонов, Николай Гаврилович Коротких, Сергей Кошкин и многие другие.

Часто спрашивают, почему я отдаю предпочтение бригаде? Да потому, что тяга к общению — типичная черта молодых. А разве, находясь в цехе или на участке, молодой человек не в коллективе? В коллективе, разумеется, но ведь при индивидуальной оплате молодой рабочий привыкает думать о своей работе, о своем заработке. И зачастую рубль для него становится главным мерилем в жизни, а отсюда погоня за выгодной работой. Небольшой же бригадный коллектив, как показала многолетняя практика, особенно тот, который работает на один наряд, лучше, чем другое производственное звено, воспитывает такие необходимые качества, как коллективизм, чувство рабочей чести, профессиональной гордости. Вот потому и голосую за то, что надо сводить молодежь в бригады, в коллектив. В самом деле, в бригаде, во главе которой стоит опытный рабочий, умелый наставник, подросток никогда не останется наедине со своими неудачами, к нему в любую минуту придет на помощь либо бригадир, либо более знающий дело товарищ. Опять же в бригаде интересуются не только тем, как тот или иной подросток работает, но и как он отдыхает, чем занимается в свободное время, что читает, как ведет себя в семье.

Точно таких же взглядов о роли бригады в формировании личности подростка придерживался и знатный шеф-наставник, бригадир сле-

сарей-сборщиков Ленинградского производственного объединения «Электросила» Степан Степанович Витченко, о встрече с которым и его рабочей педагогике скажу чуть пониже. В свое время об этом наставнике много рассказывалось в печати, по телевидению и радио.

Каждая встреча с подростком, последующее его обучение и воспитание все больше убеждали в том, что главный жизненный стержень человека закладывается в семье, в детстве, поскольку именно тут лежат истоки характера человека, его отношения к жизни. Об этом приходится говорить потому, что не всегда мы вовремя приходим на помощь новичку, доискиваемся до истоков его поведения, отношения к делу. А ведь судьбы людские не схожи одна с другой, а потому и подход к каждому должен быть строго индивидуален.

Вспоминается история с Александром Онищенко. Разболтанность парня не укладывалась ни в какие рамки. Каждый два месяца он попадал в медвытрезвитель, чаще всего после получки. Журили и «чистили» мы его не раз. А помогало мало. Решили побывать у парня дома, жил он в деревне Велижановке под Новоалтайском. Собственно, там и случались чаще всего ЧП. В семье мать и сестра. Мать работала, догляда за парнем не было вообще. Вот и нашлись дружки-«корешки», которые все больше сбивали его с истинного пути. Саша все реже посещал вечернюю школу, срывался, как по расписанию, на работе. Зато все чаще посещал городские забегаловки, распивал спиртное прямо в подъездах. После каждой беседы или «проработки» парень давал обещания исправиться, но вскоре забывал об этом и продолжал куролесить.

Собрал я ребят на бригадный совет, давайте, мол, пойдем на крайнюю меру. Начал с того, что бригада нет-нет да премии получает, а за что, спрашивается, — один-то в коллективе из милиции не вылезает? Разве мы не ответственны за него? Разговор шел в присутствии самого Онищенко: тут же находился мастер и начальник цеха... «Лишайте нас премии, — сказал я решительно руководителям от имени всей бригады, — раз мы с одним совладать не можем». Такого оборота Онищенко явно не ожидал. «Как же так, — вскочил он, — выходит, из-за меня невинно пострадают товарищи?» Он-то хорошо знал, что большинство из них трудились прилежно, дорожили коллективом, честью своей бригады. Взмолился тогда Александр, дал последнее слово. И мы поверили ему. Забегая вперед, скажу — Онищенко сдержал свое обещание. Работал хорошо, потом ушел в ряды Советской Армии, а когда демобилизовался, первым делом забежал ко мне домой. Рассказывал о службе, а сам все про завод спрашивал, закончил разговор просьбой: «Хочу в свою бригаду. Во всяком случае, в другой цех не пойду».

Разные по интересам, склонностям и увлечениям приходили подростки в бригаду. И каждый старался чем-то себя проявить, по-своему утвердиться, хотя не всегда это самовыражение вписывалось в установленные жизнью правила. Запомнился вихрастый паренек Саша Немцев, его на завод из детдома направили. Пока попал в нашу бригаду, много мест переменил, но нигде не мог ужиться, с рабочей дисциплиной был не в ладах. По опыту знаю, говорить с таким о чести бригады, обязанностях и обязательствах, все равно, что воду в ступе толочь. Бывало, втолковываешь ему про экономию и бережливость, а он тем временем дорогостоящие резцы один за другим «садит». Когда с грехом пополам закончил курс обучения, доверили Немцеву самостоятельную работу; но и здесь он по-прежнему коленца выкидывал. Как-то, никому ничего не сказав, бросил работу. Как выяснилось позже, уехал к тетке в Рубцовск. Посчитал, раз стал «самостоятельным» — можно делать что хочется. Через неделю заявился.

Что делать с парнем? Можно, конечно, в комсомольский комитет сводить и поговорить на бригадном собрании. Но стоило мне взглянуть на Сашу, как сразу же не по себе стало: брючишки на нем поношен-

ные, ботинки разбитые, «каши просят». И весь он какой-то неухоженный, замкнутый. Так и хочется помочь ему по-человечески, но чтоб не обидеть. Пошел в общежитие, заглянул в комнату Саши, в которой вместе с ним проживали еще трое таких же сорванцов. Внешне каждый с бравадой, не прочь взрослым себя показать, независимость проявить, а в конечном счете все они с неделю после получки шиковали, а потом сидели на «кислороде». Когда я на следующий день обо всем увиденном рассказал членам бригады, Виктор Борисович Кучунов — единственный высококвалифицированный станочник, оставшийся вместе со мной в бригаде подростков, резонно заметил:

— А ведь он у нас вроде за сына в бригаде, что же мы за отцы?

— Раз он наш, — вмешался Анатолий Гаврилов, — то к парню надо по-человечески подойти. Во всем.

И как-то само собой получилось, что с очередной получки собрали в бригаде энную сумму денег, и я вместе с Сашей отправился в магазин. Назавтра парень пришел в цех в обнове. Некоторая скованность и смущение не смогли скрыть его внутренней радости, чувства восхищения товарищами, которые неожиданно открылись для него новыми гранями.

Собственно, только в бригаде Александр понял, кто настоящие люди, а кто — случайные попутчики. И конечно же, не в costume дело, парень разглядел за обычным будничным фактом настоящую человеческую доброту, искреннюю заинтересованность его судьбой. Понял, что в бригаде не только умеют спрашивать, но и подставить в нужный момент дружеское плечо. Лед постепенно таял, Саша все ревностней брался за дело и через год стал хорошим наладчиком.

Каждый раз, когда я знакомился с новичками, приходившими в мою бригаду, невольно переносился в первые послевоенные годы, когда сам впервые переступил заводскую проходную, попал в огромный цех с самыми различными станками, машинами, механизмами, которыми управляли люди. Не скрою, я поначалу растерялся, уж больно диковинными были автоматические линии, различные конвейеры... А много ли я знал тогда — да по существу ничего. И заставь меня вариться в собственном соку, не скоро бы я одолел премудрости полюбившейся мне профессии токаря.

МАЛЬЧИШКИ — НАРОД ОСОБЫЙ

Долго приглядывался к выпускникам профтехучилища: некоторые устраивали затяжной перекур, другие бесцельно ходили по цеху, третьи — по-ребячьи катались на электрокарах или еще какие-нибудь развлечения придумывали. Покрикивание и пелестные замечания никакого проку не давали. Не успеешь, бывало, сделать внушенье и отойти от нашкодившего парня, он тотчас же снова с соседом о пустяках говорит. А второй, смотришь, бравирует своим бездельем. Некоторые работают лишь для вида. При такой расхлябанности и несобранности недолго потерять всякий интерес к работе; не раз задумывались кадровые мастера, рабочие: «Нашу смену — нам и воспитывать». Из проведенных бесед становилось ясно, что среди новичков есть ребята «трудные», отдельные состояли на учете в детской комнате милиции. Но все они были любознательны, с высоким уровнем общего развития. А об энергии и говорить не приходилось. Она была ключом! Да и на выдумки ребята были горазды.

Как направить все доброе, хорошее, что в них есть, в одно нужное русло, как сделать труд каждого из них первой жизненной потребностью? Вот с такими мыслями пришел как-то к начальнику цеха Юрию Дмитриевичу Елизарову, а затем к директору завода Петру Сергеевичу Кулагину. Были на сей счет у меня и некоторые конкретные предложения. По собственному опыту знал, что индивидуальное обучение

подростков не всегда достигает желанной цели. Иной новичок «нахватается» производственных навыков, становится слабой копией своего наставника, а потом в лучшем случае «гонит» план и только. А личности из него зачастую не получается.

В бригаду, которую сформировал из подростков, попали в основном выпускники профессионально-технического училища, им было по 15—16 лет. С виду парни рослые, видные, даже солидные, а настоящего понятия о своем долге, дисциплине еще нет — просто еще не сложилось. В училище парням присвоили первый, второй и даже третий разряд, а рабочих-то навыков нет, отсюда — малоквалифицированная работа. Значит, и ответственность притуплена.

При создании комсомольско-молодежной бригады во многом опирался на большой опыт шефа-наставника С. С. Витченко с Ленинградского объединения «Электросила». Об этом человеке стоит рассказать подробнее. Отдав много лет службе в пограничных войсках, полковник в отставке Витченко пришел в производственное объединение «Электросила» слесарем-сборщиком, а затем нашел свое второе призвание — стал воспитателем рабочих-подростков. На «Электросиле», в его бригаде, можно сказать, и взяло исток движение, известное под названием наставничество и распространившееся на всю страну.

— В чем же секрет вашего педагогического успеха? — спросил я Степана Степановича, встретившись с ним в Ленинграде.

— Трудно сказать, — уклонился от прямого ответа знаменитый наставник, награжденный за заслуги в воспитании рабочей смены орденом Ленина. — Наверное, надо очень любить ребят, улавливать в них пытливость, стремление к подвигу, природный юмор.

Вот эти особенности мальчишек и стали союзниками Витченко в борьбе за подростка. Степан Степанович не палку и не окрик взял себе в помощники, а простое человеческое слово и собственные навыки и потому многого достиг.

Когда я в Барнауле рассказал директору завода и начальнику цеха об этом, оба руководителя проявили к опыту ленинградского бригадира-наставника неподдельный интерес.

— Надо передать этот опыт всем бригадирам комсомольско-молодежных бригад, — сказал тогда директор завода П. С. Кулагин. — Давайте соберем бригадиров в цехе электроталей, а выступит перед своими коллегами Иван Кузьмич Шипулин. Он встречался с Витченко, хорошо познакомился с его рабочей педагогикой, думаю, что есть о чем рассказать своим товарищам.

Совещание такое провели. На нем присутствовали все заводские руководители — директор, секретарь парткома, председатель профкома, секретарь комитета ВЛКСМ. Столь высокое представительство на рядовом по существу совещании окрылило руководителей комсомольско-молодежных бригад, они поняли, сколь большую значимость придает заводское руководство подготовке рабочей смены. Решение этой, никогда не сходящей с повестки дня проблемы диктовалось и другими объективными причинами: завод в скором времени переходил на выпуск более совершенных электроталей, промышленных цепей, станков и другой продукции.

Поначалу не все у нас ладилось. Хотя мы с Виктором Борисовичем терпеливо учили ребят профессиональному мастерству, старались пробудить в них любознательность, тактично указывали на недостатки в поведении. Подопечные наши с нормами не справлялись, с трудовой дисциплиной и общественным порядком ладили не всегда. Полного взаимопонимания между старшими и младшими не было, и все потому, что в одиночку каждый не мог многого добиться, а коллектива как такового еще не сложилось. Начались мучительные поиски, а тут еще и педагогических навыков почти никаких. Одного опыта Степана Витченко было явно недостаточно, поскольку конфликтные ситуации с но-

вичками возникали по самым неожиданным поводам, и в каждом конкретном случае надо было принять справедливое решение. Пошел в заводскую научно-техническую библиотеку (такие есть на каждом крупном предприятии), спросил: «Дайте что-нибудь по рабочей педагогике». В ответ услышал: «Нет такого направления в педагогической науке». — «Ну, тогда по общей — с азов начинать буду». — «И по общей все разобрали», — ответил библиотекарь. «А из художественной литературы, — спрашиваю, — из книг, где раскрываются проблемы воспитания молодого рабочего?..» Выяснилось, и таких нет, а имеющиеся — на руках. Попросил узнать, у кого же книги по педагогике. Дали список: секретарь парткома, председатель профкома, главный инженер, директор, его заместители. Смотрю список дальше — полтора десятка знакомых фамилий: наши кадровые рабочие, передовики и новаторы производства читали Макаренко, Ушинского, Сухомлинского. Хоть и ушел я из библиотеки в тот раз ни с чем, но порадовался: раз руководители и новаторы штурмуют педагогическую науку и литературу, значит будет, обязательно будет в скором времени и рабочая педагогика.

Позже мне многое подсказали труды замечательного советского педагога А. С. Макаренко, который говорил, что воспитание коллектива и воспитание отдельной личности должны идти в одном направлении, что прекрасный человек, полный своеобразия, с яркой личной жизнью, может сформироваться, вырасти только в совершенном коллективе.

Вывод напрашивался сам собой. Следовало добиться того, чтобы коллектив, бригада стали общественной ячейкой воспитания, чтобы не один бригадир-наставник занимался обучением и воспитательной работой, а буквально все члены бригады, в том числе и сами подростки.

В самом деле, вся производственная учеба, становление и вывихи подростков проходили у всех на глазах, так зачем же скрывать от других успехи одних, равнодушие и лень нерадивых. Благо, что жизнь каждодневно преподносила самые невероятные ситуации, но поскольку за каждой из них стоял конкретный молодой человек с присущим только ему характером, то и реагировать на эти, большей частью конфликтные случаи следовало не по шаблону, не казенно, а с учетом личности подростка, пусть подчас и строго, но доброжелательно, ни в коем случае не роняя достоинства ученика. И какой бы поступок ни совершил новичок, разговаривать с ним надо спокойно, без оскорбительных эпитетов. Такой разговор лучше доходит до провинившегося и оступившегося, и даже до явно недисциплинированного подростка, которому нипочем самые высокие авторитеты.

Вспоминается случай, из-за которого бригада чуть не потеряла одного подростка. Николай Полухин, пришедший в бригаду вместе с другими, ничем не выделялся среди своих сверстников по профтехучилищу. Разве что был больше всех других самопадеян, экспансивен, неприязненно относился ко всякой опеке и покровительственному отношению со стороны взрослых. «Я не с улицы попал в цех, — такое выражение часто читалось на его лице, — у меня диплом и как-никак второй разряд токаря. И няньки мне совсем не нужны».

На поверку вышло, что второй разряд парню дали преждевременно. Вчерашний выпускник не знал как следует станка, читать мог только простейшие чертежи, с инструментом тоже не умел обращаться — словом, поставить его можно было только на черновые операции, да и то после соответствующей практики. Когда он освоился со специальным станком для нарезки стяжек, я поставил его на эту довольно примитивную операцию. Работа проще простого: зажал железный прут в шпindel — нарежь резьбу. Задание на смену установил тоже посильное — 150 стяжек. С неделю Полухин справлялся, а потом вдруг «выпрягся», начал недодавать стяжек 20—30 за смену.

— Бездельничает, Коля, — заметил подростку, — выходит, что даже пустяковая работа тебе не по силам.

— Сколь хочу, столько и делаю, — с вызовом ответил Полухин. — А вообще могу и совсем отказаться от этой работы. Меня не этому учили...

— Задавака, лодырь, — не сдержался я, позабыв о том, что схожая ситуация со мной случалась в юные годы. Зато немного поостыв, понял, что излишне погорячился и обидел парня. Захотелось прежде всего разобраться в том, по какой же причине Николай устроил «итальянскую» забастовку. Поговорил с товарищами Полухина, те сразу же — душа нараспашку. «Колька, мол, вообще грозился уйти из бригады, если его не избавят от грязной работы».

— Как это грязная работа, — не понял я вначале. — Здесь же токарки работают, а не часовщики.

Как выяснилось потом, работа была «грязной» потому, что при нарезке использовалось много масла, иначе не избежать перегрева металла, да и резьбу можно было порвать. А где масло, там и пачкотня. Но ведь она и от самого токаря зависит, надо только умеючи обращаться с готовыми деталями. Здесь налицо мой просчет, не подсказал вовремя. Неприятно, но ошибка поправимая, ее я признал на рабочем собрании. А вот о другой более серьезной проблеме — престижной и непрестижной работе — пришлось поговорить серьезно. Подростки с их неустойчивостью взглядов, оценок, отношений, с обостренным чувством справедливости могут приписать шефу-наставнику, в данном случае бригадирю, такие качества, о которых он и не подозревает: те, мол, которым дают чаще других «чистенькую» работу, в любимчиках ходят, а другие, кто чаще всего «принудиловку» отбывает, — пусть в отверженных помыкаются.

Чтобы этого не случилось, мне пришлось обстоятельно поговорить с ребятами на том же собрании. Откровенно высказался, что по существу все молодые токарки не блещут профессиональными навыками, а потому каждого из десяти можно было поставить на изготовление стяжек. Но поскольку такой станок в бригаде всего один, то первый выбор пал на Полухина, а завтра его может заменить любой другой.

— Напрасно Полухин ерепенился, — заметил Юра Белобородов. — Зато он там и зарабатывал больше других. Да я хоть сейчас перейду на его место, пусть меня и прежний заработок устраивал. А что грязновато, так мы ж не белоручки, а рабочий люд.

Пришлось напомнить ребятам, что хоть стяжка вроде и пустяковая деталь, но без нее электрической тали не соберешь. Кто не верит, пусть побывает на сборке, там, между прочим, «пустяковых» деталей не бывает. Важно их вовремя подать, да высокого качества.

Позже сводил подопечных на сборку электроталей, там они побеседовали со слесарями-сборщиками, узнали о том, куда идет готовая продукция. И надо было видеть, как загорелись глаза у ребят, когда они узнали, что электроталами пользуются в заводских цехах и колхозных мастерских, на стройках и рудниках, словом, всюду, где надо поднимать тяжелые узлы и детали. А когда инженеры-конструкторы рассказали ребятам, какими станут электротали в ближайшем будущем и что воплощать в металле замыслы конструкторов вместе с опытными стаючниками придется и молодым рабочим, то подростки воспрянули духом, у них словно крылья выросли.

— Только учиться надо основательно, — сказали на прощанье ребятам конструкторы. — Иначе не осилить нам новую конструкцию электроталей, а они будут более производительными, и металла меньше потребуется.

Мальчишки призадумались.

СКОЛЬКО УЧИТЬСЯ НА ТОКАРЯ

Суммируя наиболее существенные и характерные особенности того или иного молодого рабочего, постепенно накапливал о нем сведения, необходимые в процессе обучения и воспитания. Это помогало мне лучше выстраивать педагогическую стратегию и тактику работы с начинающим станочником. Ведение записей облегчало плановость наблюдения. Из долголетней практики работы с подростками пришел к выводу, что в зависимости от целей молодых рабочих можно условно распределить на четыре группы.

Рабочие первой группы рассматривают работу на предприятии как временный этап, ступеньку для поступления в вуз или техникум. Такое отношение характерно для многих молодых людей, не прошедших в учебное заведение по конкурсу и ориентированных на учебу.

Рабочие второй группы считают рабочую профессию привлекательной, однако стремятся на другое предприятие, на которое по ряду причин не попали, а данное предприятие выбрали временно.

Рабочие третьей группы никаких определенных целей по отношению к рабочей профессии не имеют, не знают собственных возможностей, так как не имеют сложившихся профессиональных интересов и ориентаций.

Рабочие четвертой группы профессию выбрали осознанно, решили связать свою судьбу с предприятием.

Новички, работавшие в бригаде, пусть и закончившие профтехучилище, относились большей частью к третьей группе, поскольку смотрели на свою будущую профессию с легкостью необыкновенной, откладывая постижение ее на отдаленное будущее. Попадали представители и из других групп, и здесь важно было независимо от жизненных целей каждого относиться ко всем молодым рабочим внимательно и доброжелательно, оказывать им необходимую помощь. Однако стратегия и тактика педагогического воздействия должны учитывать в первую очередь то обстоятельство, что привело молодых рабочих на предприятие.

Разумеется, рабочие четвертой группы представляют наибольший интерес для предприятия. Важно закрепить и углубить сложившееся у них отношение к работе и предприятию. Что касается рабочих первой группы, то необходимо прежде всего выяснить возможности их общения к предприятию. Если такая возможность реальна, то педагогическая стратегия должна исходить из целесообразности их переориентации на рабочую профессию и обучения в заочном или вечернем учебном заведении. Проходя трудовое обучение в комсомольско-молодежных бригадах, многие подростки одновременно учились в вузе или техникуме, получали дипломы о высшем или среднем специальном образовании, но так и оставались на рабочих местах, хотя им и предлагали должности инженеров и техников. Значит, сработала педагогическая стратегия наставников, сумевших привить подшефным любовь к рабочей профессии и неиссякаемое стремление к знаниям.

Поскольку, как подчеркивал раньше, мне пришлось иметь дело большей частью с молодыми рабочими второй и третьей групп, которые не имели осознанных целей на будущую профессию, то я и буду рассказывать об этих подростках, подчас трудных, которых следовало обучать трудовым навыкам и воспитывать идейно и нравственно.

Как-то заметил я, что Сергей Агапов и Юрий Белобородов стремятся отличиться на работе. Само по себе стремление похвальное, но вот что обнаружил, присмотревшись поближе: высокая выработка, конечно, относительная, достигалась в ущерб качеству продукции. На обработанных парнями деталях попадались плохо выбранные канавки, шероховатости, на работу смотреть не хотелось. Чаще всего такое случается, когда неправильно затачивают резцы — не выдерживают углы

градуса, не заправляют его как следует. Откуда быть высокому качеству? Выяснил, что ни Агапов, ни Белобородов не знают, как готовить инструмент. Пробел профтехучилища? Да, выходит, ребят там учили «чему-нибудь и как-нибудь», вот они и споткнулись сразу же, не успев прийти в цех.

— Как же так? — спросил я ребят. — Неужели не ясно, что без хорошего инструмента и обычную палку не обточишь. А тут — металл!

— Но ведь не всегда же брак случается, — попытался возразить мне Юрий Белобородов. — Иной раз чуть ли не всю партию деталей ОТК целиком принимает.

— А почему не всегда? — пристально посмотрел я на Белобородова. — Выходит, умышленно не хочешь с инструментом возиться. И так, мол, сойдет. А о товарищах ты подумал? Брак-то ведь на всю бригаду липнет.

После сделанного выговора пришлось посмотреть, как Белобородов и Агапов затачивают резцы, заправляют инструмент. Оказалось, ни тем, ни другим парни не владеют. «Выходит, к помощи более опытных товарищей прибегают, — пронеслось в голове, — но почему же скрытно, так ведь и до обмана легко скатиться».

О раскрытом «секрете», однако, никому не сказал, но сделал себе заметку: «Учеба и еще раз учеба. В большом и малом».

Парням же сказал:

— Обращаться за помощью не зазорно. Прятаться за спину других — нехорошо. Так всю жизнь можно в учениках проходить. Знал я одного студента-заочника, так он на каждый курс по четыре года ухлопывал. Инженера из него так и не получилось, настоящего рабочего — тоже.

После этого случая посоветовался со своим помощником Виктором Кучумовым. «А что если провести в бригаде своеобразный смотр-конкурс новичков по инструменту, — сказал ему. — Пусть каждый покажет, на что он способен. Равнодушным наверняка никто не останется». Кучумов поддержал мою идею, а когда о конкурсе сказали всем членам бригады, то мнения, как и следовало ожидать, разделились. Те, которые более или менее научились обращаться с инструментом, охотно поддержали предложение, в то же время нашлись и такие, которым затея не понравилась: зачем, мол, неумех на посмешище выставлять. Особенно возражал против конкурса Володя Болотов, пришедший в бригаду после окончания профтехучилища. Судя по всему, ничему он там не научился, да и в коллективе «не рвал гужи»: работал спустя рукава, советами старших пренебрегал, был вял и безразличен. Когда Болотову напоминали об учебе токарному делу, он с присущим ему равнодушием отнекивался: «Все придет само собой». Тем не менее Владимир вместе со всеми стал готовиться к состязанию, обращался с вопросами ко мне, Кучумову, чаще стал беспокоить просьбами товарищей.

Экзаменовали на конкурсе каждого, «болельщиками» при этом были все члены бригады. Они сообщали и выставляли оценки конкурсантам: по теории инструментального дела, заточке и заправке резцов и т. д. Некоторые до конкурса даже не представляли себе, что резцы бывают самой различной конфигурации: проходные и расточные, отрезные и резьбовые, канавочные и фигурные — и каждым надо уметь пользоваться.

— Выходит, токарному делу, — сказал мне вскоре после конкурса Владимир Болотов, — зараз не научишься, тут как следует попотеть надо. Получается, не правы те, которые...

Чем больше приглядывался я к своим подросткам, к другим новичкам в цехе, на заводе, тем все больше приходил к выводу, что молодой рабочий становится полноценным работником только после прохождения периода доучивания в процессе самостоятельной работы.

В доучивании условно можно выделить два взаимодействующих аспекта — учебный (дидактический) и воспитательный. Первый связан с расширением профессионального кругозора, овладением умениями и навыками производительного труда. Второй — с приобщением к целям и интересам трудового коллектива, воспитанием коммунистического отношения к труду, чувства хозяина производства.

Сергей Кошкин ничем не выделялся среди своих сверстников, учился делу, правда, охотнее других, к старшим прислушивался, но не все у него получалось как надо: то резец сломает, то деталь «запорет», то станок выведет из строя. И все из-за своей нетерпеливости, желания забежать вперед, выделиться среди товарищей.

— Иван Кузьмич, — как-то обратился он ко мне. — Уж больно надоело на пустяковой операции стоять, посложней бы дали работу. Не век же мне учиться.

— Не спеши, Сергей, многого ты еще не знаешь, а рвешься в заправские токари. Многому тебе надо научиться.

Поначалу я помогал ему выбрать правильные приемы и методы труда, учил пользоваться оборудованием, инструментом, разбираться в чертежах и т. д., а со временем мне приходилось поручать ему обработку сложных деталей, трудных по конфигурации и степени профессионального исполнения. К тому времени Кошкин мог с блеском прочитать самый замысловатый чертеж. И что удивительно: ставший на ноги токарь не бравировал своими достижениями, наоборот, он все чаще по собственной инициативе помогал осваивать токарное дело товарищам.

Во время анализа трудовой деятельности Кошкина, который мы совместно с подшефным проводили в присутствии всех учеников, я старался как можно нагляднее сопоставить конечные результаты труда за отдельные смены и выявить отклонения. Тут, естественно, заходила речь об организации рабочего места, приемах и методах труда, их структуре и последовательности, способах контроля и самоконтроля и т. п. Такое сравнение помогало не только Кошкину, присутствующие при этом молодые токари сами видели причины своих неудач, включались в поиск лучших вариантов выполнения задания. Анализ трудового процесса каждого молодого рабочего проводился в бригаде систематически и всесторонне. Практика показала, что если работа ведется регулярно, то наставнику меньше приходилось терять времени на обучение молодого рабочего, а сам подшефный быстрее овладевал мастерством.

По собственному опыту знаю, что наиболее эффективным методом обучения и воспитания молодого рабочего, наиболее доступным наставнику, является личный пример. Никогда не забуду курьезный случай, происшедший со мной. Как-то меня целую смену не было на работе, участвовал в работе пленума краевого комитета партии, однако ж об этом знали только Виктор Кучумов, мастер и начальник цеха. Членам бригады об этом никто не сказал. И вот что случилось на следующий день: Виктор Кучумов, остававшийся вместо меня, сразу же сообщил, что Александр Онищенко опять не был на работе. «Поговорить с ним пока не успел», — закончил доклад заместитель.

Беседую с Онищенко, а тот и ухом не ведет. Чего, мол, по пустякам цепляетесь, ну, не был на работе, так и другие не появляются, — попытался он умиротворить меня.

— Другие сами отвечать будут, — рассердился я не на шутку. — А вот ты почему прогулял?

— А вы откуда знаете? — ухмыльнулся Александр. — Вас-то самого не было на работе.

От неожиданности я опешил, но оправдываться не стал. «Кому надо, знает о моей отлучке, — тихо сказал я. — Однако прогулов ни-

когда не делал и твердо ручаюсь, что и впредь никогда не сделаю. А вот ты, Онищенко, опять подвел товарищей».

В последующем, на какие бы общественные мероприятия ни отлучался (а выборных обязанностей у меня было много), об этом обязательно знала вся бригада.

...Никогда не следует замалчивать просчеты новичка и в работе, и в отношениях с товарищами. Важно одновременно заметить их и тактично подсказать пути устранения недостатков. Как-то в нашу бригаду поставили новый токарный станок отечественного производства. Мастер решил перевести на него Виктора Кучумова; в общем-то здесь не было никакого криминала: человек заслуживал этого. И все-таки меня взяло сомнение: а как посмотрят на такое предпочтение подопечные Кучумова? Собрал бригаду, чтоб посоветоваться. В общем-то вроде бы все были согласны с решением мастера, но проглядывала в притихших паренках и невысказанная обида. «Заступился» за всех Владимир Уженцев, лучше других осваивавший профессию токаря, учившийся без отрыва от производства в механическом техникуме. «Есть у нас ребята, — твердо сказал Владимир, — которым вполне можно доверить работу на новом станке. А Кучумову и прежнего станка надолго хватит».

Тогда встал сам Кучумов.

— Вот и отдадим его Уженцеву, — предложил опытный токарь. — Вернее, походатайствуем перед начальством. А я со своей стороны обещаю Володе всяческую помощь при освоении станка.

На том и порешили. И, как выяснилось впоследствии, не ошиблись.

Во время учебы важен каждый поступок молодого рабочего, бригадир должен быть требовательным, но не придирчивым. Он одинаково обязан уделять внимание организации рабочего места, приемам труда, уровню профессиональных знаний и т. д. Мелочная опека, работа по принципу «всегда делай, как я» могут только повредить делу обучения и воспитания. Как-то один из моих способных учеников Николай Цимбалюк подошел к моему станку и без обиняков спросил:

— Почему вы, Иван Кузьмич, не пользуетесь измерительным инструментом? Выходит, на глазок определяете размеры?

Пришлось объяснить Коле, что мой профессиональный опыт позволяет определять окончание обработки детали по времени, в то время как новичку применять такой метод контроля нет смысла, поскольку он не сможет им воспользоваться — у него нет достаточного опыта (чувства станка, умения оценивать особенности материала заготовки и т. д.). Чтобы выработать такое умение, молодому рабочему нужно чаще контролировать процесс обработки с помощью контрольных инструментов.

Когда мы встречаемся с молодыми рабочими, добившимися успеха, то частенько задаемся вопросом: что помогло им в их становлении? Бесспорно, на первом плане тут личная потребность новичка овладеть профессией, пробудившийся интерес к делу. Надо видеть взволнованные лица своих подопечных, когда кто-то из них впервые в жизни выполнил сменную норму. Для большинства молодых рабочих это настоящий праздник. Случаются, правда, при этом и поспешные выводы, переоценка собственных возможностей. Алексей Арцыбашев, выполнивший норму на четвертом месяце обучения, чуть ли не камаринскую отплясывал передо мной у своего станка.

— Баста, — самодовольно бросил он мне. — Вырос я из ученических штанишек. Как думаешь, бригадир, сумею теперь без помощи?

Улыбнувшись, ответил:

— На освоенных операциях — да. А на более сложных — споткнешься. Еще многому надо учиться...

Нередко в прессе попадаются расхожие фразы: «...за последний

год все наши слесари-сборщики освоили смежные профессии токарей, фрезеровщиков, шлифовальщиков...» Скажу прямо — скептически отпшусь к таким «восторгам». Убежден: чтобы стать токарем (фрезеровщиком, шлифовальщиком и т. п.) хотя бы средней руки, надо простоять за станком минимум лет пять-шесть. Если же к станку подходить от случая к случаю, то и за десять лет не получится путного токаря. Любому производственнику это отлично известно. И зря журналисты предаются суесловию. Вред от него величайший: оно опошляет профессию, причает смотреть на нее как на нечто весьма легковесное, приобрести которое — дважды плюнуть. Смею утверждать: чтобы стать приличным токарем или слесарем, в общей сложности потребуется не меньше времени, чем одолеть институт. Массовая взаимозаменяемость весьма способствует размножению шустряков, которые «все могут», но их продукция в лучшем случае в крайних низах допусков: абы с рук спихнуть. Удивляться тут нечему. За высокий процент выработки шумно хвалят и премируют, но если рабочий удостоился персональной похвалы за качество, то сей случай чуть ли не ЧП. Рабочий прощает руководителю плохую организацию труда, а руководитель прощает рабочему халтуру. Какое трогательное взаимопощение.

Потомков лесковского Левши и в наше время немало, но они за количеством не гонятся и потому не «гремят». А умные руководители их не очень-то и рекламируют: как бы не переманили. Разряд — квалификационный паспорт рабочего — легчает на глазах. Истоки такого облегчения нередко зарождаются еще в профтехучилище, когда выпускникам присваивают четвертые и даже пятые разряды. Это при шестиразрядной тарифной ставке. Попадались и мне такие «высоко-разрядники» — вчерашние глэптэушники, которые с трудом читали средней сложности чертеж.

Четырех- и пятиразрядники — самая многочисленная прослойка рабочих, костяк нашего предприятия. Каждый из них уже успел поработать от трех до десяти и больше лет. Как же можно приравнять к ним подростков, которые еще далеко не созрели для тех физических и психологических нагрузок, какие ожидают их на производстве. Да и чувство ответственности перед производством для них пока лишь один из разделов теории. Третий разряд для выпускника ПТУ, по-видимому, предел. Четвертый — как исключение. О пятом и заикаться не надо.

Теперь об ускоренном приобретении профессии. Да, в бригаде профессию освоить можно быстрее, чем в одиночку. Рядом есть подсказчики, лично заинтересованные, чтобы каждый работал быстрее и лучше. До определенного рубежа между головой и руками — полное единение: голова командует, руки выполняют. Но по мере усложнения работ равновесие нарушается: сделать уже знаешь как, а руки продолжают оставаться неумелыми. Не раз приходилось приводить примеры на этот счет из своей собственной практики. Вот, к примеру, большая ли разница: одна или четыре «сотки» при чистовой обработке? Огромная. И сколько я ни рыпался после двухгодичного стажа работы, а «поймать» «сотку» для меня оставалось мечтой. Если иногда и «ловил», то случайно. А ведь умом знал, как надо делать. Если «сотку» трудно осилить, то о микроне — одной тысячной миллиметра — и говорить нечего. Поэтому прямо-таки злость берет, когда читаешь иногда автора, с легкостью необыкновенной разбрасывающегося микронами. Микрон для токаря — величина недосыгаемая. Его обычными средствами даже замерить невозможно. Для «ловли» микронов нужны специальные измерительные приборы, нужна постоянная температура в помещении, отсутствие вибрации и стерильная чистота. Много ли подобных предприятий на всем белом свете? Коснулся я микрона лишь для того, чтобы еще раз опротестовать легкомысленно-неуважительное отношение к ремеслу. Учиться любому делу надо прилежно и упорно, тогда и высоты будут подвластны.

...ПЛЮС ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Из многих деталей комплектуется электрическая таль. Разные шестерки, втулки, пальцы, стяжки и т. д. Обработать их на токарном станке не так уж сложно. А вот нарезать резьбу на тормозном вале не каждому под силу. Опыт и сноровка нужны. Случилось так, что одна из трудных операций осталась «без хозяина»: стоявший на обработке вала Владимир Чубарев собирался в отпуск. Кого же поставить вместо отпусника, кто справится с нарезкой столь сложной резьбы? Можно было, конечно, взвалить дополнительную ношу на себя, но сам ведь тоже не сидел без дела — наравне со всеми обрабатывал самые трудные детали. Возможности каждого ученика знал, как свои пять пальцев, а потому, взвесив все «за» и «против», остановился на Викторе Неяскине: он давно просился на более сложные операции, а тут как раз предоставился случай. Паренька отличала от других сверстников, работавших в бригаде, быстрая сообразительность, неумная любознательность, неподдельный интерес ко всему, чем жил цех, завод... И работал Неяскин увлеченно, никогда не хандрил, от черновой работы не бегал.

На первых порах Виктору, естественно, понадобилась помощь, он ее получал в предпусковые дни от Кучумова, а затем от меня. Первое время, конечно, случались и неудачи, но парень быстро «раскусил» их причины и потом сдавал все больше и больше тормозных валов заданного качества. И чем больше удавалось Виктору, тем веселее было у него на душе. Он весь преобразился, на работу приходил задолго до «звонка», дружески с каждым здоровался...

Желание человека пойти утром на работу, заняться своим родным делом обусловлено, наверное, не только тем, что мы привычно втискиваем в понятие «труд — первейшая необходимость». Желание затрагивает, безусловно, и многие другие стороны сознания и, если угодно, души человека, его эмоции. Оно рождается из малого, порой трудно очерчиваемого комплекса мотивов: тут характер и процесс работы, отношения с товарищами и многое другое, что порождает удовлетворенность трудом. Значит, в дело вступает человеческий фактор! В самом деле, когда Виктор Неяскин освоил более трудную операцию, к его личной радости прибавилась сопричастность всех его сверстников: они хорошо поняли, что Виктор в трудный момент выручил свою бригаду, а во-вторых, уяснили себе, что и молодой рабочий при желании может достичь большего.

После организации бригады мы как-то обсуждали проблемы социалистического соревнования, парни всерьез интересовались тем, что за узлы делает бригада, какое место занимает наш коллектив в общецеховом производственном процессе. Мне как бригадиру пришлось отвечать на все вопросы, причем самые разнообразные. Откровенно говоря, на отдельные из них не смог ответить сразу, пообещав поговорить с ребятами позже. Широкий круг вопросов, интересовавших подростков, заставил меня по душам поговорить с ними об учебе, в чем-в чем, а в пополнении знаний молодые рабочие нуждались основательно. Некоторые изъявили желание учиться тут же, другие — позже. Во всяком случае на учебу определились все: некоторые, как Владимир Уженцев и Виктор Неяскин, подали заявление в механический техникум, другие пошли в вечерние общеобразовательные школы, на курсы повышения квалификации, в школы коммунистического труда. Забегая вперед, скажу — учеба многим помогла расширить кругозор и быстрее овладеть профессиональным мастерством.

На нашем заводе, так же как и на всех других, созданы все условия для учебы: каждый желающий может повышать свои знания в институте или техникуме, школе рабочей молодежи или на различных курсах, в системе партийного или комсомольского просвещения или в

кружках экономического всеобуча. Для тех, кто работает и учится, неукоснительно предоставляются установленные правительством льготы. Когда я пришел на завод, у меня за плечами не было даже семилетнего образования. В школу рабочей молодежи ходил по вечерам, потом поступил в техникум, закончил его. И, конечно, знания помогли мне подняться на вершину мастерства, стать токарем высшего класса. Иные думают так: раз учится человек, значит, должен в руководители выйти. Отвечу: выдвигали меня мастером, справлялся с делом не хуже других, а в бригады попросился сам, когда создавалась бригада из новичков и трудных подростков. На рабочих местах нынче сплошь и рядом можно встретить человека с дипломом техника и выпускника вуза. Я уже не говорю об аттестате зрелости, на станкостроительном заводе их имеют более двух третей работающих. Собственно, так и должно быть в стране, где введено всеобщее среднее образование.

Разные люди в бригаде — разное у них отношение к труду. Ладится у одного, скажем, дело, так он и довольствуется этим. Зачем что-то искать, напрягать мысль, когда станок работает без остановок, а готовые детали на столике выстраиваются, как говорится, без сучка без задоринки. Мало задумывался над технологией обработки детали молодой рабочий Сергей Агапов, но однажды к нему подошел Виктор Кучумов, присмотрелся. Токарь только что начал выполнять третью последовательную операцию на ролике. Операции не ахти какие сложные, но времени требовали значительного.

— А что, Сергей, если закрепить сразу два резца? — посоветовался Кучумов с Агаповым. — Можно тогда сразу две операции выполнять одновременно. Как думаешь?

— А зачем думать? — отмахнулся Сергей. — Технология отработана инженерами. Они, наверно, все обмозговали...

— Все обмозговать нельзя, — не унимался Кучумов. — На каждый случай готовых рецептов не приготовишь. А тут как раз есть над чем поразмыслить.

Когда Кучумов с Агаповым стали разрабатывать варианты совмещения операций, к ним охотно присоединились другие подростки. И, наконец, установили на станке два резца, теперь из трех операций, положенных по технологии на обработку ролика, две были совмещены. На первый взгляд, сэкономили минуты, но ведь роликов-то требовалось в каждую смену много сотен. И когда сложили сэкономленные минуты в часы, то предложенное новшество обернулось значительным эффектом — производительность труда при обработке ролика возросла в полтора раза. К тому же повысилось качество обработки.

На бригадной «летучке» дал понять всем, что первое новшество в бригаде — результат коллективного творчества. И каждый, кто работает в бригаде, причастен к первому успеху. Даже закоренелые пессимисты из новичков поняли, что никто в бригаде не собирается приписывать себе лавры славы: здесь и неудачи и радости — на всех поровну. Так была сделана хорошая заявка на коллективизм. Первый успех открыл, у молодых станочников прибавилось уверенности в своих силах, многие потянулись к техническому творчеству, как к самостоятельному, так и коллективному. Как-то меня подозвали Михаил Береснев и Дмитрий Марков.

— Видишь, Кузьмич, вот эту тормозную шестерню, — начали парни. — Вначале мы протачиваем ее, потом на расточку ставим. А если обе операции за одну установку, а?

— Дельная мысль, — поддержал я ребят. — Надо покумекать, на мой взгляд, дело стоящее. К тому же мы научились делать резцы своей конструкции. Вон для ролика какого красавца сделали — двойную нагрузку выдерживает и не ломается.

Разрабатывали операцию втроем и вскоре желанного результата добились: теперь на каждой шестеренке экономилось 30 секунд. Если

учесть, что детали обрабатывались тысячами, то экономический эффект говорил сам за себя. После этого как-то непронзвольно зашел в бригаде принципиальный разговор об использовании рабочего времени. Удивил нас всех тогда Сергей Агапов, который долгое время не мог научиться затачивать резцы.

— Не скрою, — в откровенности его никто не сомневался, — по началу я считал, что резцы готовить должен только наладчик. Но поломался однажды инструмент, а пока очередь моя подошла, полчасика пропало. Прикинул, мог бы за это время сделать три детали. А когда сам научился готовить резцы, выгода — налицо. Не ценим мы, товарищи, время.

Но жизнь, как известно, не стоит на месте: вскоре часть парней из бригады ушла на военную службу. А тем временем в коллектив пришли новые подростки — выпускники профтехучилища Сергей Андриевский, Николай Полухин, Василий Попов и другие. Новые люди — новые заботы. И снова рабочая педагогика, опирающаяся на труды классиков и повседневную практику. Не скрою, юноши и девушки нынешнего поколения — люди более развитые, с более широким кругозором, чем их отцы и деды. Но нет-нет, да столкнешься с таким парадоксом: подросток твердо знает свои права, хорошо уяснил, что можно взять от общества, а вот обязанности свои, мягко говоря, помнит смутно. Отсюда — нелады с трудовой дисциплиной, правилами социалистического общежития, нормами коммунистической морали. И когда встречаешься с таким подростком, невольно задумываешься над тем, а в какой же семье, в какой школе воспитывался этот молодой человек, чему он там учился, с кем общался, почему нахватался только плохого?

Вот какую объяснительную, к примеру, написал начальнику цеха один из наших подростков: «Не был на работе потому, что выпил с другом. На второй день опохмелился. А там выходные дни подошли — пить положено». Другой токарь, правда, из соседней бригады, объяснил свои художества так: «Я не вышел на работу 3, 4, 5, 10 и 11 ноября ввиду того, что 3 и 4 ноября провожал друга в Советскую Армию. А 5-го ноября хоронил деда. 10 и 11 ноября после праздника болела голова и живот болел после разных алкогольных напитков».

Работать с такими подростками трудно, но ставить их на ноги нужно. Не окажи такому юноше вовремя помощи — и пропал он и для себя, и для общества. Бригада не отгораживалась от таких трудных, с «подмоченной» биографией подростков. Одним из них оказался Владимир Козлов. Парень часто прогуливал, до прихода в бригаду познакомился с детской комнатой милиции. Вначале заботу по перевоспитанию подростка я взял целиком на себя, не прибегая к помощи членов бригады. По опыту знал — не всегда целесообразно поведение того или иного проштрафившегося подростка сразу же выносить на суд коллектива: может замкнуться, затаить в душе обиду; но контакты мои с подопечным не налаживались, он рассеянно слушал меня, иногда вызывающе ухмылялся — только и всего. В поведении парня, его отношении к делу ничего не менялось.

И тогда я проступки Козлова вынес на обсуждение всех членов бригады. В первый раз он попытался огрызнуться:

— Вы тоже такие же гэпэтэушники... что вы меня учите? Сам все знаю!

— Не все такие, — отвечали ребята. — Только мы рабочие, а не уличные пацаны. Да и на шее бригады сидеть стыдно. Ты ведь всех позоришь...

Вроде бы призадумался Козлов. Со сверстниками препираться не стал: а вдруг отвернутся — не очень-то весело быть в изоляции. Перелицевался не сразу, но после разговора с товарищами не оставлял без последствий мои замечания. По собственному желанию пошел учиться

в 10-й класс вечерней школы. К работе тоже резко изменил отношение. Особенно почувствовал себя раскованно, когда узнал, что по ходатайству бригады его сняли с учета в детской комнате милиции.

Подростков, пришедших на производство, важно морально подготовить к вступлению в ряды рабочего класса, обставить переход бывших выпускников профтехучилищ или средней школы из одной, так сказать, социальной категории в другую так, чтобы завод в глазах мальчишек и девчонок становился «островом счастливых надежд», а не временной пристанью, к которой швартуются различного рода неудачники.

Об этом так подробно говорю потому, что с подобными фактами еще и сейчас сплошь и рядом приходится сталкиваться, правда, не в таких масштабах, как было раньше. Повинна в этом и школа, мало готовившая подростка к полезному труду, забывшая о том, что рабочий человек — это первооснова каждого высокоразвитого общества.

И тут, как было сказано выше, лучшего университета для воспитания молодого рабочего, чем бригада, — не найдешь. Важно только с первых шагов пребывания новичка на заводе направить его на верный путь. Вспоминаю Николая Кузеванова: на вид парень тихий, никому поперек слова не скажет. И вдруг ни с того ни с сего — прогул. Поинтересовались причиной. Ничего, мол, не случилось, отвечает Коля, на курсы радистов от военкомата ходил. Поверили. Потом прогул повторился, затем еще раз, еще... Возникло подозрение: с парнем не все ладно. Разговорились с матерью. «Не ходит на работу? — удивилась встревоженной женщина. — Так я ж его каждое утро провожаю на завод, деньги на обед даю...»

При проверке выяснилось, что Кузеванов то ли по легкомыслию, то ли по какой-то другой причине попросту пренебрегал работой: парня манила природа, рыбалка, любил он вылазки за город, куда его часто приглашали неработавшие приятели. Отказаться не смел, чувствовал какую-то зависимость от друзей. Деликатно потолковали с Кузевановым, мол, увлекаться природой, рыбалкой никому не заказано, только про завод забывать нельзя, тем более, что у подростка свободного времени больше чем предостаточно, сделал свое дело на работе — занимайся, чем душе угодно. Конечно, делом полезным, нужным. Об этом мы говорили еще не раз. Как и следовало ожидать, все стало на свое место.

Несмотря на периодическое обновление, наш бригадный коллектив делался дружнее, сплоченнее — новичков объединяли общие цели, взаимные трудовые интересы. Помнится, как заинтересованно отнеслись члены бригады к совершенствованию конструкции электроталей и внедрению новой технологии при обработке деталей. Побывавшие на участке конструкторы и технологи рассказывали ребятам, что внесенные инженерами коррективы в конструкцию электроталей и технологию их изготовления заметно сократят расход металла и других материалов, электроэнергии, сделают механизмы более надежными и долговечными. Но, чтобы получить такие тали, подчеркивали специалисты, нужен добросовестный творческий труд всех тех, кто реализовывал идеи конструкторов и технологов в металле. Предстоящая работа, вызвавшая у большинства неподдельный интерес, даже энтузиазм, заставила меня перераспределить бригадные силы. Тогда помимо Виктора Кучумова добровольными помощниками по обучению и воспитанию становились Виктор Неяскин, Николай Цымбалюк и др. К примеру, Кучумов шефствовал сразу над четырьмя ребятами — Виктором Зеленцовым, Николаем Кузевановым, Сергеем Агаповым, Александром Чубаровым. Отважились помогать другим Сергей Агапов, Владимир Береснев. Так цементировалось кадровое ядро, на которое я всегда мог опереться при выполнении ответственной задачи, при возникновении конфликтов и сложных ситуаций.

Шефы, разумеется, не стояли у станка подопечного, поскольку сами работали, но проверить, как выполняют ученики те или иные операции, а при необходимости помочь кому-то шефы считали своей первой необходимостью. Так воспитывался коллективизм, прививалась ответственность за общее дело. Впоследствии оказалось: воспитание средой, взаимовыручкой, добрым отношением формировало из подростка рабочего человека.

На производстве, как известно, зачастую возникают ситуации, когда квалифицированного работника могут неожиданно перебросить временно для оказания помощи на другой участок, и вот тут-то его подопечный должен самостоятельно показать, на что он способен. Разумеется, и здесь он не останется один на один с собой, бригадир, как правило, всегда на месте. И все-таки излишняя опека подчас мешает новичку, сковывает его силы, порождает неуверенность. Вот почему шеф-наставник, будь он маститым или совсем молодым, не должен навязывать свое мнение, но должен соблюдать такт, всегда видеть в подопечном своего товарища.

Я уже говорил, что к шефству над новичками мы привлекли и тех молодых рабочих, которые могли передать свои навыки вчерашним гэтэтушникам или выпускникам школы. Опыт показал, что контактируются новички с молодыми наставниками лучше, им не приходится теряться перед зрелым авторитетом. Естественно, что мы учитывали, насколько молодой наставник владеет данными, чтобы учить других, может ли он влиять на формирование характера, вызвать у своего товарища неподдельный интерес к труду.

Надежным помощником в деле воспитания новичков в бригаде стала комсомольская группа, насчитывавшая сначала семь членов ВЛКСМ. Первым группкомсоргом единодушно избрали Виктора Рыбакова, выпускника заводского филиала профтехучилища. Перед этим я заметил, что к Виктору тянулись все ребята. Сначала подумал, а не тешит ли компанейский парень своих сверстников пустыми байками и «солеными» анекдотами. Предположения мои, к счастью, не оправдались. Виктор оказался интересным, начитанным парнем, по-настоящему увлеченным избранной профессией, и своими мастерскими рассказами он, скажу прямо, завораживал сверстников. Немудрено, что Виктор и комсомольским вожаком стал что надо. Комсорг внес большую лепту в сплочение бригадного коллектива, развитие общих интересов у ребят, и когда его призвали в армию, товарищи долго вспоминали о первом комсорге.

Новым группкомсоргом стал Николай Цымбалюк, человек совершенно иного склада. Немногословный, не по возрасту серьезный. Хорошо работать он начал с первого дня, учился токарному делу ревностно, с товарищами держался ровно, уважительно. В зарплате многих товарищей обогнал, некоторые тотчас же извлекли из этого поучительный урок: чтобы хорошо зарабатывать, надо как можно лучше трудиться. Вскоре Николаю присвоили почетное звание «Лучший молодой рабочий» — такое звание на заводе учредили специально для начавших трудовой путь юношей и девушек.

Впоследствии Николая Цымбалюка коммунисты цеха приняли в свои ряды, и он с честью оправдал их высокое доверие. А воспитанник бригады Сергей Андреев стал коммунистом в рядах Советской Армии, об этом он сообщил ребятам в своем письме.

Замечу, что ребята первого набора привыкали к работе и коллективному совместительству труднее, и дело тут, видимо, в том, что вся тяжесть по формированию бригады, ответственность за воспитание каждого подростка ложились тогда в основном на бригадира. Будущие помощники сами только становились на ноги. Позднее, когда весь комплекс воспитательной работы взял на себя бригадный коллектив, профессиональная учеба, вращение в коллектив пошли гораздо лучше и

быстрее. Если в первые месяцы в бригаде подростков шесть из десяти не справлялись с нормами, то в последующие месяцы многие молодые рабочие наступали на пятки «ветеранам», многие из второго, третьего и последующих наборов через два-три месяца одолевали норму, конечно, не без помощи товарищей и бригадира. Так работали Сергей Агапов, Сергей Кошкин, Юрий Белобородов, Николай Цымбалюк и многие другие.

БРИГАДНЫЕ ТРАДИЦИИ И «СЕМЕЙНАЯ» ПЕДАГОГИКА

...Праздник посвящения в рабочий класс — это серьезный, большой разговор старших с начинающими жизнь, это доброе и вместе с тем требовательное напутствие. Традиция посвящения в рабочие получила на нашем заводе широкое развитие. И служит эта традиция благородному делу воспитания молодежи.

В нашей бригаде, как и во многих, стали рождаться и утверждаться собственные традиции, которые помогали воспитывать молодых рабочих, утверждать коллективизм, разумно и с пользой проводить свой досуг. По инициативе комсомольцев последовали групповые вылазки за город, где устраивались импровизированные игры в футбол, волейбол, бадминтон, а нередко кто-то читал стихи, рассказывал о только что прочитанной книге. Все чаще устраивались культпоходы в театры, кино, на концерты, лыжную базу, и если некоторые на эти мероприятия поначалу шли неохотно, то впоследствии ребята сообща планировали и готовились к ним сообща.

Пришла увлеченность коллективным досугом, потребность разумно использовать свободное от работы время. Характер коллективных вылазок все более расширялся, обогащал ребят души. Молодые рабочие часто выезжали в подшефный пионерский лагерь, там они общались со школьниками, рассказывали им о заводе, о своем цехе, а главное, о своей бригаде, которая приобщала их к полноценной жизни. А сколько открытий сделали ребята в новосибирском Академгородке, на Обском море, в краеведческом музее, планетарии, в экскурсиях по родному краю. Такие поездки сближали ребят, развивали интересы, любознательность, воспитывали гражданскую активность, любовь к Родине, отчему краю.

Расскажу еще об одной укоренившейся в бригаде традиции, которая, на мой взгляд, способствовала сближению ребят, их взрослению и воспитанию. Посоветовавшись со своими помощниками, я предложил ребятам коллективно отмечать дни рождений. Скажу сразу: ни о какой выпивке и помина не было. Пили чай со сладостями, ели домашние пироги. виновнику торжества вручали памятный подарок. Все вроде просто и в то же время торжественно. А поскольку отмечался день рождения, то непроизвольно заходила речь на ужине о достижениях, с которыми именинник приходил к знаменательному дню. Шутки, смех, без подковырок не обходилось — все это оставляло заметный след в душе каждого юноши, заставляло задумываться о последующей жизни. Собирались где могли — у меня на квартире, в доме именинника, в красном уголке цеха, словом, там, где было удобнее. Заранее к этому готовились всей бригадой.

Поначалу в бригаде были только парни, у которых, как известно, свои представления о том, что хорошо, а что плохо, поэтому отдельные из них попервости с трудом избавлялись от грубости, жаргона. Что, мол, смотреть на старших, рассуждали они, они-де отстают от времени... С появлением первой девушки в коллективе парни заметно подтянулись. А когда увидели, что их сверстница не хочет уступать им в деле, то прошиклись к ней уважением. Вскоре Валю Вайнер избрали казначеем бригады, она собирала деньги на подарки именинникам, про-

ведение вечеров. Валя охотно выполняла поручение товарищей, хотя и не всегда все проходило гладко.

Об этом инциденте стоит рассказать поподробнее. Был в нашей бригаде Виктор Арцыбашев, про таких обычно говорят: «Ни богу свечка ни черту кочерга». Работать ленился, дисциплину не любил. Выглядел избалованным, не скрывал своего высокомерия к товарищам. Никто, однако, не знал, откуда у парня такие замашки. Но вот как-то Валя подошла к Виктору за деньгами на складчину.

— Что вы по рублевке собираете? — усмехнулся он. — Мы ж не детдомовцы, могли бы и по пятерке кинуть на такое мероприятие.

Валентина оторопела от такого гонора «купчика».

— Удивительное дело, — взорвалась обиженная девушка, — от работы сторонитесь, а за столом с размахом сидеть хочет. И откуда деньги у тебя, уж не на родительские ли шикуюешь?

— У тебя занимать не стану, — грубо сказал Виктор. — Не бойся, не ворую...

— А мне нечего бояться, — ответила Валя. — Товарищей бы постыдился... Ты же всех нас обидел.

Иные скажут: мелочь. Но согласитесь: о них-то ведь тоже надо говорить. В самом деле, нередко мы прощаем пошляку матерщину, бездельнику — тунеядство и, наоборот, заигрываем перед «нужным» человеком, которого в душе презираем. Случается, сидим с таким доставалой в одной компании, хотя ему по-хорошему и руки подавать не следует. Словом, нередко мы сбрасываем со счетов подлинное достоинство человека и возвышаем мнимое. А ведь честь и приличие во все времена были истинной мерой человека. У нас особенная страна, любое дело для нас едино, и в нем каждый из нас связан с другими тысячами нитей. Непорядочность одного оскорбляет многих, безделье и ложь оскверняют порядочность честных людей. И нечего ссылаться на какие-то стародавние традиции, по которым, мол, жили наши предки. Человеку труда у нас самое достойное место. Именно по труду ценят и уважают человека в нашей стране. А застольные традиции пора выбросить на свалку, от них много человеческих судеб сломалось.

...Когда я пришел на квартиру Арцыбашевых, мне тотчас бросилось в глаза поклонение этой самой питейной «традиции». Заставленный закусками и винами стол, радушное гостеприимство хозяев. А ведь знали старшие Арцыбашевы, зачем я пожаловал к ним, почтенным и трудолюбивым людям. Об этом предупредил родителей сам Виктор, я просил его о своем визите поставить в известность отца и мать. И вот, пожалуйста, застолье для «дорогого» гостя — начальника сына. От чая, разумеется, не отказался, но чем больше беседовал с родителями Виктора, тем все более убеждался в том, какую плохую услугу оказывают мать и отец своему сыну.

— Да зачем же сызмальства (так и сказано — «сызмальства») Ви-те напрягаться, — рассуждала мать. — Успеет, наработается, а пока пусть на наших хлебах поживет. Люди мы обеспеченные...

Глядел я на ковры, мебель, телевизор и многие другие дорогие вещи и в душе целиком соглашался с хозяевами: действительно, о нужде в этой семье давно забыли...

— Но при чем же здесь Виктор? — разговор пошел о сыне Арцыбашевых. — Что он, так и будет всю жизнь на всем готовеньком сидеть?

— Да нет, пока еще несмышлениш Витя, — не сдавались родители. — Самим нелегко пришлось, пусть дети попользуются благами...

Теперь было ясно высокомерное отношение подростка к рублевой складчине бригады. Родители смотрели на сына как на обыкновенного школьника, между тем в кармане его лежал не только аттестат зрелости, но и свидетельство о рабочей профессии. И по возрасту он был совершенно взрослым человеком, не сегодня-завтра призовут на военную службу...

У нашего завода богатая история. Любому подростку-новичку сразу же становится знакомым имя бывшего станочника Героя Советского Союза Владимира Смирнова, повторившего в боях с немецко-фашистскими захватчиками подвиг Александра Матросова. Сейчас перед заводской проходной установлен памятник герою.

Замечательные страницы в историю предприятия вписали в годы войны скоростники-тысячники, фронтовые бригады, передовики и новаторы социалистического соревнования в послевоенные годы. Эти богатейшие традиции служат неисчерпаемой сокровищницей трудового и военно-патриотического воспитания. Члены нашей бригады ежегодно провожали на военную службу призывников, давали им товарищеский наказ — честно и добросовестно выполнять священный долг перед Родиной. Надо сказать, что воспитанники бригады не подвели своих товарищей. И вот что характерно: тот, кто сумел утвердиться в трудовом коллективе, на производстве, тот и на военной службе был отличным солдатом. Об этом военнослужащие откровенно писали своим товарищам по бригаде. Их письма мы читали всем коллективом. Безразличных не было.

Письмо каждое мы читали всей бригадой. Здесь же решали, что будем писать в ответе. Переписка была регулярной, теплой. Мы рассказывали о том, как новички постигают азы рабочей профессии, как выполняют принятые обязательства. Получалось соревнование прежнего состава бригады, теперь находящегося на военной службе, и нового бригадного набора, приобщавшегося к трудовой жизни. Такая перекличка, естественно, давала заметный воспитательный эффект.

В своих письмах воинам мы сообщали о том, что бригаде присвоили звание имени XXV съезда КПСС, задание пятилетки выполнили досрочно, написали и о новых повышенных обязательствах, которые были успешно выполнены. По своей инициативе ребята сообщили о том, как освоили модернизированный собственными силами токарный станок специального назначения для изготовления остродефицитных деталей электротельфера. И еще о многом.

КОМУ СТОЯТЬ У СТАНКА

Профессия токаря на машиностроительном предприятии — одна из ведущих. Пока к болванке не прикоснется резец, никакая сборка не дожидается готовых деталей. Читатель может подумать, что я отвожу так много места профессии токаря потому, что сам токарь. В этом, конечно, есть доля истины. Я действительно влюблен в свою профессию. Она этого заслуживает. И не потому, что достиг больших высот в жизни, а прежде всего по той причине, что не мыслю себя без любившегося дела.

Разумеется, когда я говорю о профессии токаря, то подразумеваю многие станочные профессии — фрезеровщика, строгала, шлифовщика и других. Они во многом сходные, их роднит работа у станка. Скажут: ну что за диковинка ныне токарный станок? Самый обычный, есть более сложные, есть поточные линии, станки с программным управлением, оснащенные электронными устройствами, работающими без участия человека, по заранее заданным программам. В самом деле, об обычных токарных, фрезерных, шлифовальных, сверлильных и других станках нынче редко услышишь по радио. Редко увидишь их на экране телевизора. О самих-то станках, может, и не стоит много говорить, но вот о тех, кто на них трудится, добивается больших высот, рассказывать надо непременно и с должным уважением.

Неискушенному в технике человеку может показаться, что наши машиностроительные заводы сплошь и рядом оснащены самыми современными чудо-машинами. А ведь это не так. Я бывал на десятках первоклассных заводов края и страны, поэтому с уверенностью могу ска-

зять, что основную массу оборудования составляют обычные станки. Несомненно, что автоматика, кибернетика, электроника в металлообработке нужны — это, как говорится, будущее нашего машиностроения. Однако можно сказать определенно, в ближайшее десятилетие на производстве будут играть решающую роль тысячи станочников: токарей, фрезеровщиков, шлифовщиков, стоящих за обычными станками. Для сведения любознательных: примитивный токарный станок без суппортов был известен еще в глубокой древности. В XVIII веке русский токарь Андрей Нартов и американский рабочий-механик Генри Модолей превратили тогдашний токарный станок в первоклассную машину. Создание самоходного суппорта токарного станка Карл Маркс считал величайшим изобретением, которое, по его словам, заменило не какое-либо особенное орудие, а человеческую руку.

Сегодняшний токарный станок далеко ушел от прежнего. Так же как в авиации появились замечательные ИЛ-62 и ТУ-154, так и в заводские корпуса пришли сейчас токарные, фрезерные, расточные и другие станки очень высокого класса. И с каждым годом работа на них требует от станочника все большего мышления, выдумки, знаний. Профессия станочника имеет широкие перспективы потому, что без них невозможно создать ни самолета, ни космического корабля, ни поточной линии. Я уже не говорю о таких машинах, как трактор, комбайн, автомобиль, механический пресс, пылесос и многие, многие другие вещи, без которых сегодня немыслима жизнь.

Так кому же в конечном счете стоять у станка? Это должен быть думающий, грамотный, высокосоциальный рабочий. Заводское профессионально-техническое училище ежегодно пополняет ряды новичков. Сделать из них высококвалифицированных станочников гораздо легче, чем, к примеру, из тех, кто пришел «с улицы». Рано или поздно дух новаторства, заложенный во время учебы, обязательно проявляется в конкретном деле на путях научно-технического прогресса. Как тут не вспомнить подопечных, у которых новые идеи стали рождаться буквально через несколько месяцев после начала работы в комсомольско-молодежной бригаде.

Но главное, к чему следует стремиться, — это воспитать в новичках рабочую гордость за порученное дело. И рабочую совесть, которая бы всегда звала к добросовестному труду. На заводе стало правилом: коль взялся за дело — выполни его так, чтоб люди спасибо сказали. Если дело попало новое, незнакомое, сложное — семь раз примерь прежде, чем отрезать, покопайся в литературе, расспроси у старших, не гнушайся совета, не строй из себя всезнайку.

В трудовом воспитании, как показывает практика, нет мелочей. Молодые рабочие болезненно реагируют на каждую неурядицу, возмущаются любыми неполадками. Если такие срывы повторяются, то они мешают воспитателю. И воспитуемому. Хорошо помню, как члены бригады принимали коллективные обязательства в честь 60-летия образования СССР. Настроение было праздничное, приподнятое: все было взвешено и рассчитано, учтены резервы каждого, в целом всего коллектива. И вдруг поднимается на том собрании Сергей Кошкин.

— Что же получается? — взволнованно говорит молодой токарь. — Пока у заточных станков был хозяин, все шло как надо. Но вот заточника не стало, и каждый эксплуатирует станки на свой лад, в результате абразивов не напасешься. Мало того, что с бесхозяйственностью миримся, вместе с тем теряем попусту минуты из-за того, что вовремя не можем заточить резцы или сверла. Или другой пример. Наши подсобники вроде бы вместе с нами приходят на работу, а вот пока дождешься, когда они подкинут к станку детали, минут 10—15 потеряешь. Разве это порядок? Это я к тому, что взятое нами высокое обязательство надо должным образом обеспечить.

Столь зрелые размышления моих воспитанников о своей работе, их

возросшая ответственность за судьбу производства, за выполнение обязательств как нельзя лучше свидетельствовали о становлении характеров подростков, о все большем приобщении их к рабочей профессии. Если говорить о бригадирстве, то меня волнуют одни и те же вопросы: как сделать так, чтобы человек был всегда, как говорят тренеры, в спортивной форме, чтобы жил не только личными заботами, но и видел весь свой участок, цех, завод? Гармонию в организации труда находить порой так же сложно, как гармонию звуков в симфоническом произведении. Но когда она найдена, то узнается по слаженности, ритмичности, по особому психологическому настрою, и тогда люди говорят: симфония труда! Она приходит, как и все значительное, в нелегком поиске.

Люди, как известно, разные. Часто задумываюсь: на земле живут миллиарды человек, а двух с одинаковыми характерами не найдешь. Близнецы вроде похожи друг на друга как две капли воды, а в привычках, в характерах — разные. Видимо, и задачи каждого руководителя, в данном случае наставника низового трудового коллектива, в том и заключаются, чтобы разглядеть в новичке будущего станочника, глубоко познать людей, их характеры и соединить порой, казалось бы, несоединимое. Всегда ли это удастся? Эх, если бы всегда!..

Вот некоторые примеры. Был в бригаде отличный рабочий: золотые руки, делает все, что ни поручишь, но... Поднесут токарю Р. пять деталей — непременно выскажет недовольство: такой, мол, «мизер» его только из ритма выведет, вот если бы сто деталей — тогда другой разговор. Приходилось убеждать рекордиста, что стоит поток, что именно эта деталь сейчас в дефиците.

Или другой пример. Подходит рабочий Н., говорит: бросаю работу! В чем дело? Оказывается, шестеренки не той закалки. Один за другим летят резцы — нервы не выдерживают, не работа, а сплошная мука. Пробуем совладать со злополучной шестеренкой вдвоем. Беру шестерню, начинаю обтачивать: действительно резец идет тяжеловато. Но как только снимем верхнюю корку, работать становится легче. И все-таки вижу: на этих шестернях норму никак не вытянешь. Не волнуйся, говорю молодому токарю, разберемся. Пошел в отдел главного технолога. Там прикинули и согласились: не то. Изменили технологию термической обработки, конфликта не стало.

Вроде бы штрихи, но ведь порой из них складывается целый рабочий день. Согласовать, отрегулировать, принять меры, чтобы создавалась именно та атмосфера творческого труда, которая приносит успех. И здесь мне хочется обратить внимание бригадиров на одно немаловажное обстоятельство. Каждый бригадир должен в совершенстве знать свое дело, с блеском выполнять все те операции, которые выполняют его подопечные. Только тогда он будет пользоваться авторитетом среди членов бригады. Разумеется, бригадир ко всему прочему должен обладать другими разносторонними качествами: организаторскими способностями, талантом воспитателя-наставника, душевной щедростью, быть требовательным, но справедливым.

Как сделать профессию токаря или шлифовщика интересной и желанной для молодого человека, такой, чтобы он посвятил ей лучшие годы своей жизни? Вот тут-то, мне кажется, самое верное средство — это приобщение к новаторству. Молодой человек становится равнодушным к станку потому, что не видит для себя перспективы. У настоящего же новатора она поистине беспредельна. Если у молодого рабочего среди его знакомых или друзей будет хоть один настоящий поватор, его обязательно потянет к этому человеку, его увлечет эта беспоконная и интересная жизнь, и, я думаю, что он будет стремиться сделать жизнь такой же. А для этого надо все больше и больше познавать свое дело, производство, стремиться к высотам мастерства. Только в этом случае молодой человек может остаться работать на станке надолго, может быть, на всю жизнь.

Для успешной творческой работы на станке молодому человеку нужно окончить среднюю школу так же хорошо, как если бы он думал после нее поступить в институт. Отличные и хорошие знания всегда пригодятся у станка на заводе, тем более, что можно и без отрыва от производства продолжать повышать свое образование. Важно всегда находить применение полученным знаниям на практике, а нужда в этом будет расти тем быстрее, чем выше квалификация токаря.

В проекте новой Программы КПСС, выдвинутой на общенародное обсуждение говорится: «Коммунизм — это высокоорганизованное общество свободных и сознательных тружеников, в котором утвердятся общественное самоуправление, труд на благо общества станет для всех первой жизненной потребностью, осознанной необходимостью, способности каждого будут применяться с наибольшей пользой для народа».

Читаю, перечитываю, думаю: «Общество свободных и сознательных тружеников»... Да ведь это о наших парнях сказано. Очень они не похожи на того шестнадцатилетнего Ивана Шипулина, что пришел на завод после войны. А какими они станут в двадцать первом веке? Даже трудно представить, как далеко шагнут!

Но ведь и мы, люди старшего поколения, не напрасно прожили жизнь. Мы заложили для молодых прочный фундамент будущего общества, а главное, выучили их, воспитали.

Дерзай, молодежь, на благо своей любимой Родины.

Литературная запись Н. Ильичева

Владимир Лукич Казаков родился в 1939 году в с. Анисимово Тальменского района. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор пяти поэтических книг, изданных на Алтае. Член СП СССР. Живет в Барнауле.

Владимир КАЗАКОВ

СВЕТ РОДИТЕЛЬСКОГО ОКНА

МАРТ

Март едва лишь отчалил,
чтоб хозяином стать.

А уже — примечали! —
стало раньше светать.

Даль просторней и выше.
И, с утра на ногах,
солнце к вечеру пышет
так, что жарко снегам.

И, бесхитростный зодчий,
благодарный судьбе,
о невесте хлопочет
день-деньской воробей.

Незавидная птаха,
а туда же... твердит:
— Время стужи, и страхов,
и тоски... позади.

Той, что горше дорожной,
что не только в глуши
шепчет, мол, осторожно
и живи, и дыши.

Не спеши доверяться...
Сколько можно учить:
нет для сердца дотаций,
чтобы память лечить.

Вспомни:
сколько промчалось
пасмурных февралей,
когда сердцу казалось —
в марте будет теплей.

И глухой да услышит
ветры новой весны...
А в итоге!.. По крыши
избы занесены.

И хотя свет ломился
в окна... Не одна
при потемках ложился
и в потемках вставал...

Что ж!.. Что было — то было.
И не наша ль вина
в том, что нас разлюбила
молодая весна!

Только,
сколько б ни длится
веку... Не одна
нам с надеждой ложиться
и с надеждой вставать:

все едино наступит
тот желаемый час.
Март
в права свои вступит,
и наддаст, и поддаст.

Распахнет в лето двери,
выкажет свою статью.
И заставит поверить —
стало раньше светать!

* * *

Утверждают:
— Живешь на два дома!..
Соглашаюсь:
— Уже давно!..
Обалдев
от трамвайного грома,
окружаю себя
тишиной.

Относительной, правда,
ибо

где сегодня найдешь
тишину!..
Все ж судьбе говорю:
— Спасибо!
За возможность
всей грудью вдохнуть

запах упряжи конской...
С мороза —
дров сосновых,
отволглых в тепле...
А когда срок звенеть
стрекозам —
за возможность
душой светлеть

в потаенных местах
медосбора,
в царстве трав,
дружно прущих в рост.
Под разлапистый говор
бора,
под лукавый шелест
берез.

За возможность
еще до света,
когда тропка
едва видна,
ушагать налегке
за ответом:
для чего мне нужна
тишина.

И держать до поры
в секрете,
для чего
(ведь и так повезло)
тороплюсь обживать
дом свой третий —
росный, рясный,
в звоне и в цвете, —
что кушается
в солнечном свете
между городом и селом.

* * *

Я — вдаль.
Я — вверх по косогорам,
к деревьям ближе,
к небу ближе,
чтоб собственным увидеть
взором,
как ветры шастают
меж рыжих
и звончатых, как гусли,
сосен...

Чтоб сердцу —
помнить о котором
нам недосуг —
могло б открыться,
как, оглушенная простором,
душа спешит раскрепоститься.

К чему все это мне!..
Не знаю!..
Но чувствую — необходимо,
пока дорогой не измаян,
а тяга к ней неодолима.

К тому же
у подножий склонов,
где дням и впредь
неспешно длиться,
в своих надеждах потаенных
мы все
не лишены амбиций.

И, не желая расставаться
со властью кресел,
крыш, постелей, —
не быть умеем —
а казаться,
не говорить —
а пустомелить.

Под свист и вой
заезжих джазов,
набив, доступным хлебом
брюхо,
спешим на мир глядеть
вполглаза,
а землю слушать
в четверть уха.

И счастлив тот,
в чье сердце властно
прорвется
горький, страстный голос
земли,
кому вдруг станет ясно,
что жизнь его —
бесплодный колос.

Дай бог,
чтоб дальше он не молкнул —
тот голос,
что родил тревогу.
И пусть на время, втихомолку
помог собрате
в путь-дорогу;

карабкаться по косогорам,
к деревьям ближе,
к небу ближе,
чтоб собственным увидеть

взором,
как солнце под ногами брызжет.

И ежели не отрешиться
от суеты земной —
то все же
помочь душе раскрепоститься,
почувствовать себя моложе.

* * *

По первопутку.
По первому снегу,
после недолгого сна,
не предаваясь
праздному бегу,
выйду читать письма.

Эвон их сколько! —
Лукавых и ложных,
залубенелых слегка.
В меру восторженных
и осторожных,
впечатанных наверняка.

Не искушенный
в охотничьем деле,
все ж не могу не понять,
какие в осиннике
страсти кипели
до пробуждения дня.

Кто пировал
в объятьях боярки,
сумевшей на время завлечь
гроздьями ягод,
терпких и ярких,
что полушалком оплечь.

Чем интересен
для зрелого лося
едва оперившийся круг
сосенок —
в будущем, может быть,
сосен, —
стынувших нынче в снегу...

О, Белая книга
земли небезгрешной!
Что наши ночи без сна,
если дано временами
неспешно
читать и твои письма!

И удивляться,
и сердце тревожить,
и понимать, может быть,

что книга земли
в чем-то главном похожа
на книгу и нашей судьбы.

Где на полях
наших лет непреложных,
сколько сейчас ни казнь,
столько следов —
и лукавых, и ложных,
не в меру восторженных
и осторожных,
составивших целую жизнь.

* * *

О сопричастность к скорости!
Шофер!..
Теперь я понимаю
вашу важность,
небрежность
и привычную отважность —
таранить светом фар
ночной простор.

Когда бетонка стонет,
как стрела,
а мелкий гравий
рубит пыль обочин,
и кажется, что грузовик
крылат —
какая радость
скоростью ворочать.

Как горд
и снисходительно остер
ваш взгляд на мир
из-за руля машины,
когда и сердце ваше
и мотор
в стремленье к цели
слитны и едины...

И то сказать! —
Кто отказался б вдруг
иметь полсотни лошадей
для сада!..
Как пишет
мой небезызвестный друг —
у них в селе
коров пасут на «Ладах»...

О, век,
что на моторы разменял
сердца людские,
прошлых ты не хуже.
И все-таки
нет дыма без огня —

ты службу горькую еще
сослужишь.

Я — не пророк.
Но вот одна из правд:
все, кто сумели,
так или иначе,
себя украсть
у леса, вод и трав, —
не стали
ни крылатей, ни богаче.

Нет, я не призываю
пересесть
всех и немедля
в дедовские сани...
И все ж
в абтомобильном буме
есть
нечто, способное
убить в нас... память.

А заодно,
дабы не помешать
желаниям растущим
и запросам,
все то, чем раньше
славилась душа, —
как некогда говаривали, —
россов...

Коль вместо глаз
литые пятаки —
к душе прислушиваться
не с руки...

БЬЮ ЧЕЛОМ

— Бил баклуши ли!..
Знаете... Было!..
Восьмиклиночку на висок,
пару пива
для пущего пыла,
тары-бары и... время в песок.

Золотое!
Безусое времечко,
как в грозу по овражкам вода...

К счастью,
вовремя клюнули в темечко
и пониже кое-куда

петушок пресловутый, годы ли...
Только вдруг содрогнулась душа
от того,
что треть юности отдали
на потребу слепым
куражам.

А расплатою — суд товарищей
да скупые слова их:
— Решай!..
Небеса коптить свечкой тающей
или жить,
чтоб светилась душа...

До чего же вы были славными:
Саша Лочь,
Лобанов Леон,
внук латышских стрелков —
Янис Калманис...
И сегодня вам бью челом.

Бью за то, что судили строго
и с пристрастием.
Поделом!
И за то, что свела дорога
не случайная...
Бью челом!

За умение дружбу мерить
не поддакиванием,
не рублем.
За достойнейшей из доверий —
откровенными быть...
Бью челом.

Бью челом
за прямое участие
в том, чему место в книгах нашлось...
Если в жизни и было
счастье —
нашей молодостью звалось.

И покамест она не устанет
вопросать —
помню ли о былом! —
дням надежд наших и скитаний,
небу нашему в звездах ранних
бью челом!..

Энгельс Габбасов родился в 1937 году в селе Фурманово Уральской области. Окончил педагогический институт имени А. С. Пушкина в г. Уральске, затем отделение журналистики Алма-Атинской высшей партийной школы, аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС. Кандидат филологических наук.
Автор книг «Свободная лошадь для джигита», «Одно дерево на всю степь» и других.
Член Союза писателей СССР.

Энгельс ГАББАСОВ

НЕ ОБОРВЕТСЯ ТРОПА

ПОВЕСТЬ

Светлой памяти Байжана Атагазиева

I.

К полуночи небо заполнилось тяжким, надрывно-нудным гулом. Старик вышел из землянки и непонимающе уставился в темно-лиловую высь. Повсюду трепетала и мигала пронзительно-лучистая россыпь звезд, дул легкий ветер. В стороне темнел гурт, напоминая груды разбросанных камней. «Непохоже, чтобы собиралась гроза», — подумал старик. Но прежней томительной тишины не было. Гул, то возрастая, то утихая, будто кружил над степью. Странные звуки накатывались, как волны. Там, где только-только сгустилась на короткий миг летняя ночь, громыхало и громыхало. Так и не придя в себя от непонятого шума в небе, старик вернулся в землянку, в душном мраке нащупал постель и лег.

Было еще темно, когда сквозь зыбкую дрему-полусон он скорее ощутил, чем услышал какое-то движение, похожее если бы поднялся гурт. Вскоре разобрал — это шаги множества ног. Люди, тяжело ступая, подошли к землянке. В окне раздался короткий, нетерпеливо-жесткий стук. Выйдя во двор, старик в предутренних сумерках увидел мутные пятна людей, прижавшихся к стене, словно был полдень и куцая тень землянки спасала их от жары. Вперед вышел высокий мужчина:

— Ассалемагалеюк, аксакал!

— Ассалемагалеюк, — сдержанно ответил старик. Столько людей редко навещало его. Разве только в сенокос, когда ему всем миром помогали заготовить корма.

— Как называется это место?

— Зимовка.

— Какая зимовка? — опять спросил мужчина, видно, старший среди пришедших.

— Обычная зимовка. Здесь я с гуртом. А вы кто будете?

— Разве не видишь — милиционеры. В сторону Доссора и Маката бежал дезертир. Сколько до нефтепромыслов километров?

— Чуть больше ста.

— Вон куда мы попали! — зло произнес старший.

Остальные милиционеры стояли поодаль, тихо переговариваясь. Только один из них суетился по двору, подбегая то к куче кизяка, то к

казану, что-то неразборчиво шептал. Хотел еще куда-то шмыгнуть, как его остановил жесткий окрик старшего: «На место!»

— Будешь нам проводником, — сказал старший, снова обращаясь к старику. — Покажешь дорогу на Доссор.

— У меня гурт. Старуха в ауле. Не могу пойти с вами.

— Аксакал, не волнуйся. Власти мы предупредили. Есть разрешение.

— Заходите, чайком угощу, — позвал старик, подчиняясь долгу гостеприимства.

— В другой раз. Некогда нам. Надо скорее поймать этого подлеца. Лошадь есть?

— Верблюд один.

— Запрягайте, — коротко распорядился старший, даже не спрашивая разрешения.

Губы старика растянулись в сердитой усмешке:

— Не дам его.

— Аксакал, Советская власть просит. Помогать-то надо. Ведь де-зертира ловим.

Старик ворчал, морщился, пока запрягал верблюда. Подошел другой милиционер, длинный, как жердь. Бесцеремонно произнес:

— Старик, не помешало бы кинуть в телегу и барашка.

— Это с какой стати?

— Ну пойми, если бы остались на чай, разве ты не заколол барашка? Мы спешим, а в пути твой дар пригодится.

Старик, ворча и кряхтя, ушел в кошару и приволок оттуда барашка.

— Вот вам, — простонал он.

— Это по-нашему, по-казахски! — повеселел милиционер. Его кадык на тонкой шее прыгал от радости. — Еще дай бачок какой-нибудь. Воды надо набрать...

В шести километрах от зимовки милиционеры в телегу набросали какие-то мешки, ящики, сложенные в кучу. Старик, как и положено проводнику, пошел впереди, ведя на поводу недовольного сопевшего верблюда: телега все-таки была перегружена. Колеса скрипели, визжали, что-то потрескивало и постанывало. Старший не отставал от старика. Он был единственный без ноши, только сбоку — «наган». Револьверы, пистолеты, которые старик видел у милиционеров, военных, называл наганом, — легче запоминалось. Иногда старший, не замедляя хода, вытягивал руку в сторону, и один из двоих, зорко следивших за каждым его движением, подносил то флягу с водой, то папиросу. Остальные милиционеры, угрюмые и молчаливые, шли гурьбой. Шествие замыкал кадыкастый, тот, который просил барашка. Старик время от времени слышал его выкрики:

— Не отставать! Не оглядываться! Живее!

Старик, хотя и не изъявлял особого желания быть проводником, среди милиционеров почувствовал себя бодро. Солнце, разогреваясь все сильнее, поднималось выше. Никто не намекал об отдыхе, хотя шли уже третий час.

— Когда будет колодец? — спросил старший.

— Через пятьдесят километров.

— Сколько мы прошли?

Старик, определяя, оглянулся назад, потом налево, на солнце.

— Двадцать. За ночь вы окажетесь у Доссора.

Старший радостно-дико заорал:

— Быстрее! Прибавить шаг!

Верблюду покорно тянул постанывающую телегу. Его глаза влажно поблескивали, будто укоряя: «За что меня так мучаешь?» Даже на лакомый куст жусана¹ не набрасывался. Телега перегружена, не до ша-

¹ Жусан — полынь.

лостей ему. «Потерпи, дружище, потерпи!» — произнес старик, похлопывая верблюда по влажному от пота боку.

— Что случилось, аксакал? — насторожился старший.

— Да я так, сам с собой.

Старик сконфузился. Не скажешь же постороннему, что разговаривал с верблюдом! Старик торопился: гурт остался без присмотра, да еще непоенный. Потому, хотя это было нелегко, решил поднатужиться. Отдохнет, выпится, когда поедет обратно. Ляжет в телеге, вздремнет — верблюд сам найдет дорогу домой. Еще его мучил разлад со старухой. Что-то случилось с ней: уехала в аул и не возвращается. Два месяца вот продолжается. Началось весной, как привезли вторую повестку. Старуха подняла вой: «Не отдам его на погибель! Не отдам! Пусть из больших аулов воюют. У нас уже один на войне!» Старик ее не успокаивал и не ругал. Женщина! Откуда ей знать, что большая война — это вихрь, который сметает и подхватывает все!

Кругом лежала великая степь, очерченная горизонтом. Ни одного бугорка, овражка или лощины. Часто, перегоняя скот на летние пастбища, на мясокомбинат, старик встречался с табунщиками, чабанами от далекой Сыр-Дарьи на востоке до Едиля¹ на Западе. А странствующие акыны поведали ему о вершинах Ала-Тау и буйном Ертисе. И, глядя на небо, на ласковые теплые звезды, старик думал: такая недосыгаемая высота может быть только над великой степью. Часто он приходил в неопикуемый восторг: ведь она не обрывается, где-то сходится с большой дорогой и та — из аула в аул, из города в город — связывает большой мир людей и таких, как он, чабанов, табунщиков, гуртовщиков.

Прежде эта связь с большим миром людей ему казалась хрупкой и опасной. Думал, погибнет в затяжную зиму гурт — что будет с ним, где тогда найдет приют себе в великой степи? Все изменилось, как встретил Агибу, пошли дети. Потом произошел тонкерис², и связь с большим миром людей окрепла, новая жизнь по-другому стала ценить человека, каждый осознал смысл жизни. Его дети оказались в большом мире людей. Тогда старик сильнее почувствовал свою значимость. Когда обоим сыновей призвали в армию, старик с гордостью почувствовал — большой мир людей нуждается в его помощи. Зимой пришел небольшой обоз с деревянными кадками. Закололи пять лучших бычков, мясо зажарили в масле и в кадках отправили на фронт. Теперь он помогал милиционерам.

Они гурьбой топали за верблюдом, не вступая между собой в разговоры. Гимнастерки у них взмокли от пота. На глазах терялась их собранность. Старик пожалел их, ему стало стыдно, что утром пререкался из-за барашка. Старик пожалел их и удивился: хотя они были крепки, на их лицах нет следов знойного ветра и обжигающего солнца.

— Вы что, в степи не часто бываете? — спросил он у старшего, удивляясь бледности лиц его спутников.

Тот недовольно хмуро вскинул глаза, в них мелькнул какой-то недобрый блеск, на губах появилась непонятно-ехидная усмешка.

— Молодняк. Еще не свыкся с нашей службой.

Старик ругнул себя — соображать надо! Лучшие парни сейчас на фронте. В свою последнюю поездку на первомайский праздник видел, как поредели ряды джигитов, выходящих на круг, чтобы померяться силой в борьбе. Здоровых и сильных парней забрала война. Тут старик вспомнил, что в аулах уже то в одном дворе, то в другом поднимается пронзительный, леденящий душу женский и детский плач. То давала о себе знать проклятая похоронка. И ему стал ясен непонятный отъезд старухи в аул. К ним на зимовку почту не привозили, кипы писем от сыновей передавали через попутчиков, если они случались. Старуха не

¹ Едиль — казахское название Волги.

² Тонкерис — переворот, здесь в смысле революции.

выдержала мучительных ожиданий — пошла навстречу этим письмам. Чтобы скорее встретиться. Сразу на душе у старика посветлело, потеплело... «Отведу милиционеров к большаку — и домой! Дам передохнуть верблюду, а в конце недели поеду к старухе, — решил старик. — Успокою ее, привезу. Почаще буду ездить за письмами».

— Привал! Десять минут! — приказал старший.

Милиционеры кинулись к бидону с водой.

— Парни, мочите только горло. Только горло мочите, — бросился уговаривать старик.

Его никто не слушал. Каждый старался выпить больше, чем надо.

— Сколько километров мы прошли? — спросил старший.

— Тридцать пять. Около этого.

Старший что-то отметил на карте и остался довольный. Милиционеры черпали котелками воду из бидона и пили. Некоторые сидя ели что-то, вскрыв консервы. И каждый был занят сам собой, никто ни у кого не спрашивал, как себя чувствует. Никто на другого не обращал внимания. «Непонятные люди!» — огорчился старик и снова удивился. Милиционеров было четырнадцать человек, ошестинившихся автоматами. Столько оружия против одного. И что за груз в телеге? Если этот подлец точно сбежал с фронта, то в любом ауле двум-трем милиционерам помогли бы словить его без труда. Вспомнив, как ему отвечал старший, старик не стал выяснять свое сомнение. Раздалась команда кадыкастого: «Встать, вперед!»

Теперь милиционеры побежали за верблюдом не так дружно, как прежде, потели и беспрерывно прикладывались к флягам. «Если тот дезертир вооружен, то перебьет половину этих парней, — встревожился старик, затем успокоился. — Он же потому и дезертир, что трус. Что не может воевать. Увидит такую ораву — сразу сдастся».

Внимание старика привлек милиционер, который утром, в сумерках, суетливо бегал по двору. И сейчас он волновался, суетился пуще прежнего. Голова его, начисто выбритая, так и лоснилась от пота. Глаза, безумно-радостные, сияли болезненным восторгом. Он напихивал карманы травами, кругляшками овечьего и верблюжьего помета. Он все озирался, восторгался всем, что попадалось на пути — будь то куст полыни или сурчиная нора. Старик поразился, когда разобрал его жаркий, будто в бреду, шепот: «Биссмилля, туган жер¹».

— Что с ним? — спросил старик у старшего.

— Парень недавно перенес малярию. После этого, кажется, рехнулся, — объяснил, мрачней, старший. Движением руки подозвал кадыкастого: — Следи за ним.

Большой милиционер был вроде блаженного — шел, потеряв ощущение реального, будто парил. Волнуясь непонятно чему, забегал вперед, в сторону, отставал и догонял своих, совершая в десять раз больше движений, чем остальные. Старик так и назвал его — блаженный.

А остальные, безропотные и скованные, шли настороженные и притихшие. Ведь дезертир-то один. Если он даже вооружен, что с того! Где шутка и песня, почему не хохочут во все горло? Атырау² тем и знаменит, что каждый — острослов и балагур. Не может народ здешний жить без шутки. В душе возникло и росло раздражение и злость. У старика была простая и четкая формула жизни: если люди встретились, они должны быть довольны друг другом. «А как быть с этим?» — спрашивал он себя. Не будь на них милицейской формы — давно бы назвал оболтусами. Какой толк с таких растяп! Но старик любил милиционеров. Однажды в кино видел их в белых гимнастерках, на конях. То было красивое зрелище! Он хотел задержаться в ауле, чтобы посмотреть, как они гарцуют, да старуха торопила — праздник-то кончился, а дома дела.

¹ Туган жер — родная земля.

² Атырау — казахское название Северного Прикаспия.

Ах, эти первомайские праздники! Как только начал оседать и таять снег, как только веяло весной, старик ждал благостного дня. К концу апреля великая степь зеленела, птичий гомон наполнял поднебесье. Старик запрягал верблюда, в телегу накладывал побольше сена, чтобы не трясло, сверху стелил кошму. Да еще клал связанного барашка февральского окота — подарок дальнему родственнику. Старик брал вожжи, сзади усаживалась старуха, и начиналась благодать: все приходило в движение — медленно уходила вперед едва приметная колея, зимовье удалялось и, темнея, исчезало из вида. Верблюд важно вышагивал километр за километром и, если на пути встречался лакомый куст жусана, не замедляя хода, срезывал и жевал. У одинокого колодца делали ночевку, ужинали, а по утренней прохладе продолжали путь.

Чем ближе подъезжали к аулу, сердце старика ликовало сильнее. Он видел красные флаги над сельсоветом, школой, клубом, на мазанках пестрели лозунги. На окраине аула торчал длинный шест с перекладиной и подвешенными монетками. Здесь будут состязаться джигиты в стрельбе, а дальше шеста в степь уходили камышовые вешки — трасса байги. А в ауле что творилось! Мазанки с низкими, плоскими крышами все побелены, во всех дворах шум и гам, радостные крики. Кто коптил голову барашка — угощение знатному гостю, кто пылил метлой, убирая последний мусор, кто чистил ружье, готовясь к состязанию. И приезд старика со старухой был как знамение праздника. Его узнавали и радостно приветствовали. А вечером у дальнего родственника начиналась долгая нескончаемая беседа. Ему передавали новости за зиму, говорили о том, кто готовил коней к скачкам, кто из джигитов будет бороться. И между разговорами звенела домбра...

На следующий день аул митинговал, школьники под барабанный бой проходили по куцей улочке, а затем начинались праздничные игры. Назад старик ехал вовсе счастливый. Пережитое, увиденное и услышанное так переполняло грудь, что только молча их можно было утрясти в душе и памяти, чтобы потом вместе со старухой долгими осенними вечерами вспоминать, кто как боролся, кто был смешон и труслив.

Когда ехали назад, старик садился сзади в телеге, вожжи просто привязывал к передку: верблюд сам понимал, что путь лежит к зимовью, хотя телега наполнялась доверху. Мука, соль, бочка керосина, отрезки разных материй — премии за зимовку, подшивки районной газеты, на которую его заочно подписывали. Старик на такое не обижался — внимание человеческое. Верблюд добрел душой: ему нравилась эта привычка верблюда, хотя иногда случались резкие толчки. Если куст оказывался слишком в стороне, верблюд тогда делал крутой поворот. Раз даже опрокинул телегу, вывалив его, старуху и все добро на землю. Долго старик тогда стыдил верблюда, называл обжорой. Когда поехали — понял, что ведь верблуду вышагивать просто скучно. И нелегко ему тяжелую телегу тянуть по сыпучему солончаку. Ради коротания времени вот и лакомится кустом жусана. Верблюд не заглатывал этот куст жусана не прожевывая, а ел со вкусом, не спеша. Раз старик проследил, как верблюд, выхватив куст жусана, километров десять больше не озирался, все жевал и жевал. И старик простил верблуду случай, когда тот опрокинул телегу. С жусаном верблюд коротал длинную дорогу. Когда-то старик молился. Еще до женитьбы. У него не было часов, и намазы¹ помогали ему распределять время, делить день и от этого строить свою работу. Потом старший сын привез ходики, они тикали беспрерывно, и старик перестал молиться. Сейчас представил: ходики, наверно, остановились, так как утром забыл подтянуть гирьки. Не до этого было...

¹ Намаз — молитва.

Старик холил и берег верблюда, как родного брата. Это была его прочная связь с большим миром людей. Если приходила нужда, старик садился меж двух высоких горбов, двустволку на плечо — и в аул! Без телеги верблюд по великой степи несся как вихрь! Только пар клубился! После старик целую неделю поил его теплой водой, давал измельченный жусан. За службу верную благодарил. После старухи и сыновей у него не было существа более близкого, чем верблюд. И если весной начинал готовиться к первомайским праздникам, чтобы проехать по великой степи и оказаться в гуще людей, то этот старик мог сделать только с его помощью. Верблюд своей неукротимой силой, преданностью зимовке приносил немало радостей. За это старик любил его и холил. Потому он с верблюдом всегда ходил счастливый...

Под ногами шуршала сухая трава. Солнце замерло на макушке неба, его лучи били прямо в лоб. Вокруг плясал и переливался душный мираж. То вблизи, то вдали возникали высокоствольные упругие смерчи, в причудливо-дикой пляске призраками проносились мимо и исчезали. Старик представил — гурт уже у колодца, а воды в корыте нет — и вовсе опечалился. А милиционеры, скучные и унылые, рысили за телегой. Лишь какая-то сила заставляла метаться блаженного. Он то выскакивал из круга людей, то бегал вокруг. Когда блаженный поравнялся, старик посоветовал ему:

— Ты, сынок, меньше суетись. Так легче жару перенести.

— Я что, ата! — заулыбался блаженный. — Я ничего. Я все перенесу! На родной земле все можно стерпеть. Не правда ли?

Старик ахнул жалеючи: точно, ненормальный. Порет чепуху. Блаженный закружил вокруг верблюда: гладил по шее, подпрыгивал, чтобы достать до горба. Его движения становились резче, непоследовательнее, будто наступал приступ какой-то болезни. Прodelки блаженного все сильнее действовали на нервы старшего и кадыкастого. Они с плохо скрываемым раздражением переглядывались. Продолжая иступленно улыбаться, блаженный поинтересовался у старика.

— Ата, а в колхозе детям делают обрезание?

Пораженный, старик не успел ответить — старший коротко и резко ударил его по шее ребром ладони. Блаженный кувыркнулся раза два, быстро вскочил на ноги, продолжая улыбаться. Никто не бросился ему на помощь, никто и не заступился за него. «Что за люди?» — совсем озадачился старик.

Кончилась вода в бачке, кончилась она и во флягах. Милиционеры вовсе сдали. Старик опять пожалел этих странных парней. Он жалел всех, кто оказывался в великой степи. Он чувствовал себя сильным, способным преодолеть любые невзгоды. А вот чужая душа, ему казалось, в пустыне не уберется. Попадет в беду. Кого бы он ни встречал — всем помогал. Каждого старик кормил, потом провожал, указывая приметы, которые не дадут больше заблудиться.

Оттого, что гости у него бывали случайные, вести о тех или иных событиях доходили до него чаще всего в искаженном виде. В начале зимы колхоз направлял на зимовку машину. Она привозила бочку керосина, муку, картошку, лук, пряности разные, валенки ему и старухе и подшивку районной газеты. Старик читать не умел. Внимательно просмотрев газету с расплывшимися нечеткими фотографиями, подшивку отдавал старухе. Она использовала ее на растопку или давала вытереть руки после бешбармака. И радио у старика не было. Все новости ему приносили люди.

Старик всегда радовался каждой живой душе. Каждого он слушал доверчиво и охотно. Каждому мог говорить о погоде, пастбищах, повадках зверей, делиться всем тем, что знал о великой степи. Потому старику очень хотелось поговорить с милиционерами. Но его спутники, мрачные, измотанные долгой ходьбой и зноем, молчали. Старик вздохнул: не скоро ему избавиться от них. Он сам уже шел тяжело. Только

желание скорее довести их до большака заставляло двигаться. И тут пришла ему в голову еще одна странная мысль — почему они пешком? Неужели у них там такие тупые недогадливые командиры? Почему вместо четырнадцати пеших не отправить на лошадях трех-четыре хорошо вооруженных парней? Они бы рысью объехали, обшарили степь. От этих мыслей странный облик дезертира в глазах старика приобрел зловещие черты. Может, это чудовище, с которым нельзя справиться? В такое, однако, не верилось. А тут, поднимая пыль, беспорядочно, то и дело озираясь, брела толпа, озлобленная на коварного труса, сбежавшего с фронта. Не доставляло радости их общество.

Старший по карте уточнял путь, если попадалось соленое озеро, старый курган. Но таких примет встречалось мало, потому беспрестанно расспрашивал:

— Аксакал, сколько километров проходим за час?

— Около девяти.

— Только один большак до Доссора?

— Есть еще чугушка.

— Это я знаю. А в Доссоре воинская часть есть?

— Это зачем вам?

— Обратиться за помощью, если выйдем на след этого дезертира. Старик впервые рассмеялся за этот день:

— Четырнадцать человек! И этого мало для одного ничтожества? Старший на миг запнулся и заговорил нервно:

— Он, может, не один. Может, он сколотил банду.

— Мразь! — разозлился старик. — Не хватило духу воевать с немцами, есть дух воевать с родичами?

Старший неожиданно вскипел:

— Аксакал, помалкивай! Не твое дело рассуждать, кому как воевать! Не твое дело.

Услышав окрики старшего, милиционеры вмиг окружили старика. Старик удивился озлобленно-жесткому, бездушному выражению их лиц. Было что-то непонятно-таинственное и чужое в облике этих людей. Отчего — старик не определил.

— Кто звал? Всем — прочь! — крикнул старший на милиционеров. Потом, подумав, объявил: — Привал. Двадцать минут!

Старик распряг тяжело дышавшего верблюда. От него разило потом. «Ты прости меня, — зашептал он. — Скоро от них избавимся. И ты отдохнешь. Без пут пушу. Гуляй где хочешь. Это я тебе обещаю. А потом мы съездим в аул. Навестим старуху. Нельзя ее обижать. Договорились? И письма будем привозить. Эти письма — основа старухиной и моей жизни. Понял?»

Старик отошел от верблюда. Между тем милиционеры принялись обедать. Старик поразился — каждый ел отдельно. Обычно в степи соображали дастархан: раскладывали еду, не спеша, с достоинством, обедали. Дастархан, отсвечиваясь на лицах людей, сближал их. Свой обед люди обычно украшали шуткой, смехом, игрой слов. «Может, вой на переделывает каждого на свой манер. Может, я отстаю в этой жизни, может, я без старухи дичаю на зимовке», — тревожился старик, глядя на этих мрачных парней.

Он жил как бы на отшибе, околотке большой жизни, на самом краешке людского мира. Все, что свершалось, меняя мир, обычаи, поступки и мысли людей, проходило вдали, до него докатывалось последним, потерявшим свою яркость и силу. Даже о войне он узнал спустя месяц. Старший сын прискакал ночью на взмыленном коне и сказал, что его призывают. Теперь воевал где-то на севере. Так он жил, оторванный от большого мира. Его мысли прервали выкрики кадыкастого:

— Эй, старик! Думал, мы тебя кормить будем? Как бы не так!

— Помалкивай! — перебил его старший и кинул старику банку. Старик не стал ее вскрывать.

— Э-э! Он истинный мусульманин! Не ест свинину, — хохотал кадыкастый. — Ничего, старик. С нами научишься все жрать!

— Помалкивай! — опять на него повысил голос старший. — Сколько раз надо повторять?

Без воды и кусок не лез в горло. Потому обед еще больше испортил настроение милиционеров. Только блаженный, кажется, не переживал. Он и не попытался есть. Просто сидел, глядя на почти белое солнце, и улыбался. Улыбался бессмысленно и жутко, его взгляд становился все больше тупым и безжизненным. Утомленный больше всем происходящим, непонятым, чем долгой ходьбой, старик поднял улегшегося верблюда, снова запряг в телегу. Лениво и трудно поднялись милиционеры и снова выступили в путь.

Длинный и сухопарый, как мартовский волк, старший ожесточенно вышагивал впереди. Изредка зорко оглядывался, искал глазами кадыкастого. Тот кивал — все в порядке! Старшему было лет сорок пять, не меньше. Все к нему обращались почтительно-подобострастно: «таксыр»¹. Старик диву давался: в великой степи давно так друг к другу не обращались. С тех пор как произошел тонкерис. Если и произносили это слово, то только тогда, когда человек делал глупость, переоценивал себя. Ради шутки так обращались.

Солнце по-прежнему било в лоб. Горячий воздух струился, обволакивая лицо, плечи, грудь зноем. Вокруг плясал и играл пышный, упругий мираж, на горизонте возникали обманчивые, причудливые тени. Под ногами похрустывала белесая корка солончака. В невыносимой жаре не хватало воздуха, легкие задыхались. Старика охватило ощущение: что-то произойдет. Так он угадывал приближение бурана. «Втравили меня в оказию, которую никому не пожелаешь», — тревожился старик. Он пошел рядом с верблюдом, как бы ища у него защиты.

Мрачные мысли старика прервал дикий хохот. Старик оглянулся, и поразительное зрелище предстало перед ним: блаженный, совершенно голый, босиком шел сзади всех. Его ноги были окровавлены. Видно, давно разбросал одежду и оружие. Иногда блаженный ложился на землю и катался, дико вскрикивая: «Биссмилля, туган жер! Биссмилля, туган жер!» Угломнить его уже было нельзя — на глазах терял рассудок. Старший молчал, сохраняя выдержку и приличие, кадыкастый же по-смастривал тревожнее на него, ожидая команду. Блаженный не отставал, бегал взад-вперед, прыгал, кричал, катался по земле. Было не омерзительно, а жалко смотреть на него: весь в кровоподтеках, пыль, смешавшись с потом, превратилась на нем в жидкую грязь. Только его бритая голова по-прежнему блестела.

Блаженный вскочил на телегу и, как ребенка, стал целовать голову барашка. Затем, спрыгнув с телеги, покатился по земле, перевертываясь с боку на бок. Жесткие колючие стебельки рвали его кожу, впивались сотнями заноз в его тело. Теперь и голова его была в грязи. Вскочив, блаженный подбежал к старику:

— Ата, когда заколете барашка, дадите мне ботеке?²

— Дам. Обе почки будут твои. Ты только, бауырым³, оденься. Успокойся.

— Бауырым? — заулыбался блаженный. — Вы сказали, ата, бауырым? Биссмилля, туган жер! Такое можно услышать только здесь!

— Молчи, собака, — крикнул старший.

Краем глаза старик заметил, как тот, подняв руки, скрестил указательные пальцы. Кадыкастый согласно кивнул. Блаженный, приплясывая, выкрикивал возле телеги:

— Маленькие почки, круглые почки! Нет ничего вкуснее их!

¹ Таксыр — господин.

² Ботеке — почки.

³ Бауырым — душа моя.

Блаженный пел и танцевал, для него уже не было реального мира. Все жило в больном его воображении. Не он был в мире, а мир был в нем, и блаженный, не выдержав напряжения, как шаровая молния, мог взорваться в любую минуту. Кадыкастый подкрался к блаженному сзади и ударил по голове рукояткой нагана. Блаженный, даже не сделав шага, рухнул на землю. Кадыкастый, перешагнув через тело, пошел дальше. Никто не вздрогнул, никто не возмущился. Блаженный так и остался лежать.

— Люди, что вы сделали! — с суеверным страхом закричал старик. — Да что это такое? Вы же люди... милиционеры.

— Старик, иди вперед, — сухо, без обычного уважительного тона произнес старший. — Не мешай.

— Кто вы? Откуда вы взялись? — кричал старик.

Не дожидаясь ответа, он бросился назад. Там под солнцем ослепительно блестело тело блаженного. Будто оно не было измазано потом и пылью, будто ничего на свете не было светлее человеческой кожи. Ужас леденил душу старика.

— Стой, старик! — вскинул руку с наганом кадыкастый.

Старик хотел его обжать, но наткнулся на верзилу, тот облапил его, не выпуская. На помощь пришел еще кто-то, и старика поволокли.

— Люди, нельзя так! Его надо предать земле. Иначе сто лет не будет расти трава. Дожди будут обходить стороной это место.

Старик хрипел и задыхался, стараясь вырваться. Его мольбы никого не тронули.

— Старик, ты пойми, мы теряем время. Ты пойми, — твердил старший, идя рядом.

Старика волокли долго, пока он не обессилел. С отяжелевшим сердцем понял: оказался среди людей безжалостных, жестоких, движимых ненавистью не к дезертиру, а к чему-то большому, невообразимому. Он еще не знал, кто они. Каким вихрем занесло сюда. Какой джин выпустил их на беду людей. Старика тошнило, кружилась голова, но мысль работала четко и ясно — для черного дела здесь оказались эти люди. Душу наполняло безысходное, напряженное ожидание еще более неизбежного, чудовищного.

II.

В самый пик зноя старик вывел наконец непонятно-ненавистную толпу, изнывающую от жажды, к колодцу.

— Молодец, аксакал, — похвалил старший, снова обращаясь почтительно, с уважением. Он раскрыл карту. — Колодец здесь обозначен. Да, прошли семьдесят километров. Вышли раньше, чем я предполагал.

— Просто здорово! — восхитился и кадыкастый. — Завтра будем на нефтепромыслах. Начнется наша потеха!

— Этот колодец благодать! — сказал старший, утолив жажду. — Шесть часов на отдых, потом будем идти всю ночь.

— Шесть часов отдыха! — тут же передал команду кадыкастый. Он был весел и не чувствовал угрызения совести за убийство. — Позвольте, таксыр, ребятам водки. Как-никак что-то похожее на бешбармак мы сварганим.

— Делайте как хотите, — сказал старший.

Кадыкастый разделся по пояс и минуты две держал голову в колодце, свесившись со сруба. Только ноги остались наверху!

— Эй, слетишь в ад! — заметил старший и, подойдя к телеге, пинком выгнал разлежшегося в тени верзилу и лег на его место.

Те двое, которые несли воду, папиросы, автомат старшего, оказались рядом с ним. Один заступил в караул, второй лег отдыхать. Остальные распластались метрах в пятнадцати, поодаль от колодца. Двое при-

нялись свежевать барашка. Верзилу кадыкастый поставил во внешний дозор. Старик в их дела не вмешивался, все они были ему противны и гадки. Никогда он не чувствовал себя среди людей таким одиноким.

— Отпустите меня, я устал, — тихо, просительно обратился старик к кадыкастому. — До нефтепромыслов осталось совсем немного. Сами дойдете.

Кадыкастый оживился, будто ожидал такую просьбу. Сел поудобнее на срубе колодца, хлебнул водки из объемистой фляги.

— Ты прав, старик, дальше дорогу сами найдем. Таксыр наш когда-то гулял в этих местах с такими же, как мы, ребятами. Южнее Эмбы. Эх, как гулял! Его должны помнить. Но не об этом речь. О тебе речь. Ты свободен. Иди, старик. Таксыр проснется, я ему скажу, что ты ушел. И бидон свой бери. Сорок километров мы без воды обойдемся. Как, на себе потащишь или бросишь?

— А верблюд, телега? — напомнил старик, догадываясь, что зря затеял разговор. Только веселил этого скучавшего шайтана.

— Вот то-то! — хохотнул кадыкастый. — Верблюд! А мы, глупый старик, кто по-твоему? Скоты? Ослы бухарские? На себя взвалим весь груз? Нет! Верблюд нам нужен. Как мы шли по степи? Бежали, а не шли! Почему? Все тянул верблюд. А без него, старик, будем ползти как черепахи. Ноги протянем. Задохнемся от жары. Верблюд наш, а ты можешь возвращаться.

Похохатывая, кадыкастый опустился на землю, спиной прислонился к срубу и закрыл глаза, собираясь спать. Прав проклятый шайтан! Без верблюда им не обойтись. Кадыкастый уже дремал. Дозорные сонно несли свой караул, еще двое варили мясо в трех ведрах. Остальные спали. Старик уже не сомневался: ему и верблюду грозит серьезная опасность. И тут осенила мысль — сбежать! Старик отвязал верблюда и начал потихонечку удаляться, будто собираясь пасти. Верзила на карауле принял это как должное. Старик ликовал. Если удалиться от колодца метров на триста — он вскочит на горб, и они вихрем понесутся. Бандиты даже не успеют опомниться. Радуюсь удаче, старик считал шаги. «Шестьдесят!» — как святые слова молитвы шептал старик. «Шестьдесят пять! Семьдесят!» Его голова светлела от дерзкого плана, забывалась усталость, развенчались мрачные мысли. Старик ликовал и шептал, обращаясь к верблюду: «Рви же колючку, любую травинку рви, родимый. Наклоняй почаще голову. Забудь свою дерзость, усьмири гордыню. Сейчас они ни к чему. Бежать нам надо, бежать! Скоро, когда ты наклонишь голову, я вскочу тебе на шею. Ты с испуга вскинешь голову, и я окажусь меж горбов. И понесемся! Наклоняй же голову почаще. Будто ты голоден. Будто я, прости меня, тебя год не кормил!»

Сто шагов насчитал старик! Еще рано вскакивать на горб верблюда. Рано. Сам хороший охотник, старик знал — пристрелят запросто. Нужно уходить еще дальше и дальше. Можно рискнуть метров с трехсот. Пока бандиты опомнятся — верблюд галопом удалится еще метров на пятьдесят. А воздух жаркий, так и пляшет перед глазами. Прицелиться точно не смогут. Он уйдет, да не один, а с верблюдом. А там предупредит народ о том, какая беда появилась в сорах. Внезапно кадыкастый встрепенулся у колодца:

— Эй, старик, что задумал?

Старик сделал вид, что не расслышал. Кадыкастый выхватил автомат у верзилы, опустился на одно колено и прицелился:

— А ну, старик, поворачивай!

Старик горестно вздохнул и повел верблюда обратно.

— А ты, болван, зачем приставлен! — орал кадыкастый на верзилу. — Куда смотришь! Еще раз, разня, замечу подобное — пристрелю!

Старик привязал верблюда, для вида усложнив петлю. Достаточно раза два дернуть головой — развяжется. Старик решил сперва спасти

верблюда. А сам от бандитов сбежит ночью. Где-то они сделают привал, и он сбежит. Верблюд будет мешать. Он же ночью от них удалится каким-то образом в сторону и сольется с темью, с землей. Верблюд дорогу найдет домой. А может, завтра встретится у колодца. Старик снова поверил в то, что избавится от этих людей. Сперва уйдет верблюд, а затем и сам.

Кадыкастый снова прикорнул. Верзилу, видно, донимал голод. Вместо караула подкидывал кизяк в огонь. Костры пылали, в ведрах пенился бульон. Кадыкастый то спал, то, открыв глаза, озирался вокруг.

— Собачий край! Старик, как ты тут не окошел? — произнес кадыкастый, опять озираясь вокруг. — Как можно тут жить.

Старик не ответил. Слова оскорбляли его слух. Он мог многое поведать людям, но не этим. Не раз у него появлялась мысль, что он в большом мире людей не нужен никому. Для них он — лишь хороший пастух, который поит коров, растит телят, в одиночку может пережить бескормицу, отстоять гурт от волков, находить в безмолвной степи жилу в глубине, где бежит живительная струя пресной воды. Эта неласковая земля постоянно была с ним.

И старуху он встретил здесь. До сих пор благодарит судьбу за то, что ветер дул с севера. Ведь на него и повел гурт, чтобы лучше паслось. Все в тот теплый августовский день складывалось в великое счастье. Приближался полдень, Акболат поворачивал гурт на водопой, как в стороне, почти у горизонта, увидел что-то белое, неподвижное и неприличное для глаз. Он погнался верблюда в ту сторону — лежала женщина. Он спешил, со страхом подошел к ней. «Откуда она, как попала сюда и не мертва ли?» Женщина чуть заметно дышала, жизнь едва держалась в ней... Худая, изможденная, в платье, изодранном колючками в клочья, она была сама жалость и беспомощность.

Целую неделю женщина приходила в себя, бредила и плакала. Он иголкой выковырял занозы из окровавленных ног, раны посыпал золой. Постепенно женщина поправлялась. Акболат поил ее свежим бульоном, готовил чай и баурсаки. Окрепнув, она поведала горькую историю. Дальние родственники продали ее, сироту, старому мулле, у которого были еще две жены. В первую же ночь она сбежала от него. Шла, оказывается, от самого озера Челкар. Пятнадцать дней бродила по безлюдной степи. Два раза ей повстречался колодец, пересекла пески и такыры. Последние пять дней как шла, помнила плохо, пока вовсе не упала в обморок. Когда она окрепла и могла ходить без его помощи, Акболат предложил ей верблюда, единственное свое богатство, чтобы вернуться на родину.

— Нет у меня родных мест, — сказала она. — Зовут меня Агибой. Ты добрый человек. Я как овечка забрела к тебе. Ты мог надо мной надругаться. Я останусь с тобой. Навсегда.

Так Агиба стала его женой, родила ему двух сыновей. Могла еще, да однажды, когда поила гурт, одна из коров, обуреваемая жаждой, боднула ее. Акболат тогда чуть не лишился Агибы. С тех пор не появлялась надежда на детей. Сыновья вышли в большой мир людей. Они даже мать грамоте обучили. Будто знали, что ей и ему придется ждать писем от них. Старший работал на нефтепромыслах, младший заканчивал техникум, как началась война. Все попутала, перемешала, проклятая.

Старик был доволен жизнью, счастлив, что встретила Агиба. Никогда с ней не ругался, всегда слушался. Эта великая степь была его колыбелью, сутью его жизни. И не мог он ее проклинать...

Кадыкастый подозревал одного из бандитов, приказал вытянуть бадью с водой. Напившись, хмельной, снова обратился к старику:

— Что, старик, еще не очухался? Сидишь и гадаешь, кто мы? Ты, старик, наверно, понятия не имеешь о том, что такое десант, диверсия, а? Ты, наверно, не знаешь, что такое самолет, а? Самолет для тебя все равно, что бык с горбами. Ха-ха!

Кадыкастый захохотал зло, дьявольски холодно, словно кто-то посторонний смеялся за него.

— Это штурман, фашистская собака, виноват. Выбросил нас возле зимовки. Боялся обнаружить себя. Фашистская собака. Заставил нас столько топтать по жару.

Кадыкастый вытащил наган.

— Этой штукой, старик, мы будем устанавливать новый порядок. Все, кто недоволен Советской властью, угнетен ею, встанут под наши знамена. Вот для чего, старик, мы здесь!

Старик слушал и поражался. В аулах никто о таком не помышлял. В последний раз к нему приезжал завфермой, мужчина пожилой, в годах. Сказал, что приехал проститься, так как едет на фронт добровольцем. Благодарил за труд. И еще сказал, что колхозники сдают свои сбережения в помощь Красной Армии. Старик, сколько у него было в зимовке денег, отдал завфермой, чтобы тот внес от его имени. И никто ни словом нигде не проклинал Советскую власть.

— Старик, а ты знаешь, какая сила навалилась на Советы? О Гитлере слышал? Знаешь, что такое самолеты, танки? Нет, ничего ты не знаешь. Ничего! Потому сидишь спокойно, когда немцы дошли до Волги!

Кадыкастому трудно было уговориться, откровенничая, он распалял себя, становился все наглее. Однако старика не увлекала и не захватывала его устрашающая откровенность. Потому он спокойно ответил:

— Война — это как прилив и отлив Каспия. Сегодня немцы у Волги, а завтра...

О войне старик судил просто. Если из каждой семьи в армию взяли двух сыновей, значит, враг напал, навалился сильный, жестокий. И если из каждой семьи ушли защищать страну сразу два сына — значит, и сила для отпора собралась немалая. В это старик верил твердо, и мысли о поражении не допускал.

— Нет, старик, ты в военном деле, большой политике ничего не смыслишь. Иначе сейчас бросился бы целовать сапоги нашему таксыру, — продолжал кадыкастый, кивнув в сторону спящего старшего, — будущий правитель всей степи. Видишь, как спит? С караульным. Бережет себя и никому не доверяет. Не человек, а джин!

Раньше старик недоумевал от того, что не знал, с кем столкнулся. Теперь недоумевал — неужели все это серьезно? Если так, то никто из них не ушел далеко от несчастного блаженного. Шла большая война, а эти заняты тем, как быть правителем. И слово «правитель», отвергнутое и забытое людьми, звучало резко, как удар камчи. Кадыкастый снова приложился к фляге и устался на старика:

— Ты знаешь, кто наш таксыр? Он из ваших мест. Не слышал о Черном мулле?

Этому ублюдку, видно, трудно было скрывать свою душу. Откровенничая, он все больше ухмылялся, твердил:

— Ты вспомнил или нет? Он мастер на передевания. Так легче укокошить наивных простаков.

Старик вздрогнул. Это было лет двенадцать-тринадцать назад, когда создавались колхозы. Баи уходили за границу, угоняя скот. Однако табунщики, чабаны в одиночку и группами сбегали от бывших хозяев. В великой степи возникала новая жизнь, а что искать на чужбине? В тот год в низовьях Ак-Жанка скопилось тьма скота. И вот в степи объявился, как злой дух, молодой бай, по прозвищу Черный мулла. Он решил прибрать к рукам безнадзорный скот и угнать эти табуны, отары и гурты в Иран. Черный мулла собрал лучших парней, предложил им уйти вместе с ним. Парни не согласились — никто не хотел отрываться от родимых мест. И началось дикое, непонятное. В аул нагрянули милиционеры, собрали аксакалов, обвинили их в укрывательстве скота и тут же расстреляли. Многие парни, которых Черный мулла уго-

варивал угнать скот, были сыновьями тех аксакалов. Парни, озлившись, сбили скот в громадные табуны и погнали их. Великая степь в те дни дрожала от стука копыт. Скот уводили по восточному берегу Каспия, самой безводной части великой степи. В ауле объявились следователи, выяснить, как и за что убили аксакалов. Оказалось, расстрел — дело рук Черного муллы. Вслед парням помчались гонцы, чтобы образумить и вернуть их. Опоздали гонцы. Видя, что скот гибнет от бескормицы и безводья, Черный мулла на одном из привалов расстрелял спавших парней, а сам скрылся. И, как злой дух, вновь объявился...

Все, что не нравилось старику с самого начала, все, что вызывало неясное сомнение, — отпало, отвалилось, обнажив страшную правду: это враги. И среди врагов самые омерзительные, как черви, выросшие в гное. Кадыкастый, ничего не тая, откровенничал пуще прежнего:

— Все, что отнял тонкерис, вернем! Мы теперь хозяева!

Старик не ответил, был в смятении. Он обо всем рассуждал с достоинством. Редко встречаясь с людьми, нельзя говорить чепуху. Молва сразу разнесет: на зимовке живет одичавший чудак. Уважение сживается с человеком, если он осознает, что такое слово. Сейчас он не знал, что говорить, что делать. Старик сызмальства пас скот. И о лихих подвигах джигитов больше знал из легенд странствующих акынов. Слушая их, удивлялся одному: батыры жили в седой древности. Почему они перевелись в настоящее время? Уточнять это у певцов было стыдно. Боялся показаться наивным. В молодости старик думал: прокатись война или другое лихолетье мимо его зимовки, смог бы он смело сражаться, одним ударом шокпар¹ разить девять-десять врагов, громовым голосом разгонять вражьи орды? В пору молодости он, сидя на верблюде, грозно поднимал камчу и орал, изображая богатырский клич. Верблюд испуганно прижимал уши, коровы шарахались в стороны. Старик быстро кончил свои боевые учения. Глупо было. «Так можно, — рассудил он, — увлекаясь бог знает чем, свихнуться с ума». Теперь он, парализованный случившимся, сидел среди врагов, страшнее которых не мог создать сам дьявол.

— Эх, старик, ты даже не знаешь, что мы натворим! Если не будет восстания, мы будем изматывать большевиков изнутри. Террором. Пока не развалим их!

— Вы же на родной земле, зачем вам этот... — старик воздержался от слова «разбой». Он точно побаивался этого шайтана, потому сказал: — Зачем вам этот пожар?

— Родная земля... Эх, старик, сам бог лишил нас святых чувств, и на родной земле каждый из нас, — кадыкастый жестом обозначил круг своих спутников, — шайтан из ада. Почему они не разбегаются от радости к своим родным, в разные аулы? Нет у них пути назад! Каждого из них фашисты, прежде чем отправить сюда, сделали убийцей. Они расстреливали в концлагерях коммунистов, организаторов побегов, были карателями. Вот так, старик. Нам остается одно — силой вот этой штуки, — опять повертел наган, — утвердить свое право на жизнь. Иначе нам — конец!

А верблюд смиренно лежал. Старик раза два поднимался, подходил к верблюду, ласково трепал, успокаивая, по гриве, поднимал. Он надеялся: когда верблюд сам отвяжется — никто не обратит внимание. Однако как только он отходил, верблюд опять ложился. «Измучился, бедняга!» Старик от жалости чуть не плакал.

Кадыкастый, видя, что старик беспокоится о верблюде, накрошил в ладонь папирос, подлил водки и, пошатываясь, подошел к верблюду. Тот не выносил чужого человека, сразу вскочил на ноги. Кадыкастый взял повод, с силой потянул верблюда к себе и поднес к губам табак с

¹ Шокпар — боевая дубина.

водкой. Верблюд дико взревел и отпрянул. Кадыкастый не удержал повод, узел тут же развязался. Волоча аркан, верблюд понесся в степь.

— Стой, дьявол! — заорал кадыкастый.

Верблюд понесся пуще прежнего. Он летел. Старик заворуженными, счастливыми глазами следил, как тот удаляется.

— Стреляйте! — орал кадыкастый, бросаясь к автоматам, сложенным возле телеги.

Верзила прицелился, старик навалился на автомат, и все пули, поднимая тучу пыли, ушли в землю. Верзила сбил старика. Он валялся в пыли, всем нутром прислушиваясь к беспрерывно-оглушительному грохоту автоматов. Наконец все стихло, старик поднялся. Верблюд лежал метрах в шестидесяти. Старик бросился к нему.

— Дерьмо, что наделал! Сам понесешь все барахло. Как ишак на спине, — орал сзади старший на кадыкастого. — Дерьмо, в какое положение нас поставил! Расстрелять тебя мало!

Верблюд лежал на боку, и его широко раскрытые глаза были полны ужаса, гнева и удивления. Кровь сочилась из ран, растекаясь вокруг, и тут же, впитываемая пылью, запекалась. Старик носовым платком прикрыл глаза верблюда, единственный ритуал, который сейчас был в состоянии совершить. На прощание обнял голову верблюда, прижался к еще теплomu лбу.

Стрельба подняла на ноги всех бандитов, да еще поспело мясо. Все принялись за трапезу. Старика не тянуло к еде. Томимый ненавистью, подавленный случившимся, он думал о своем. Такие мысли никогда его не посещали, как бы трудно ни было. Ни в лютую зиму, ни в жестокую бескормицу. Он вопрошал судьбу: чем накликать такую беду? Старик, как и все люди, привыкшие к одиночеству, винил в случившемся прежде всего себя.

После обеда с обильной выпивкой бандитов снова потянуло ко сну. Верзилу на карауле сменил плотный, с короткой стрижкой мужчина. Он, на ходу подремывая, равнодушно делал круги вокруг колодца, телеги и людей. Зорко стояли на карауле, сменяя друг друга, возле старшего. К колодцу вернулся кадыкастый. Он был уже пьян, покачиваясь, держал в руках кость с громадным куском мяса. Положив кость на тряпку, лег на сруб и свесил голову в колодец. Постояв так минуту-другую, выпрямился и посмотрел на старика мутными, плохо соображающими глазами. Шутовски погрозил пальцем и улыбнулся. Язык, видно, не слушался. Погримасничав, опять сунул голову в колодец. Вдруг тело кадыкастого судорожно задергалось, как бы в припадке. Старик с ужасом догадался, что кадыкастый блюет прямо в колодец. Первой мыслью старика было оттащить поганца от колодца, но тут заметил, что караульный уходит по кругу, находясь к нему спиной. А тот, который стерег старшего, не смотрел в его сторону. Старик резко поднял ноги кадыкастого, и тот, потеряв равновесие, рухнул вниз. Раздался тяжелый всплеск воды.

Старик, не мешкая, проворно вернулся на свое место и, как раньше, лег ничком. Несмотря на пережитое и совершенное им, он постепенно отключался от всего, чувствуя, что засыпает... Разбудил его шум. Уже вечерело. Бандиты толпились у колодца, слышались резкие, короткие распоряжения старшего. Из колодца извлекли тело кадыкастого.

— Дерьмо, нажрался водки и испортил воду! — орал старший. Смерть спутника, видно, его мало волновала. Двое ожесточенно вычерпывали воду. Старик вдруг почувствовал, что прежнего смятения нет. Уверенность, которая постоянно была с ним, на короткий миг покинув, вернулась. Короткий сон в адской обстановке приободрил. Он с жалостью посмотрел в ту сторону, где горой чернела туша верблюда. Над ней уже прыгало и вилоь темное облачко. Тысячи мух слетались на зловещий пир. На глаза старика навернулись слезы... Его двугорбый друг больше не побежит, нюхом угадывая путь, к родному зимовью...

«Великая чуткая степь, — мысленно произнес старик, глядя, как медленно, печально опускается солнце за горизонт. — Ты угадываешь настроение человека. Если ему трудно — ты насторожена. Если ему радостно — ты ликуешь. Сегодня ты будто оцепенела! Спасибо тебе за это, великая степь! И прости, что на твоём боку белеет человеческая плоть, что верблюда оставляю на съедение хищникам. Злая сила одолевает меня. Только прости. И не отворачивай от меня свой великий лик!»

Подошел старший и спросил:

— Аксакал, сколько километров до следующего колодца?

— Около пятидесяти.

— Набрать воды как можно больше! — крикнул он и сел возле старика.

Старика мутило от его близости. Враги казались ему несметными полчищами, которые, содрогая землю, проходят по миру, сея ужас и смятение. Эти тоже навевали ужас, только уродливостью желаний, ничтожеством души. Сменить веру, чтобы вернуть былое могущество, надеяться на чужую силу, чтобы разорять родную землю, — это было чудовищно.

Подошел верзила и отрапортовал:

— Половину груза придется оставить. Не потянем на себе.

— Заройте и запомните место, — распорядился старший.

Старик тяжело вздохнул: наступала необычная ночь в его жизни. Он тихо и спокойно внушал себе: «Не должен я терять свое достоинство. Не должен. Только моя воля и моя мысль подскажут, как мне быть. Я был человеком и останусь им!»

III.

К закату снова выступили в путь. Каждый был нагружен до предела. Верзила хотел и старику навязать какой-то мешок, старший сухо приказал: «Отставить!» Да и старик не позволил бы на себя взваливать их барахло. Сам старший все так же был налегке. Его продолговатое, с редкими морщинами лицо оставалось по-прежнему сосредоточенно-спокойным, взгляд тяжелым и мрачным. За общим ходом следил верзила. Движение теперь замедлилось. Раньше каждый волей-неволей приноравливался к размашистому шагу верблюда. Верзила то и дело бесполезно, но упорно понукал: «Живее! Вперед! Не отставать!»

Старик, как ему ни было горько, не удержался от смеха. Этот толсторожий мерин был рад, что выдвинулся на место кадыкастого. Обливаясь потом, он сутился, бегал, давал распоряжения, нужные и ненужные. Самое поразительное было в том, что с каждым разом его голос свирепел, в нем появлялись угрожающие нотки. Кое-кого из нерасторопных он награждал пинками, обзывал грязными словами. Возле старшего верзила обмякал, вытягивался в струнку, ожидая приказа. Получив его, тут же перекати-полем неся к своим, и там его облик менялся, приобретая черты палача, о которых старик знал из сказок акынов.

Верзила чуть не плакал от усердия, выполняя распоряжения старшего. Когда слова команды застревали от возбуждения в горле, он угрожающе мычал, делая торопливо-требовательные жесты. При этом мучительно жмурился.

Глядя на жирное мясистое лицо верзилы с редкой рябью оспинок, на его услужливо-гадкие жесты, собачью готовность выполнить приказ, старик заключал: такие не установят ни своих порядков, ни свою власть. Такие — жалкие твари в руках сильных, злых сил, и выпущены они на белый свет, чтобы вершить черные дела. Старик яростно негодовал на свое бессилие; окажись в его руках дробовик с десятком патронов — он смог бы с ними поговорить.

Старший расценил молчание старика по-своему, потому заговорил примирительно и ласково:

— Аксакал, от тебя нам нужно немного — колодец и дорога на Доссор. Денег я не буду жалеть. Купишь себе верблюда. Дам еще на лошадь.

— Верблюда не покупают, верблюда растят. Тогда он в работе надежен. Какие вы казахи, если этого не понимаете, — вставил старик, представив, что он без верблюда теперь совсем одинок. — Отпустите меня. Я на ладони вам объясню, как добраться до нефтепромыслов.

— Нет, аксакал, не могу. Ты должен нас вывести к следующему колодцу. Там мы передохнем. Иначе эти, — старший кивнул на своих людей, — не вояки. А потом в пепел разнесем нефтепромыслы!

— Я не могу идти с вами.

— Тебе что, жизнь не нужна?

В голосе старшего прозвучала злая угроза, его лицо стало безжизненно-мертвенным. Старик уяснил: настаивать, просить — бесполезно. Оставалось только ждать. Но идти и ждать, что будет дальше, — нестерпимо. Вся его жизнь была действие. Он защищался, противостоял, выходил из трудностей, избегал опасностей. А что он может? Они вооружены до зубов, у него только камча за поясом. Остается одно — покориться и идти. Если он погибнет — не протянет долго и старуха, разбредется и пропадет гурт, не будет родного очага у сыновей, когда они вернутся с фронта. И оба еще не женаты... «Нет, не могу я умереть. Мне нужно еще три года. Все мои шестьдесят восемь лет ничто, если не будет этих трех лет».

Часа через два ходьбы сделали первый привал. Старший сел рядом со стариком, снял сапоги и спросил:

— Аксакал, что тебе дала Советская власть? Ведь ты был пастухом и остался им.

— Новая жизнь многое дала, — будто не расслышав оскорбительных унижающих слов, ответил старик. — Великая степь посветлела. Радости прибавилось. Нет больше нищих, бродячих мулл, аулы не голодают. Каждый нужен всем, и не живет сам по себе. Как мы живем — надо увидеть на праздниках. Например, Первого мая.

— Ты — коммунист? — спросил старший. — Ты мелешь чепуху!

— Я пастух. Раньше, при баях, какой бы праздник ни случался — половина народа горевала. Радовались те, кто был сыт. А сейчас, на Первое мая, не увидишь ни одного лица, которое бы печалилось. Чтобы понимать народ, нужно всегда быть с ним!

— Аксакал, слушая тебя, можно сойти с ума! Неужели этого достаточно для счастья!

У старика были радости не яркие, не шумные, но запавшие в душу и устойчивые, как запах полыни. Эти радости случались, пусть не каждый день, даже не каждый месяц, но случались. И он этим был доволен. И еще был доволен тем, что жил среди огромной, не постижимой умом великой степи.

— А в бога веришь? — не отставал старший.

— Нет, не верю, — ответил старик. — Я жил и рос в одиночестве. Никто мне не внушал, что есть бог. Никто меня и не разубеждал, что его нет. Рассказы же бродячих мулл о деяниях всевышнего для меня все равно, что легенды акынов о батырах.

Старик говорил правду. У него было свое убеждение: человек должен жить и что-то обожествлять, во что-то верить. Иначе его душа никогда не будет чиста. Иначе он начнет совершать дела не по совести, а ради корысти, обмана. Этим божеством для его души была великая степь.

— А как же, аксакал, ты относишься к русским? — все допытывался старший.

— Они — часть великой степи, как и мы. Русские — братья. Поэтому оба сына воюют вместе с ними.

Старший расхохотался:

— Старик, а ты говорун! Завтра мы шарахнем нефтепромыслы. Оставим большевиков без нефти. Тогда у твоих друзей поджилки совсем расслабятся. Ха-ха!

Снова выступили в путь. Старик шел, предаваясь грустным размышлениям.

«Доведу я их до Доссора. Полыхнет пламя над землей, станет все исчезать в огне. Кто сотворил это зло? Они? Нет, я, который привел их. Как это вышло?» Старший сын, приезжая в отпуск, рассказывал:

— Отец, как ты находишь под песками и солончаками жилу пресной воды, так и мы находим нефть. Это здорово! Нефть такое же наше богатство, как и скот, хлеб. Великая степь — это клад для людей. Там есть и золото, и уголь, и руда. Все на земле будет меняться. Пророем каналы, доставим воду в пустыню. И зимовки нашей не станет. Другие дома построим. По-другому жизнь пойдет, отец!

Старик верил сыну. Из большого мира людей приносил, передавал эти слова. Один из странствующих акынов убеждал старика называть степь золотой. Всегда под солнцем, все на ней набирает силу и зреет. Старик не согласился. Степь — она великая, возражал он. Потому на ней есть солончаки Атырау, пышные дуга вдоль Ак-Жайка и озеро Чалкар. Акын заводился: что за сравнение! Степь с такой пестротой получается, как рожа у осяяного. Золотая осень — вот певуче! Акын пел, доказывая свое, надрывался. Старик возражал: степь великая, потому она и многолика. Старик боготворил землю, где жил. И рассказ сына о Макате, Доссоре убеждал его, что он был прав. Раз он ездил к сыну. Его тогда изумили качалки, неутомимо вычерпывающие нефть из невообразимой глубины. Были чем-то качалки похожи на верблюдов.

Хотя была полночь, зной по-прежнему неистовствовал. Безлюдные, безмолвные солончаки чередовались белесым покрывалом соров. Не попадались ни птица, ни зверь. Мертвенно-безжизненная земля простиралась кругом. И тут старика осенило: он не защищен, великая степь вместе с ним. Жизнь этих людей в его власти. Они идут, полагаясь на него. «Нужно завести этих ублюдков как можно дальше, в глубь солончаков. Там резкий и знойный ветер да белесая пустыня будут им спутниками», — решил старик. О себе он не думал. Сам, при нужде, как верблюд, мог трое-четверо суток обойтись без воды и пищи.

Небо и земля слились во мраке. Яркие звезды прорезывали ночную мглу. Зной не спадал. Всю свою ненависть старик вкладывал в свой замысел. «На вашей шее я такую петлю затыну, что задохнетесь. От жажды, от зноя. Вы этого дождетесь!» Старика теперь беспокоило, что идут слишком медленно, что не сможет завести в глубь солончаков. Он все подсчитывал — намного ли отклонились с пути. Получалось, мало. Он душой рвался вперед. Если за ночь уйдет в сторону на тридцать-сорок километров — этого уже будет достаточно. После мяса и водки они беспрестанно пьют воду. Скоро она у них кончится. К утру их охватит такая изнуряющая жажда, что распластятся они как тюфяки. И тогда им далеко не уйти... Он их заведет!..

Старик рассуждал обдуманно, спокойно и хладнокровно. Предстояла отчаянная схватка. Он заплакал, когда убили его верблюда. Больше никто не увидит его слез. И за многое рассчитается. Только бы хватило сил продержаться на ногах до утра. Тело ломило от усталости. Старик терпел, чтобы довести задуманное до конца. Эти люди напоминали ему слепцов, оказавшихся в чужом ауле. Завтра они будут как обезумевшие слепцы...

Вдруг старший, что-то вспомнив, живо позвал верзилу:

— Ты знаешь, у старика два сына. И оба на фронте! Если из та-

кого богом забытого уголка выудили всех мужчин, то легко представить, какая сила у большевиков в тылу. А?

— Аул — одни бабы! — хохотнул верзила. — Саксыр, веселая начнется у нас жизнь! Правду нам говорили в разведшколе. Помните — последнюю инструкцию? И, будто читая коран, возбужденно пропел: «Уничтожение нефтепромыслов станет одной из крупнейших диверсий. Русские танки окажутся без горючего. Пламя нефтепромыслов вызовет панику. Нерусские народы встретят вас как героев. Вы возглавите движение против Советов. Тем временем мы выйдем к Волге...»

Возбужденный и старший. Он забегал, заволновался, приказал верзиле выстроить свое воинство и, обращаясь к ним, заговорил напряженно и запальчиво:

— Русского государства не будет! До Волги над всей Европой хозяева германцы, до Урала — Япония. Казахстан, Средняя Азия — это полоса, где должен быть свой хозяин. Им станет тот, кто окажется там первым, у кого будет оружие. Кто поможет немцам развалить Советы ударом в спину!

На следующем этапе старший и верзила, будто подгоняя свое воинство, пошли сзади. Но возбуждение у них не спадало. Они беспрерывно обменивались планами. Больше говорил старший.

— Теперь конец всему. Мы распространим свою власть от Иртыша до Каспия... Все, что отнял тонкерис, — вернем!

— А Большой Туркестан¹? — робко напомнил верзила.

— Что Большой Туркестан? — повысил голос старший. — Это болтовня, и все, кто разглагольствует в Берлине об эмиратах и ханствах, — болтуны. Народы не объединяются, а покоряются один другому. После разгрома нефтепромыслов мы станем теми, кого будут поддерживать немцы. Сперва мы возьмем в свои руки Макат, Доссур и Гурьев. И объявим о создании своего правительства. Это будет началом... Под наши знамена мы наберем узбеков, туркмен, киргизов, азербайджанцев, они мусульмане...

Разговор старшего и верзилы был на руку старику — он осуществлял задуманное. Вот за вечер, с тех пор, как принял решение, он сам как бы преобразился. Не ощущал прежней своей униженной беспомощности. Этот разговор и помогал, и прибавлял ему сил.

«Нет, все это не так! — в мыслях возражал старик старшему. — У вас не будет ни блестящей победы, ни своего ханства. Вас просто натравили, как собак, на большевиков».

Старик все предавался грустным размышлениям: «Неужели в большом мире людей никто не знает, что в сорах появилась банда? Вот залетит в комнату муха — каждый обратит внимание. А тут самолет. Но для великой степи тот самолет ничтожнее блохи, меньше пылинки. Потому никто не ведает о банде. Ужасно, если так».

Жизнь старика никогда не ласкала, она была с ним сурова и жестока. Ему даже иногда казалось, что на этом свете зла больше, чем добра. Только доброе, что случилось, дольше держалось в памяти и душе, и когда ему приходилось вспоминать, повторять в мыслях пройденное, то оказывалось, что его жизнь текла в радостях. «Это хорошо, — говорил себе старик, — что жизнь такая пестрая. Как радуга с наложенными полосками, где удача и невезение рядышком, идут след в след, как холод, тепло, свет и тьма». Добро казалось ему вершинами пути, а зло — провалами. Своя жизнь старику представлялась светлой полосой, и он гордился — никому не причинил зла. И пусть большая жизнь людей текла в стороне бурно и величаво, как воды Ак-Жаика, старик был доволен — жил пусть не ровно и гладко, но по совести. И эти лю-

¹ Большой Туркестан — националистическая идея создания мусульманского государства в Средней Азии и Казахстане. Поддерживалась гитлеровской пропагандой.

ди, в чужой одежде и с верой в чужую силу, внушали ему отвращение, будто бы встретил стадо зверья, доселе не бродившего в великой степи. Это же так и есть, говорил себе старик. Это же звери. «Что они за казахи, если пришли предать огню родную землю, — думал старик, наполняясь ненавистью. — Что для них сокровенно и свято?»

Первым неладное почуял верзила, испуганно сказал старшему:

— Таксыр, когда шли днем, солнце било в лоб. Сейчас Темир-казык¹ слева.

Старший встрепенулся, как бы сбрасывая сонливость:

— Аксакал, верно мы идем?

— Верно.

— Почему Темир-казык слева?

— Мы вступили в Жамансорские солончаки. Сорю здесь бог набросал, как коровьих лепешек. Вот и обходим один из них.

Старший карманным фонариком осветил на карту.

— Какой из этих?

— Я не умею читать, — ответил старик и, кивнув в сторону верзилы, добавил: — Если кто знает великую степь лучше, чем я, доверьтесь ему. А меня оставьте в покое. Я устал...

— Молчать! — свирепо оборвал старший, будто забыв слово «аксакал». — Теперь ты с нами до конца! Если оставим, то как труп. Ясно?

Вскоре показался сор, один из бесчисленных в этих краях. Старший и верзила успокоились. Долго шли берегом. Бандиты ступали тяжело. Вязкие тяжелые шлепки сапог о сухую землю да вразнобой прерывисто-неровное дыхание напоминали движение многолапого чудовища.

Была пора межлуны. Мертвенно-бледный солончак отражал звездный блеск, и контуры великой степи просматривались довольно четко. Один из бандитов попытался запеть, но вскоре замолк. Миновали сор, затем другой. Старший нервничал, опасливо поглядывал на карту, подсвечивая фонариком. Вдруг старик подумал: будь это добрые люди, богом умолял бы подарить ему этот фонарь — с ним удобно осенью и зимой глубокой ночью обходить гурт!

— Старик, ты нас не запутал? Где мы? — спросил старший.

— На пути к Доссору. И название-то оттого и пошло, что там соры рядышком. Там даже нет пресной воды. Ее перекачивают по трубам из Ак-Жайка.

— Старик, что-то ты стал много говорить. Будто развеселился. Что затеял?

— А что я могу?

Старший коротко вздохнул:

— Пристрелю, если будешь лукавить.

Старик, не обращая внимания на угрозы, предался размышлениям. Мир, конечно, сложен. И не все в нем сразу поймешь. Но были вещи простые, как истина. Так, он знал, что сам не вечен. На белом свете, на груди великой степи тот путь, который определен ему судьбой, — все короче, все ближе. Сейчас у его ног холодной поземкой поползла смерть. Старик это ясно чувствовал. Ему почти не приходилось видеть смерть. Родители погибли от чумы, он сам, сколько помнил, пас байский скот, пока не произошел тонкерис. Приезжая в аул, узнавал, что кто-то из аксакалов или ровесников покинул этот мир. А такого, чтобы насильственно уничтожали человека, — такого не представлял. Колоть, крушить живое — он считал противоестественным. Даже тарантулов не трогал. Ради того, чтобы уничтожить, — не стрелял и в волков. Хотя от них в зимы маялся изрядно, оберегая гурт. Проливать кровь человеческую! Это было дико, непонятно и страшно.

С того момента, как старик принял решение, время побежало стремительно. Уже полночь перевалила. Старик обладал даром безоши-

¹ Темир-казык — Полярная звезда.

бочно определять время по солнцу, звездам. Младший сын его даже проверял, сверяясь по часам. Расхождение составило от пяти до десяти минут. Сейчас старик мучился. Ему казалось, что прошли ничтожно малую часть пути. В голове шумело, кровь от напряжения будто кипела. Пересохло в горле. Старик ругал себя — почему с самого начала не пришла в голову такая мысль? Даже о побеге не думал. Если он уйдет, эти набредут на другого чабана и зло повторится сначала.

— Когда будет колодец? — холодно спросил старший, опять посветив фонариком на карту.

— Осталось двадцать-двадцать пять километров.

«Половину из них перебьет жажда, — удовлетворенно думал старик. — Обезумеют, побросают одежду, оружие, переругаются, перегрызутся между собой. Ибо нет у них ни мужской спайки, ни человеческой дружбы. Исчезнут, как мираж. Ублюдки, великая степь отомстит за все!» У старика на глазах выступили слезы. Не те, что были от слабости. Другие. Великая степь оставалась ему верна.

Старик с детства боялся февраля. Думал, умрет или заболит в этом месяце. В феврале в великой степи тощал скот, слабело зверье, все гибло от бескормицы и истощения. Мартовское солнце уже ускоряло движение крови, а когда зеленела степь, воздух свежел и густел от сочных запасов лугов, — старик молодец, любой недуг ему был не страшен. Он шел в степь, ел «жуа» — дикий чеснок с солью, коровы давали такое густое золотистое молоко, что, выпив полную чашку, целый день не думал о еде. А когда приходили первые грозы, хотелось побольше глотать воздух, наполненный ароматом трав.

Теперь все складывалось иначе. Конец его пути обозначился на август. Месяц жизни. Месяц, который оставлял после себя чарующие прохладные ночи и росистые рассветы.

У старика силы были на исходе — целые сутки на ногах. Что такое усталость — старик мог объяснить каждому. Уставал часто. Когда это случалось — клял коров, особенно при водопое. Каждая корова казалась ему прорвой — столько воды уходило в ее брюхо, что он не успевал тяжелой бадьей вычерпывать воду из колодца. Однако злость вскоре проходила, старик обходил гурт и перед каждой коровой извинялся за бранные слова и невыдержанность. «Погорячился я, погорячился. Из-за усталости это», — твердил он, переходя от одной коровы к другой. В такие минуты на свете не было существ более добродушных, доверчивых, чем коровы.

Сейчас наступала другая усталость — последняя. Колени ныли, нестерпимый зуд поднимался в них. Старик по болям в коленях определял, как много он ходил по великой степи. Если они ныли сладко, с приятным излучением тепла, — тридцать километров, его ежедневная привычная норма. Если суставы потрескивали, как бы переламываясь, — значит, больше пятидесяти километров. Теперь зудели невыносимо, ступни ног пылали, словно ступил на костер. В обычные дни, если его ходьба длилась долго, он наполнял корыто водой и опускал ноги. В такие минуты он как бы парил над лугами, пастбищами, сладкий воздух наполнял грудь, успокаивал разгоряченную кровь. В такие минуты он владычествовал над миром, мир над ним. Блаженствуя, старик принимался перебирать все то, что случилось, что было. Сзади, в памяти его, лежало такое пространство жизни, что оно было необъятно и дорого ему. Без войны и раздоров жизнь человека, оказывается, как бы она ни сложилась, всегда была красива. С каждым тягостно-томительным шагом старик все больше убеждался в этом. Ему сейчас вспомнилась пора сенокоса — аромат трав, треск косилок, а по вечерам уютный круг у костра и дружное пение аульных парней.

Старик оглядел великую сумеречно-белесую предрассветную степь. Восток метал в небо светлые лучи, открывая широкий простор. Неизменный, постоянный друг — великая степь была рядом. Если бы ста-

рик не устал, если бы чувствовал еще хоть крохотную силу в жилах, то продолжал бы тайную игру, пытался бы выжить. Однако непреодолимая усталость обозначала его конец: дальше у него нет сил, а они его просто так не оставят в солончаках.

— Ублюдки вы! — громко и честно огласил старик свой приговор, вынесенный давно. Ему нравилось это слово, оно обозначало мразь, скользкую, отвратительно-гадкую. В жизни старик мало ругался, не знал оскорбительных, унижающих человека слов.

Старший резко повернул к нему искаженное яростью лицо:

— Ты что сказал, старик?

Остальные тотчас окружили. В предрассветных сумерках, хотя лиц не видно, угадывал каждого. Вдруг старик обрадовался, что не знает их имен, его память чиста и не засорена.

— Ублюдки вы! — повторил спокойно старик. Он никогда в жизни никого не обманывал, решил быть честным и с врагами. — Я вас завел в сору. Отсюда вам не скоро и не просто выбраться.

— Старик, ты спятил с ума! Этого я тебе не позволю. Если завел — сам же выведешь!

— Я устал и никуда не пойду.

— Еще как пойдешь! Или, как собака, подохнешь в безвестности.

— Не оборвется моя тропа, — сказал старик. Слова он произносил четко и ясно. — Я, Акболат Телегенов, на родной земле. Это вы подохнете в безвестности. Человеку не смерть страшна, а безвестность.

— Довольно болтать! Пойдешь или нет?

Старик всю жизнь принимал решения сам. Ему редко кто советовал, редко кто и отговаривал от решений. Его действия никогда не обсуждались в кругу людей, а если и обсуждались, он не знал, о чем шла речь. Никто его не осуждал, никто не хвалил. Приняв раз решение, он шел напролом, чтобы осуществить задуманное. И ничто его не останавливало. Он даже не знал иногда о своих ошибках, ибо не было свидетелей поступков. Его действия в собственной оценке всегда были верны.

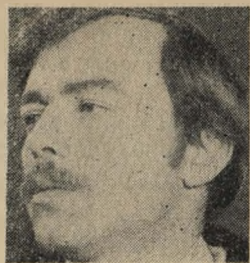
— Ты думаешь, что умрешь просто так? — кричал старший.

Да, старик боялся одного — надругательства. Засосало под ложечкой. Можно стерпеть голод, боль, мучения, но сознавать свое бессилие перед чужой силой, несправедливостью и подлостью — это было сверх его возможностей. Над мертвым телом никто не может надругаться — это часть великой степи, отныне и навсегда. Мертвый, он им не будет принадлежать.

— Я тебе отрежу уши, глаза, язык. И оставлю живого подышать здесь! Сперва я тебе перестрелю колена!

Старший выхватил из кобуры наган, старик еще быстрее выхватил из-за пояса камчу и ударом выбил наган из его рук. Если бы это был дробовик, старик незамедлительно бы им воспользовался. Но он не знал, как обращаться с этим оружием. Старший попятился, глаза от испуга вылезли из орбит. Старик нахлестывал старшего, тот кричал, что-то приказывал своим. Старик размахивался широко, никто не мог к нему подступиться, а стрелять не решались, боясь попасть в старшего.

Старший под ударами крутился волчком. Старик метил в темя или в висок и промахивался. Руки и глаза его никогда не подводили, сейчас давала знать усталость. Сзади жутко что-то ударило в плечо, камча вылетела из рук. Это стрелял верзила. Он же забежал спереди и снова выстрелил. Пламя выстрела обожгло старика, мгновенно все покрылось мраком. Старик собрал последние силы, их хватило только на то, чтобы раскрыть веки — над великой степью сияло солнце. «Свет жизни сильнее огня смерти», — последний раз подумал старик. Солнце светило все ярче, заполняя поднебесье. Великая степь встречала день. Где-то должны взмыть и закрыть беркуты. Старик больше не смог ничего ни вспомнить, ни представить. Он упал на сыпучий солончак. Великая степь приняла его в свои объятия...

Николай Сергеевич Байбуза родился в 1946 году в Барнауле. Печатался в краевых газетах, альманахе «Алтай» и коллективных поэтических сборниках. Представлял молодую поэзию Алтая в составе агитпоездов ЦК ВЛКСМ «Комсомольская правда» и «Молодогвардеец» на БАМе и севере Тюменской области. Работает художником-оформителем на комбинате стеновых материалов. Живет в Барнауле.

Николай БАЙБУЗА

РЕЗКО Я ВИЖУ...

* * *

Спасибо всем,
кто не помог
угробить ранней похвалой.
Спасибо,
что давали в долг,
не взяв расписки
долговой.
За резкий крик:
— Ходи прямей!
Бери потяжелее кладь.
И сыновей своих сумей
и выкормить,
и воспитать.

И вам — спасибо,
кто со злом
сказал:
— Бери-ка, парень, лом.
Я бредил
золотым пером.
Но лом гудел мне
о другом:
— Бей глубже,
серый лед круша.
Была бы за душой душа.

Железный брат карандаша
Мне руки вывернуть не смог,
метель завывала —
снегирек
ей лапу белую прожег.
На пальцы
в холода дыша,
я верил: запоем душа.
Не главное — размер и слог,
когда метель сбивает с ног,
когда пускают на порог,
чужому говоря:
— Сынок!..

ЗИМНИЙ ГОСТЬ

Начитался газет,
насмотрелся кино.
Захотелось туда,
где я не был давно.
На разъезде Казачьем
не встретят меня:
делом важным и нужным
занята вся родня.
Тетка встретит у дома
и ахнет —

живой!

Где ты был столько лет!
Проходи, не чужой!
Сунет в руки лопату,
разомнись, побросай —
нынче снегу навалом,
должен быть урожай.
Чай заварим под вечер —
я дров принесу —
и запахнет березой
сильней, чем в лесу.
— Все дояркой!
— А кем же.
Руки, Коля, болят...
И опустит на руки
задумчивый взгляд.
— Я не хуже других,
да моя ли вина,
что наук не постигла,
что настигла война!
И медаль мне покажет
ту, что за целину
заслужила работой —
ничего, что одну.
Бор за окнами вздыбит
черную шерсть.
— Поезд в город во сколько!
Тихо скажет мне:
— В шесть.

И на поезд проводит,
ни в чем не вина.
— Ты все пишешь!
— Стараюсь.
— Напиши про меня.
Даст в дорогу гостинец.
Нет вкусней пирога:
и мука чуть с горчинкой,
да начинка сладка.

РЕЗКОСТЬ

Помню Сибирь.
Помню за окнами
40 мороза.
Сибирякам не привыкать
к лютой погоде.
Кинемеханик
дышит на пальцы —
резкость наводит,
и оживает перед глазами
суровая проза.

Марья Степановна,
самый наш первый
школьный учитель,
к нам наклоняется
и говорит:
— Дети, учтите,
вы же в кино, а не в лесу,
шум неуместен.
Клуб небольшой.
На пол садитесь.
Рядышком. Вместе.

Лавки для взрослых,
а мы на полу.
Нам не обидно.
Мы третьеклассники,
мы не замерзнем,
было бы видно:
Ленин живой,
ЧК — начеку,
Врангеля гоним.
Шашкой с оттяжкой — по золотым,
белым погонам.
Это за наших,
сожженных живьем,
вам,
белая сволочь!
Хлебца бы Питеру,
хлебца сибирского в помощь.
Вижу сквозь дым,
голод и холод,
через разруху —
Медного Всадника —
он подает
Железному Феликсу руку.

Вижу —
прикладом бьет продотряд
по кулацким засовам.
В Генуе — вижу —
Чичерин
не лезет в карман
за наркомовским словом.
Резко я вижу
веру в людей
в ленинском взгляде.
Резко я вижу
последний патрон
в партизанском отряде.
Резко я вижу
последний сухарь
в ленинградской блокаде.
Резко я вижу
сибирских дивизий ряды
в Москве на параде.

Резкость!
Чтоб видеть
грань обелиска под небом
просторным.
Резкость,
чтоб видеть —
белое белым,
а черное черным.
Помню,
как плакали мы
по Чапаеву
всем третьим классом.
Фильм черно-белый,
но остается —
красное красным.

В БЕРЛИНЕ

Я рубли обменял на марки,
чтоб увидеть, как рыча,
ветер Запада в Трептов-парке
лижет лезвие у меча.

Я немецкие розы на плиты
положил, унимая дрожь,
где в шинелях, по-русски сшитых,
золотая легла молодежь.

Фрау Лотте в Равенсбрюке
за Рот-фронт целовал я руки.
Немка вежливая, седа
мне рассказывала про СС.
И тянул за мной до Алтая
тьнь свою равенсбрюкский лес.

А когда по мосту через Одер
поезд гулко прогрохотал,
каждый вспомнил о нашем народе,
взглядом встретился — и замолчал.

Ольга Максимовна Бондарчук родилась на Алтае. Окончила Новосибирское радиотехническое училище, работала на заводе, училась на режиссерском факультете ЗНУИ (Заочного народного университета искусств). Стихи публиковались в газетах «Советская культура», «Ленинская смена», журнале «Аврора» и коллективных сборниках «Иртышанка» (Алма-Ата), «Когда цветет багульник» (Горно-Алтайск). В альманахе печатается впервые. Живет в г. Горно-Алтайске.

Ольга БОНДАРЧУК

НОЧНАЯ ПРОГУЛКА

* * *

В мокрых листьях
Солнце заблудилось.
Молодели на глазах осины.
Шла я босиком
По влажным шишкам,
Бросив туфли, как грибы,
В корзину.
Стайками веселыми
Навстречу
Выбегали из травы маслята
И в корзину забирались
Сами —
Теплые, как солнечные пятна.

КУЗНЕЧИК

От зноя полдень весь седой,
И так далек желанный вечер.
В окно квартиры городской
Влетел коричневый кузнечик.

Сидел задумчив, темноглаз
На желтой клеточке паркета.
Наверно, знал он лучше нас,
Какое счастье — лето!..

СОЛНЫШКО

Мама в погреб спускалась
С кастрюлькой веселой,
Чтоб хрустально-янтарной
Капусты набрать
Да умытых рассолом
Тугих помидоров...
Возвращаясь на землю
По лестнице шаткой,
Так глядела на небо,

Как будто была
В заточении долгом;
И над глазами
Приложив козырьком
Небольшую ладонь,
Изумленно и ласково произносила:
— Солнышко...
А бывало, что тучами
Небо закрыто —
Солнца нет и в помине,
Но мама моя
Всякий раз,
Выбираясь из погреба, тут же
Поднимала глаза
С тихой радостью вверх
И так нежно и бережно произносила:
— Солнышко...

Нет нужды мне
Бывать в погребах,
Но когда
Все в глазах потемнеет
От боли внезапной,
Я невольно, как мама,
На небо гляжу:
Даже в пасмурный день
Мне там видится ясно
СОЛНЫШКО...

ВОПРЕКИ ВСЕМУ

Стекло забрызгано метелью:
Здесь не из теплых уголков.
В наивно-розовом цветенье
На подоконнике — цветок.

Его цветы сбивает лапой
Шкодливых кот и листья рвет,
А он, на вид как будто слабый,
Не сломлен пытками, цветет!

Его порой не поливают
И день, и два, и целых семь.
А он, ничуть не унывая,
Цветет на удивленье всем.

Ему дано смешное имя —
Он ванькой мокрым наречен.
А он не мокрый — молчаливый,
И очень терпеливый он.

ЛЮБЛЮ

Не реку лишили моста —
Меж нами молчанье мое,
Меж нами упрямство твое
И чистая плоскость листа.

Не жить на земле журавлю,
Недолог лягушки полет,
Без времени ночь не придет...
А ты говоришь мне «люблю».

ЕЩЕ И УЖЕ

Еще неглубоки морщины
И можно над ними шутить.
В косе темно-русой и длинной
Одна только белая нить.

Еще не ссутулились плечи,
Не вызрела полностью гроздь
И долгод рябиновый вечер
И утро прозрачно насквозь.

Но слезы уже поостыли
И сделался сдержанней смех...
Так сказки становятся былью
К холодной и долгой зиме.

НОЧНАЯ ПРОГУЛКА

Опрокинутая навзничь
Ночь на помощь позвала.
Чуть в снегу мы не увязли
На окраине села...

Было слишком много грусти
И любви в прогулке той,
Оттого сейчас так пусто
На дорожке снеговой.

МЕЖДУ НАМИ

Ночь пронизана насквозь
Разноцветными огнями.
Мы с тобою нынче врозь —
Шум деревьев между нами

И разбитое стекло
Теплых плачущих арыков,
По которым утекло
Два невырвавшихся крика.

Убегают фонари
Вдаль от собственного света.
Доживем мы до зари,
До зимы и вновь — до лета.

Друг до друга бы дожить!..
Только снова между нами
Птица черная кружит,
Задевая нас крылами.

МОЙ СОН

Даже птицы — и те спят покрепче меня!
Просыпаюсь от мысли чужой обо мне,
От нескромного взгляда ночного окна,
От качания тени на черной стене,
От дыхания звезд в глубине темноты,
От ромашковых слез в незнакомых садах,
От мерцанья и дрожи холодной воды
В ближних реках и самых далеких морях.
Если крепко усну я однажды — меня
Не будите! Рассвету скажите, чтоб он
Не заметил лица моего, и у сна
Вдруг не отнял его... Долгожданный
тот сон —
Знаю я — все, что жизнь забрала,
возвратит!

Не будите меня... От бессонниц моих
Задышались звезды и плачут цветы;
Чья-то боль удлинится в горестный миг,
И земля свою твердость теряет, и в ней
Устоять не под силу могучим корням!
Я однажды усну; станет небо синей,
Станут весны светлей и мудрей без меня,
И вода потеплеет в промерзшей реке;
Будет ветер высокие волны качать,
И останутся брызги на смуглой руке,
Что когда-то меня обняла невзначай!

Дибаш Каинчин родился в 1938 году в селе Яконур Горно-Алтайской автономной области. Окончил заочное отделение Литературного института им. А. М. Горького.

Автор книг «Люди одной долины», «Деревня» и других.

Лауреат премии Ленинского комсомола Алтая и ежегодной премии журнала «Дружба народов» за 1971 год.

Член Союза писателей СССР.

Живет в Горном Алтае.

ДИБАШ КАИНЧИН

ДВА РАССКАЗА

Йестей

По главной улице села проносятся машины, грохочут тракторы; был приказ инженера: все то колхозное, что имеет колеса, поставить в гараж — завтра праздник. Вверх и вниз по улице снуют бесчисленные личные мотоциклы. Это уже приказ парторга: состоится парад мотоциклистов и надо опробовать моторы — завтра праздник. Среди взрослых вьется на велосипедах ребятыня. Мы, мол, тоже на колесах, да и нет в селе ни одного мальчишки, который бы не имел велосипеда.

Над дымоходами валит дым. Хозяевам каждой юрты хочется приготовить самую вкусную пищу, как же — завтра праздник. Большинство хозяек побелили в избах. На пряслах — разноцветные ковры, половики, одежда; во дворах — сверкающая темной полировкой мебель.

Магазин открыт, он будет торговать до полуночи. По случаю праздника привезли даже колбасу.

Самое же людное место в селе — стадион. Мальчишки гоняют мяч. Находящиеся же футболисты тренировались днем и сейчас отдыхают. Завтра им предстоит сражение со сборной соседнего села. И возле волейбольной площадки народу полно, и бегуны готовятся к состязаниям, носятся по кругу, обведенному плугом. Рядом — двухэтажное здание Дома культуры. Там не то что стекла, стены дрожат: идет репетиция.

Нет сейчас безлюдного места на селе, будто население увеличилось втрое. Даже за речкой в лесу, у Каменного Носа, тоже людно. Именно там будет проходить праздник, и, значит, надо вырыть рвы и установить казаны-котлы, разбить площадки для игр, отмерить дистанции для бегунов, установить столб для лазания, прибить лозунги, флажки. Одним словом, все село суматошится, как чабан, потерявший крыло отары. И немудрено: завтра — праздник.

В этот вечер через поскотину в верхнем крае села проехал всадник на соловом мерине. Конь был весь в темных подпалинах пота. Видно, человек ехал издалека или слишком спешил и гнал лошадь. Если судить по верховой сбруе, всадник это опытный, путь которого зачастую проходит по горам. Узда, недоуздок, чумбур сплетены из ремешков большим мастером. Кавалерийское седло укреплено тремя подпругами, тоже сплетенными из ремешков, да еще спереди — нагрудником, сзади — паховою. В чужом селе человек, украсивший своего коня такой богатой сбруей, не будет спокойным. Не оставит коня без догляда — как бы не сняли узду или недоуздок.

Всадник в годах, худощав, но крепок, одет в пропыленный синий плащ и галифе. В старинных серебряных стремянах — новые яловые сапоги. В руке — камча, тоже плетеная, на тороке — мешок, в нем угадываются валенки.

Человек подъехал к пятистенной избе. Не слезая с седла, вытянул руку с камчою в сторону двери и крикнул надтреснутым голосом:

— Эй, юрчи, выходи на волю!

— Йестей, йестей приехал! — тут же раздались в доме детские голоса, и из дверей выскочили, чуть не давя друг дружку, девочка и два мальчика. И вслед за ними в дверном проеме показалась фигура огромного мужчины, который, видать, только что соскочил с постели. Позевывал у дверей, в майке, босой. Из-под майки бугрились мышцы, руки очень сильные. Голова чисто выбрита. В старину из Монголии померяться силами приезжали знаменитые борцы. Против них, наверное, выставляли вот таких.

Огромный мужчина вышел на улицу, как медведь из берлоги, и, осмотрев подъехавшего всадника, вдруг вскинул вверх руки и громко захохотал:

— Ха-ха-ха! Как праздник — вы вечно тут. То ли не кормят вас дома досыта? Знаю я эту вашу систему. Вот дождетесь, поставлю на перевале капкан.

— Тогда уеду, парень! — закричал в ответ всадник. — Сейчас же и уеду. И твоя старшая сестра мне не нужна. Завтра же верну ее тебе назад. Корми как хочешь!

— Ну и уезжайте! Чем же вас прогнать-то? — И хозяин берет за железный шкворень, прислоненный к стене дома. Но тотчас отбросил шутки и шагнул к всаднику, начал бережно снимать его с седла.

— Постой, постой, юрчи, сломаешь меня!

— Не сломаю. Хорошо ли доехали, йестей? Ждали мы вас...

Теперь они пусть поспрашивают друг друга: не болеют ли дети, здоров ли скот, как идет работа, каковы виды на урожай и охоту, как живут родственники, знакомые.

Что за человек хозяин? Раз он называет приезжего йестей, что значит — муж старшей сестры, то сам он юрчи — младший брат жены приезжего. Еще хозяин — один из лучших шоферов колхоза. Работает на бензовозе. Двенадцатый год возит бензин и солярку из Куякты. Ложится спать он рано, зато утром раньше него встает лишь девятиностолетняя Олебала, давно потерявшая сон. Утром, когда в избах лишь растопляют печи, он уже мчится далеко за перевалом. Ведь его обязанность — обеспечить горючим все то колхозное, что имеет колеса на резиновом ходу. Знает машину хорошо и водит быстро. Начал шоферить еще на ЗИС-5 и чего только ни перевидел, ни испытал за это время. Шоферы здешние называют его Батей. Знают старого водителя по всему Чуйскому тракту.

Хозяин с гостем заходят в юрту.

— Садитесь, мой йестей, на тор, — хозяин стелет белую кошму, что означает высшее уважение гостю. Одевшись в белую рубашку и хромовые сапоги, вытаскивает из горячего казана на очаге куски вареного мяса, кладет их в большую чашу, берет из буфета бутылку водки.

— Нет, парень, ты мне этого не наливай.

— Может, коньяку?

— Нет, говорю, нет.

— А шампанского?

— Не хочу.

— Тогда, может, пива? Из города привез. Свежее.

— Ну разве что пива... — нехотя соглашается гость.

— Какой-то вы сегодня несговорчивый, мой йестей, — удивляется хозяин, откупоривая бутылку жигулевского пива. — Может, соби-

раетесь перейти на другую систему? Ни водки не желаете, ни коньяку. Так, глядишь, разбогатеете.

— Да, да, юрчи, разбогатеть хочу. Я ведь Гнедка опять привел на ваш праздник. Хочу обскакать всех ваших коней и получить главный приз. Так что завтра ваши кони будут подбирать помет моего Гнедка.

Хозяин усмехнулся.

— Не знаю, йестей, не знаю... Вы смотрели наших скакунов? Два новых объявились. Бригадирский Воронко да Савраска скотника Чычья. Сильные скакуны. Как бы вам не осрамиться, посмешищем не стать.

— Ничего... Возьмем премию вашего колхоза. Ограбим вас... — смеется йестей и из нагрудного кармана вельветовой куртки вытаскивает сверток. — Здесь ровно сто рублей. Завтра я их ставлю на кон, и эти деньги обернутся двумя, а то и тремя сотнями. Вот так-то, юрчи.

— С пустыми карманами уедете, йестей. Мне даже жалко вас. Не знал я, что вы такой хвостун.

Тут отворилась дверь, вошла женщина с полным ведром молока, за нею уже знакомые девочка и два мальчика. Обуты они были в новые валенки ручной работы.

Йестей обернулся к ним.

— Ну как, дети мои, валенки по ногам?

— По ногам, по ногам, — ответила женщина. — Вот только у этого немного жмут. Но ничего, разносятся.

— Конечно, разносятся. — Йестей берет из чаши кусок мяса, режет ножом. — Хорошо, что у вас есть старый йестей. А тебе, хозяйка дома, и тебе, хозяин, валенки будут готовы к осени. А завтра... Эх, о завтра даже и говорить не хочу. Особенно о тех конфетах, дети мои, которые вам куплю. Целый мешок принесу. Вот уж наедитесь! А ты, юрчи, не ходи завтра на праздник со своими деньгами. Их будет много у старого йестея. Угощу до отвала. А тебе, сестра, что купить, чем тебя порадовать? Шаль куплю... А вы, мои дети, завтра и не отходите от своего йестея. От масла да капнет, а от того, у кого есть, что-нибудь да достанется.

Хозяин нахмурился.

— Ой, йестей, осрамитесь завтра.

— Не осрамлюсь. А тебе, юрчи, видно, не хочется, чтобы скачки выиграл твой йестей? Разве то, что имеет твой йестей, не твое? Разве он не родня?

— Родня. Но у меня есть и свое имя, и свое село, и свой колхоз. Так что не за вас буду болеть, йестей. Вы уж на меня не обижайтесь. Выпейте еще пива...

— Нет, нет. Сейчас надо ехать к Гнедку. Караулить его надо, а то я вашим молодцам не очень-то верю. И седоку надо дать выспаться. Завтра скакать. Остановились мы в зимовье Чодыра. Там спокойнее и воздух чище. Ну, еду. До завтра. Самое главное будет завтра...

Йестей сидит возле шестикрылой юрты в зимовье Чодыра. Гнедко спокойно стоит у коновязи. Мальчик-седок спит на йестеевском потнике в юрте.

В зимовье пусто. Чодыр давно перекочевал на летнее пастбище. Красная, в темных пятнах луна садится за щетинистую гору. В долину льется густая, словно шерсть черной овцы, темнота. В небе проклевываются звезды. Кругом тихо, только в юрте трещит очаг. Пахнет дымом, овечьим духом, настоявшимся тут за зиму. Дремлют вершины гор.

— Хорошо дома, на Алтае, хорошо... — шепчет йестей. И хотя прошло более четверти века, как воротился он домой, а все не нарадуется этому.

Живет йестей в селе за перевалом, пасет бычков — торбоков и нетелей. Дети давно выросли. Есть своя изба, есть скот. Что еще человеку надо? А людей всегда полно вокруг йестеевского очага. Для этого йестей держит десяток овец. Овцы эти в год приносят по десять-пятнадцать ягнят. Но йестей, можно сказать, не видит мяса тех овец. Всегда-то у него гости. То внуки, то правнуки, племянники. То шурина заехал, то сват, то свояк, и так бесконечно. А раз гости — надо барана резать. Да еще живьем отдать одного, иначе — некрасиво, могут обидеться. А то вдруг — свадьба. Кто-то из родичей женится, значит надо ехать возглавлять свадьбу, и не с пустыми руками ехать, а везти барана. И не только мяса своих овец не видит йестей, но и шерсти у него не остается. Кто-нибудь из большой родни да попросит скатать ему валенки. Но в этом ничего плохого йестей не видит. Как говорят алтайцы: человек человеком богат. Человек — тогда человек, когда у него много родни и друзей, когда люди его уважают. А в той деревне, куда приехал йестей на скачки, больше половины жителей ему — свои.

— По каким делам приехали, йестей?

— Да вот сын племянника обокрал у вас род кобяков. Обязан быть сватом.

— А на этот раз что у вас за дела? — спрашивают в следующий приезд.

— Попросили возглавить гостей в низовье Катуня.

— Ну а теперь зачем? — спрашивают через неделю.

— Кто же, как не я, должен доставить белкенчек сына моего шурина, — отвечает йестей.

Белкенчек — задняя половина туши барана, которую должны преподнести родители жениха родителям невесты. Вот ее и везет йестей, безотказный человек.

— Это по какой системе поездки? — смеется юрчи. — Видимо, колхоз вам командировочные оплачивает?

— А как же! — ответно улыбается йестей. — Ведь я прибавляю членов колхоза. На общем собрании решили: за то, что сватом, — полтора трудодня, за тойбаши, то есть когда исполняю обязанности главы свадьбы, — полный трудодень, за доставку белкенчек — полтрудодня, а за остальное — ничего.

А видели бы, как йестей ездит в город. Перед этим он отделяет от всех денег, взятых с собой, рублей восемьдесят, завяжет их в тряпочку и сует за голенище сапога. Эти деньги он готовит на угощение сыновей, дочерей, племянников и всей родни, что учатся в городе. Их у него там тридцать три человека. В прошлый раз пришел йестей в национальную школу, вызвал двух племянников-пятиклассников. Объяснил им, чтобы вся родня собралась где-нибудь, хотя бы у ворот стадиона.

По вызову йестей явилось всего двадцать человек. Остальные слишком взрослыми себя стали считать, им, видите ли, стыдно идти к старому дядюшке. Но йестей был рад и тем, что пришли. Всем он им купил билеты на стадион и сам впервые посмотрел настоящих футболистов. Покормил в столовой и сводил в кино на дневной сеанс. А на прощанье каждому дал по два рубля. Не забыл и тех, которые не пришли. Попросил деньги передать и «тем чертям».

Сын свояка йестей умел, оказывается, фотографировать. Сейчас его снимки висят в йестеевской избе на почетном месте, помещены в рамку. Какой это был хороший день! Разве он забудется? Скоро молодые родичи выучатся, станут работать, обзаведутся семьями. Значит, йестеевская родня еще глубже пустит корни, гуще разветвится. А йестей? Кому же еще заботиться и бегать, как не ему? Опять сватовства, опять свадьбы, опять белкенчеки, опять гости. И — до бесконечности. Такова, видимо, жизнь — бесконечна, безостановочна.

А разве мечтал Йестей увидеть все это? Где уж там. Выжить бы. Сорок первый год... Западная Украина. Тогда Йестей еще и Йестеем не был. Был пулеметчик тачанки ефрейтор Кынаш Кыргызулов, молодой и сильный, отличник боевой и политической подготовки. Только что прошла инспекторская проверка. Задание — поразить с несущейся тачанки все мишени, расставленные на пути. На холме — комбриг, другие командиры.

Четыре коня-аргамака понеслись вперед. Но вдруг — «курс-марс!» — подбросило тачанку на ухабе, и парень, правивший лошадыми, слетел с сиденья. Не растерялся Кыргызулов: одной рукой схватился за вожжи, другой за ручку пулемета и сумел-таки изрешетить все мишени. После этого сам комбриг вызвал его к себе, отпуск на родину обещал, даже заметка появилась в бригадной газете: «Берите пример с ефрейтора Кынаша Кыргызулова!»

Не успел он съездить на родину, повидать свой Алтай. Как горный обвал, началась война. Кыргызулова ранило в плечо и придавило землей. Очнулся — кругом враги. Плен. А того, что было дальше, лучше и не вспоминать. Концлагерь. Смерть со всех сторон. И побег были, и травля собаками, и избиения до полусмерти. Вот так четыре года! Думалось, не выжить. Но он выжил. В конце апреля сорок пятого года, исхудавший, кожа да кости, он лежал возле барака. Спасибо другу-казаху, тот выносил Кыныша на улицу и клал на солнце. И вдруг — грохот моторов, разрывы снарядов. Наши танки! Сколько тысяч узников зашевелилось, закричало на разных языках! А Кыныш лежал на земле, у него не было сил кричать. Из его глаз текли слезы.

Советский офицер, высокий и чернявый, башкир или татарин, прознес с башни танка короткую речь, поздравил их со свободой, и танки умчались дальше — громить фашистов. И в тот же день каждый получил картонную коробку с красным крестом, а в коробке и хлеб, и консервы, и яблоки, и сыр.

Потом началось просеивание в комиссиях. Дырочки решета все меньше и меньше. И отпустили Кыргызулова. Непривычно ему стало: ни конвоя, ни злых команд. Стояли бывшие узники, как овечки без чабана, никуда без команды не могут, отвыкли от свободы. После этого — трудармия. Шахта в Донбассе. Вернулся домой Йестей летом сорок седьмого года. Дома — голод и бедность, но то время казалось ему сплошным праздником. Он работал до изнеможения. Ведь он дома, он вернулся на родной Алтай, который столько лет снился ему!

Йестей живет рядом с братом. Брат на десять лет старше его, но людям кажется, что старше Йестей. А брат его тоже не сидел дома. Начал воевать с финнами и кончил в Берлине. Весь изранен, контужен, вся грудь в орденах и медалях, и уж отчабал двадцать пять лет.

Голова Йестея — белая как снег. А по глазам его видно, какое он знал горе.

Йестей сидит и сидит... Месяц давно закатился, темнота заполнила долину. Звезды стали еще ярче. Йестей сидит и думает, думает, вспоминает.

Летняя ночь коротка, будто хвостик у воробышка, — скоро рассвет.

Начался праздник. За речкою в лесу, у Каменного Носа, собралось все село. Солнце сегодня нарядное, ясное, под стать праздничному настроению.

Йестей как увидел скакунов, готовых к байге, так и сердце у него заколотилось, и в голове зашумело. Да и что может быть прекраснее коней, особенно перед скачками, когда они в нетерпении рвут поводья, пляшут, горячатся, играют всеми мускулами!

У каждой лошади и челка и хвост крепко стянуты в пучок шелковыми лентами. На спинах красуются ябынчи — накидки с вышиты-

ми цветами и орнаментом. Но самым красивым среди всех кажется йестеевский Гнедко. Он уже почуял, что предстоит бежать, и гремит удилами, глаза его горят. И подготовлен к скачкам, кажется, лучше, чем остальные.

Седоки — мальчишки в разноцветных рубашках. Лица у них серьезные, а у каждого на душе — сплошное ликование. Столько народу на них глядит, и каждый жаждет удачи и славы. Они садятся на своих рысаков и уезжают на старт, который отсюда в пяти километрах. Там они будут ждать начала скачки.

А пока председатель колхоза, стоя в кузове машины — трибуны, украшенной лозунгами и транспарантами, заканчивает свою краткую речь и вместе с парторгом начинает вручать премии передовикам.

Йестея так и окружили знакомые плотным кольцом. А девочка и два сына юрчи словно прилипли к нему. Со всех сторон так и сыплются вопросы:

— Здоровы ли, йестей? Хорошо ли поживаете?

— Что нового в ваших местах?

— Как работается, йестей?

— Здоровы ли ваши дети, родственники, соседи?

Все лица повернуты к йестею. Лишенные же возможности приблизиться к нему кричат издали, приветственно поднимают руки. Йестею чуточку неловко от такого внимания, но что поделаешь, гость должен вытерпеть и это. И если бы йестей отвечал каждому, язык бы натер. И ему оставалось только одно: непрерывно кивать головой, как лошадь в жару, и повторять одно и то же: «Хорошо, хорошо».

— Эй, Йышкыш! — председатель пытается перекричать шум и гам. — Получайте свою премию!

К йестею подошел парень, одетый в дорогой синий костюм. На ногах — модные желтые туфли.

— Надеетесь выиграть, йестей?

— Если бы не надеялся, не приехал бы.

— Не лучше ли вместо слов — деньги на кон? Я ставлю на Савраску Чычыя.

— Сколько, парень?

— Двадцать пять рублей.

— Хорошо.

— О-о, кого я вижу! Ждал я тебя, ждал! — К йестею подходит, звеня орденами и медалями, сам Чычый. Мужчина здоровый, с заду-белым от ветров и морозов лицом. Под мышкой у него большой бумажный сверток — видимо, уже получил премию. — Ну, что нового? — улыбается Чычый. — Крутим бычкам хвосты?

— Крутим. А как ты?

— Помаленьку, йестей, — хитро заулыбался Чычый. — Савраску моего видел? Сердечко небось екнуло?

— Чего язык зря чesать? Ставлю за Гнедка тридцать.

И вот всего за полчаса расходятся йестеевские сто рублей на ставки. Но он не расстроился, а с легкой душой идет смотреть праздник. Как хорошо вокруг! Куда ни глянь — флаги, лозунги, флажки. В ряд выстроились больше двадцати автолавок, идет бойкая торговля, но йестей сторонится: потом. Нет, что ни говори, а хорошо на празднике. Только посмотреть — и то бы стоило приехать. Вот исходят паром десять казанов-котлов, в которых варится мясо. Между казанами бегают один из племянников йестея. В руке у него большая деревянная поварешка, и он отгоняет ею от котлов сбежавшихся сюда со всей округи деревенских собак.

— Эй, йестей! — кричит он, потирая от дыма и бессонной ночи глаза, покрасневшие, как у кролика, — поешьте мяса!

— Нет, нет, потом, — отмахивается йестей. — Идемте со мной, дети мои. Вот придет наш Гнедко... Сумку конфетами набьем. Тебе —

заводную машину, тебе — трактор, а тебе — куклу куплю. Чтоб у нее глаза открывались-закрывались. И чтоб пицать умела.

Йестей выходит со своей свитой на поляну. Народу здесь — что деревьев в лесу. Юноши в трусах и майках играют в футбол. В стороне от футболистов парни окружили высокий столб, на вершине которого что-то привязано в целлофановом мешке. Налево — самые здоровенные мужчины, разделившись на две команды, тянут друг у друга канат. Среди них и юрчи. А вот два парня, стоя на бревне, колотят друг друга мешками с сеном. А дальше — борьба. Народу там особенно много. Азартно и непрерывно кричат смуглые синещекие парни в больших кепках — болеют за кого-то.

«Да это же грузины-строители», — догадывается йестей.

В середине круга стоит огромный грузин без рубашки, в солдатских галифе. Выглядит он молодо, но совсем седой. Из мускулов весь свит. Любого противника испугает густой бурой шерстью на спине и груди.

— Трoих уже положил на лопатки, — кто-то шепчет йестею. — Говорят, мастер спорта по борьбе, чемпион.

— А где же ваш знаменитый Колко?

— Тьфу на Колко. До рассвета песни тянул. Поди, проспать до сих пор не может.

Подъехал парень Кырлу. На тороке — сума, набитая хлебом. Родственник йестея, тоже чабан.

— Эй, Кырлу! — закричали все вокруг. — Хочешь побороться?

Но Кырлу лишь взглянул на поигрывающего мускулами грузина и заскучал.

— Нет, нет, шибко тороплюсь в отару. За хлебом приехал. Как бы мои овечки не смешались с другими отарами. Спешу.

— Поборись, Кырлу. Или тебе честь села не дорога?

— Ну, если уж честь села — ладно, — Кырлу слезает с седла, снимает рубашку, майку.

Начинается борьба. И тотчас же слышатся возгласы:

— Упал Кырлу! Ловко его грузин! Настоящий чемпион!

Из толпы выбирается грязный, потный и пристыженный Кырлу. Отряхнувшись, одевается и вскакивает в седло.

— Как бы отара моя... — бубнит он ни на кого не глядя и, опустив голову, мчитя прочь.

Йестей идет дальше. Хорошо, что праздник удался. И как людям не веселиться и не отдыхать душой? Зря, что ли, народ работал весь длинный и тяжелый год? Умножились в колхозе коровы, овцы, лошади, а сколько зерна намолотили, сколько сена скоту поставили! Зиму ядовитую, горькую прошли, весну голодную, бескормную вынесли. К детям дети прибавились, к родственникам — родственники, к к друзьям — друзья, к семьям — семьи, к домам — дома, к кошарам — кошары, к песням — песни, к шуткам — шутки. Еще богаче стал народ за год, еще ближе людям стали люди. Как тут не веселиться и не праздновать? Как не улыбаться родным местам?

И вдруг всколыхнулся весь народ, а сердце у йестея бешено заколотилось. Начиналось самое главное, то, ради чего он привел сюда Гнедка.

— Едут! Едут! — закричали все вокруг.

Йестей смотрит в сторону Каменного Носа. Оттуда несутся три головных скакуна, и пока еще не разобрать, кто именно впереди. Фигурки коней и всадников на них совсем крошечные, размером с мух.

— Савраска! Савраска впереди! — слышит вдруг йестей, и у него сжимается сердце. И он бежит вместе со всеми к финишу, падая и поднимаясь.

И вот уже видны лошади отчетливо. Впереди и правда — Савраска Чычья. За ним жеребец Чалый, бригадирский Воронко...

«А где же мой Гнедко? Ах, вон он... в конце... Но красиво все же идут лошади! Что может быть красивее скакового коня? Ничего не может быть».

Люди бегут, режут, орут — оглохнуть можно. Вот Савраска у финиша рвет грудью белую ленту. За ним, голова к голове, Чалый и Воронко. А Гнедко? Позор... позор...

Йестей закрывает лицо ладонями.

«Деньги все проиграл. А как хвастался! Быть бы мышкой — юркнул бы в норку. От стыда».

А между деревьев звенит величальная песня в честь Савраски и его юного наездника. По кругу ходит пшала.

— Эй, люди, не видели моего муженька? — носится молодая в шелковой юбке. — Костюм на нем синий, за двести рублей. Он его весь испачкает, а то бросит, и его изжуют телята. Ой, не догадалась привязать муженьку на шею колокольчик, когда отпускала его на праздник. Как бодучую корову далеко бы слышно было!

К йестею подошел раскрасневшийся юрчи.

— Продулись в пух? Как вам наши скакуны? Узнали, какой они системы, дорогой йестей?

Йестею ничего не остается, как глупо улыбаться.

— А приедете домой, еще получите поварешкой от моей старшей сестры. Чтоб не хвастались и деньги не проигрывали. Смотрите, какую я премию получил! — и показывает часы на руках. — Золотые. Вот как надо работать.

А йестей все никак не может прийти в себя.

«Что же случилось с Гнедком? Может, сплоховал мальчишка-наездник или здешние скакуны стали сильнее?»

— О-о, здравствуйте, старик! — подошел к йестею председатель здешнего колхоза. И протянул руку. — Не расстраивайтесь. Борьба — на то и борьба, чтобы победил сильнейший. А вам спасибо, что приехали. Какой праздник без гостей? Мы вам тоже премию выделили. Утешительную. Получите уж, пожалуйста. И не сердчайте на нас.

На другой день, после обеда, выезжал йестей домой. Чтобы проводить его, к юрчи пришли десятки родственников, и все говорили ему хорошие слова, утешали как могли.

Поехал йестей. На тороке у него мешок, в котором привез детям валенки. В мешке теперь — конфеты и печенье для ребятишек, четыре булки белого хлеба...

А праздник продолжался. Воздух гудел, стонал от песен. Во всю ширину улицы, будто журавлиная стая, растянулась толпа людей.

Отъехав немного, йестей погрозил камчой селу.

— Посмотрим, кто в будущем году победит! А пока вы посрамили старого йестея. Но ничего... Зла на вас нет. Пусть у вас еще больше будет детей. Пусть множится ваш скот. А скакуны ваши пусть еще крылатее станут. До свидания. Хорошего вам побольше, плохого — поменьше. Множьтесь, богатейте! — махнул рукой йестей. Повернул лошадь в сторону своего села и опустил поводья.

Копыта меринка дробно застучали по ровной дороге.

«Хороша жизнь, — в который уж раз подумалось йестею. — Хорошо жить на родине. Это самое большое счастье».

Жениться бы...

«Еще день долой... — вздохнул Сулук и устало навалился грудью на прясло. — Сегодня, кажись, исполнилось тридцать лет от роду... Язвы его, тем же концом, по тому же месту...» — подумалось не весело.

Дата, как говорят, круглая, но отметить его тридцатилетие родителям даже в голову не придет. Сроду не отмечали никаких дней рождений. Значит, так и положено: не было, нет и не надо. Особенно сейчас, в самый разгар окота.

Овец Сулук только что пригнал с пастьбы. Они быстро улеглись и тотчас принялись за свою извечную работу — зажевали: кырт-кырт-кырт. Тихо, мирно, спокойно... Конечно, устали они. А вот насытились ли? Едва ли. Зелень едва проклюнулась, запахла дразняще, да в ней пока что больше запаха, чем проку. Сколько сил потеряли, носясь по склонам. Овечкам кажется, что зелень вдали выше и гуще, вот и рыскают они, бедные, собачьим бегом туда-сюда, теряя и без того растраченные за зиму силишки. А доберутся до скал, то вовсе их не удержишь. Там набухли, налились весенним соком лишайники, накопили на камнях, дьилан-дьястыки — змеиные подушки. Так и несется вверх овца, а там, смотришь, скрутили ее предродовые схватки. Возись с нею, чтобы спустить ее пониже, к подошве горы, а после вези ее на телеге в кошару, иначе ягненок простуду или какую другую хворь схватит. Да если б с одной возиться, а то они по пять-шесть штук враз принимают рожать, успевай за ними...

И по лицу, и по всему виду Сулука заметно, как он устал и проголодался. Весной человек ослабевает и устаёт быстрее. От дневной суматохи даже его лошадь Гнедко и то к вечеру начинает запинаться, а что о человеке говорить...

Мать с отцом разговаривают в длинном, приземистом тепляке. Из раскрытых дверей доносятся их слова.

— Во-он та, белая, большеглазая, — слышится голос матери, — слишком уж неугомонная. Как бы она не затоптала своего детеныша. Их надо переселить в просторную клетку.

— Надо, мать, надо, — соглашается отец.

— А эта черноухая не прокормит своих двойняшек. Одного ягнечка надо у нее взять и отдать во-он той, под номером двадцать пять, которая родила недоноска.

— Верно говоришь, мать, верно, — опять соглашается отец.

— Ты лечил того вон кучерявого? Не позабыл?

— Лечил, мать, лечил. Как я забуду...

Слушает их Сулук, и тепло становится в груди. Мать и отец... С серого рассвета и до черной ночи можно видеть их в этом тепляке-кошаре или на воле, в бесчисленных загонах. Так и ходят потихоньку вдвоем. Иногда мать вдруг ойкнет, вскрикнет: «Спина!» И долго стоит с закрытыми глазами.

После придет в себя, откроет глаза, покачает головой и опять принимается за работу.

Дружны они и неразлучны, Отец и Мать, Муж и Жена, Мужчина и Женщина, Добытчик и Хранительница Огня. Мать без согласия отца ни шагу не сделает, ничего не переложит с места на место. А отец на любые ее слова только покорно кивает головой: «Согласен, мать, согласен». Или: «Права ты, мать, права». И все повторяет привычные свои поговорки: «Мать в семье — хозяйка, отец — гость». «Без матери — нельзя, без отца — можно». Да и как им иначе? Начнешь ссориться, перечить друг другу — у разбитого корыта останешься.

— Ну житуха, чтоб ее... — вздыхает Сулук. — Вчерашний день похож на сегодняшний. И завтрашний будет такой же. Тянутся они

один за другим все похожие, как спички в коробке. Думать об этом и то тоскливо.

А ведь так оно, видно, и есть: однообразные текут дни. Утром он выгонит отару на пастбище и целый день будет гоняться за нею. А друг его, сакманщик Диман, станет возить на телеге сюда, в кошару, уже отъегнившихся или только собирающихся ягниться овец. Вечером Диман с другими сакманщиками уедет домой в деревню, а Сулук останется и вместе с отцом раза три за ночь будет выходить к овцам. Поглядеть, что и как там у них.

Управятся с окотом — наступит лето. Овец остригут, ягнята вырастут, начнут всей оравой бегать наперегонки. Перекочуют отары высоко в горы, под ледники, на яйлю. Лето пройдет как лето. С дождями, от которых можно заживо сгнить, с жарой, от которой раскаляется, растрескивается голова. А еще медведи, волки...

Осенью спустятся на зимовье. Зима пройдет как зима. После — снова весна, снова окот овец. Вот каков извечный круг, из которого нет выхода. Месяцы похожи на месяцы, годы на годы. И протянется вот такая тягучая, нудная жизнь, хоть завой от ее безысходной одинаковости и скукоты.

Вот на перевале рядом глухарь токует. Сходить бы туда с ружьишком — все было бы развлечение. Да некогда, не до охоты, работы полно. Ежедневно перед глазами все та же узкая долина с черной дорогой посередине, те же горы, та же кошара, этот же холм из навоза, эти же жердяные прясла, та же старая пятистенная изба, рядом летняя юрта, крытая толью. Перед ними — коновязь, большая цистерна с водой для овец, рядом корыта, выдолбленные из лиственницы. На столе тот же чай, заправленный сметаной, те же лепешки, прожаренные в масле. День и ночь слышишь только одно овечьё: маа-маа-маа... Даже запахи одни и те же: кислый запах животных, навоза, дыма из избы — запах стоянки.

В поле копошатся суслики, непрерывно тренькают жаворонки, быстро передвигая по земле четкую тень, в небе парит коршун. Перекликаются кукушки. Все вокруг виденное-перевиденное, слышанное-переслышанное, надоевшее.

«А сакманы уехали домой... — Взгляд Сулука привычно скользнул по дороге, отчетливо чернеющей среди серого поля. — А Чейнеш сейчас, наверное, сидит дома, смотрит телевизор. Говорят, идет какой-то многосерийный фильм. Ой, нет. Зачем ей телевизор смотреть? Ведь сегодня — суббота. Весною в деревню понаехало много практикантов. Из зооветтехникума — сакманы, из СПТУ — курсанты на посевную. Полно парней. Даже с Кавказа и Закарпатья парни есть — строители. А Чейнеш — девушка красивая, стройная, как молодая елочка, красная, как багульник, и ступает легко, словно козочка. Хохотушка и шалунья, яркая. Недаром назвали ее Чейнеш — цветок пиона. А как музыку услышит — ум теряет. Только бы и танцевала...»

Из тепляка вышли отец с матерью. У отца — пустое ведро из-под молока, мать в одной руке держит соску из рога коровы, в другой руке у нее банка с краской, из которой торчат проволочные тамги для мечения овец.

— Надо отдышаться, — остановилась мать и присела на краешек кормушки-корыта. Душно в тепляке. Зайдешь первый раз, так с непривычки дух перехватит и в глаза шибанет горьким, резким, глаза и те заслезятся сами собой. — Тех, позавчерашних, покормим после, — продолжала мать. — Ноги меня уже не держат. Когда-нибудь упаду и не поднимусь. — Вдохнула и поплелась к избе. Стала вытирать метлой резиновые сапоги. Отряхнула кофту и юбку, которые были у нее в клочьях овечьей шерсти, в сенной трухе. — Ладом вытирайте ноги! — вдруг сердито крикнула она. — Некому за вас полы намывать. —

Остановила свой взгляд на сыне. — Чего к пряслу прилип? Давно ведь загнал отару! Затопил бы печь, поставил бы чай.

Сулук набрал из поленицы дров, вошел в избу.

— И даже воды в доме нет! — сердилась мать, гремя пустым рукомойником. — Некому, кроме меня, воды принести! Да это что же за люди-то за такие вокруг меня? Руки вонючие, глядеть тошно, провались она — такая работа! Хотя бы уж сена да комбикормов в достатке давали. Сакманов опять же не хватает. И тепляк совсем тесный стал. Куда я завтрашних ягнят дену? В избу их, что ли, тащить?

Ну, началось... Лучше ей не перечить, а то распалится и не скоро остановится.

Отец виновато повесил голову, молчит.

Сулук торопливо принес воды из фляги, налил в рукомойник и полез на нары, даже плащ брезентовый не снял. Зажал уши ладонями. Сколько можно все об одном и том же: овечки, корма, ягнята... Ничто другое его родителей не интересует. И почему-то ему сегодня ничего неохота делать. Даже почитать нет желания.

— Эй, Сулук, никогда не ложись спать на закате! — крикнула мать, вытирая чашки. — Голова заболит. Разве не знаешь? Да и рано еще укладываться.

Сулук не шевельнулся, лежал, глядя в потолок невидящими глазами. Одно и то же... Изо дня в день...

Мать внимательно на него посмотрела.

— Что это я сегодня злая такая? — вздохнула она. — Ладно, отдохни, вам же с отцом всю ночь у овец дежурить. Э-э, дитя мое... — Она подошла к сыну, стянула с него сапоги, укрыла его шубой. — Сыночек мой, уулым. Ягненок мой... — Обернулась к отцу. — Завтра зарежь того валуха для нашего сыночка. Пусть свежих почек поест.

— Надо, мать, надо, — отозвался отец.

Мать с отцом попили чаю, взяли ведра, пошли доить. Подоят, стапнут поить ягнят и вернуться поздно. Сулук и сам бы подоил тех коров, ничего бы с ним не случилось, но сегодня все у него валилось из рук.

И он знал, отчего это. Сердцем чувствовал: Чейнеш виновата, никто больше. И зачем она пришла сакманить именно в его отару? Мало в колхозе других отар.

Чейнеш — девушка уже взрослая, двадцать два года. В институт поступить не смогла. Всю Среднюю Азию объехала, на фабриках работала. Не прижилась в чужих краях, вернулась домой. Замуж ей пора. Может, взять да предложить? Дескать, выходи за меня. А если откажет? Жаль, если откажет. Хорошая девушка, работающая и сильная. А то некоторые парни берут себе в жены замухрышек да и маются с ними всю жизнь. Брать надо непременно крупную, как Чейнеш, чтоб наравне с мужем ломила и рожала крупных ребятшек.

«Хорошо бы Чейнеш взять, да кто я для нее? Простой помощник чабана. Перед Чейнеш парни вьются помоложе, посимпатичнее и культурнее. Мне вон побриться даже некогда, да и зачем? Овечкам и так сойду. А одет во что? Сплошной брезент да кирза. Ой, что это я на себя? Не отсевок еще. И рост есть, и сила в плечах. Вот надену свой светлый костюм за двести рублей да пройду по селу. Вот только когда время выберу? Разве после окота?»

Однажды он уже «прошелся». Спустился в село и зашел к другу Диману. Как к нему не зайти? С первого по десятый класс за одной партией сидели, в одном танковом батальоне служили. Обрадовался Диман, бутылку выставил. Потом Сулук сам в магазин сбегал. А вечером пошел в клуб. Один. Диману идти туда не с руки: все-таки семейный человек, трое ребятшек. Пришел Сулук, а в клубе молодежи полно, танцуют, веселятся. Обидно стало Сулuku: он сам-то раз в год

только может в клуб выбраться, а эти, видать, не изработались. Ну и сказал им, что про них думает.

«Как вам не стыдно? Взрослый человек, натяните себе поводья», — стала урезонивать его молодежь.

Сулук и взорвался:

— Крысы деревенские! Раз в год и то нельзя в клуб зайти! А на чьи деньги он построен? Чьим потом, чьими мозолями?!

Парни его стали выводить. Да двум-трем не под силу. Но все-таки выставили за дверь. Поскакал к себе на стоянку Сулук среди ночи. Под глазом синяк, рубашка порвана. В ушах звенит визг испуганных девушек. Какая его полюбит после всего этого? Стыд да и только... А от стыда только одно лекарство — время и работа. Ломить надо и ворочать, очищаться от всего. А что горевать? Работа есть, горы есть, овечки есть, и сам он — молодой и здоровый. И начал Сулук управляться. Сделав одно, принимался за другое, за третье. Начал между делом и дрова заготовливать, ставить «кубы» для школы и для того же клуба, откуда его выдворили. Благо, деляна для дров недалеко, а бензопила «Дружба» у него совсем новая. Заготовка дров, кстати говоря, работа денежная, а деньги Сулуку очень нужны. Его родителям за многолетний труд обещали продать легковую машину, и Сулука это очень гнет. Вот покатит он на машине по улице, и пускай поглядит на него Чейнеш, какой он завидный жених. Живет Сулук пока что в родительском доме, но выстроит и свой, так что деньги надо загодя копить. А помогать младшим? Двое братишек учатся в Барнауле и Новосибирске, три сестры — пока еще школьницы. И Сулук, старший, должен их поддерживать. Одна сестра год назад вышла замуж, сидит теперь с ребенком в доме мужа. Если бы Карагыс была здесь, помогала бы матери убирать в доме и готовить еду, а то сейчас и посуду вымыть некому. Правда, нет худа без добра: теперь зять есть. Он работает трактористом на К-700, и о подвозке дров и сена можно не беспокоиться.

Об одном жалеет Сулук: в институт не поступил. Мать с отцом угоривали: учись, сынок, да разве он их слушал? Хорохорился на уроках: дескать, зачем мне, дорогая Тамара Мендешевна, ваши Онегины и Татьяны? Поставьте мне «тройку». И вам будет спокойно, и мне хорошо. Проживу и без них. Как закончу школу — сразу в чабаны. Как и мои предки. Заодно и ваших личных овечек смогу попасти. С мешком комбикормов в гости буду заезжать. И перед математиком Чындалай Чарбыкчиновичем не терялся: ни к чему мне, мол, ваши тангенсы-котангенсы. Мне лишь бы «тройку». После школы сяду на трактор. Мигнете — дров и сена подвезу.

Однако после армии он призадумался. Не только в институт, в университет захотелось. О геологии стал мечтать. Геолог — как высоко и необыкновенно звучит! За плечами — рюкзак, в руке — молоток, и ходи себе от севера до юга, от востока до запада. По горам лазь, по рекам сплавляйся. Открывай — где золото, где железо, где уголь. Да-а, учился бы в школе как следует, то и поступил бы в университет, и геологом был бы. Мать и то нет-нет да вздохнет: «Не слушал нас, сынок, не учился ладом, а то ходил бы сейчас, как зоотехник или ветеринар, в костюме и галстучке. Чистенький, сытенький и ручки в карманах».

— Ладно, — отмахнулся Сулук, — кому-то надо и овец пасти. Не всем ветеринарами быть.

Утром взошло солнце, ясное, как и вчера. Вдали знакомо поблескивали вершины, лес под ними был черен и гол. Только в молодом подлеске, что за речкою, будто кто побрызгал зеленью. Оглушительно звенели жаворонки.

Сулук гнал отару по лысой горе, по солнцепеку, радуясь утру и молодой зелени. Запах земли, взбитой тысячами копыт,пряно шибал в нос.

«Хорошо-то как, — думал Сулук. — И в прошлом году здесь так же было. И в нынешнем. И в будущем все это повторится. Разве могут надоеть горы? Разве может надоеть жизнь?»

Из-за холма показался грузовик с сакманщиками. В кузове, среди серых телогреек так отчетливо заалел красный платок Чейнеш. Она... Снова едет сюда.

Сулук вдруг резко поднялся на стременах и огрел камчю Гнедка.

Конь не понял хозяина: с чего это он так взбеленился? Заартачился было от обиды, но учуял, как ожил, встрепенулся седок. Гнедко тоже взбодрился и, поднявшись на дыбы, вдруг понесся навстречу выползающему на склон грузовику. Жизнь вкусна, как первая зелень, горяча, как бег, желанна, как коновязь, — чувствовалось в полете коня.

— Нет, нет, дни не похожи один на другой. И солнце сегодня другое, новое, и горы новые, и сам я — новый, не похожий на вчерашнего. Сколько гляжу вокруг — не могу наглядеться. И эта жизнь... сколько живу — все мало и мало...

Перевод с алтайского Е. Гущина

Наталья НИКОЛЕНКОВА

Николенкова Наталья Михайловна родилась в 1964 году в Барнауле. Учится на филологическом факультете Алтайского государственного университета.

Стихи печатались в газете «Молодежь Алтай» и альманахе «Алтай».

Живет в Барнауле.

ЧТОБЫ ВСТРЕТИТЬСЯ

ДРУЗЬЯМ

За то, что я навстречу бросаюсь
с разбега,
Не выбрав ни места, ни дня,
За то, что из серы, за то, что
из снега, —

Простите меня!

За то, что горюю в разлуке короткой,
Когда, потихоньку звеня,
Слеза добирается до подбородка, —
Простите меня!

За то, что готова душа несвятая
Июль на сентябрь поменять,
За то, что ладонь о ладони мечтает, —
Простите меня!

Но вы отстраняетесь невыносимо
От слез, от руки, от огня.
За то, что люблю вас, — хотя бы
вполсилы

Любите меня!

МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКОЛА

Папка с нотами, с лирой тисненой:
В музыкальную школу с утра.
Мне, ленивой и вечю влюбленной,
Карандаш подточила сестра.

Я иду, торопясь поскорее,
Я бегу, обегая траву.
Теплотрасса проталины греет.
Одуванчик найду и сорву.

У Бетховена — черная грива,
Он про музыку гордо сказал.

А учительница терпелива,
У нее голубые глаза.

У Бетховена — грива-корона.
Словно лестница, жизнь высока.
Мы играем совсем не синхронно,
Сознавая нелепость звонка.

Прелесть музыки в том, что гибридна,
Трехэтажная музыка тут.
Одуванчики с первого видно,
И до третьего клены растут.

Я ленива, но музыка дразнит,
Ей любого несложно увлечь.
Пианино, твой запах прекрасен,
Как на нотах латинская речь.

Этот запах по-прежнему тонок,
Но туда возвратиться нельзя,
Где шагает ленивый ребенок,
Одуванчики в папке неся.

ТРОЛЛЕЙБУС

Он — счастье, он — подкова,
Он бело-голубой.
Троллейбус заколдован:
Мы встретились с тобой.

Идет троллейбус шатко,
Сжимается рука.
И задняя площадка,
Как солнце, далека.

Сломался бы троллейбус —
Чтоб долго-долго ждать,
И выбросить билеты,
И за руку гулять.

Он слишком быстро катит!
Я вышла. Я одна.
Но ты узнал — и хватит.
И счастье. И весна.

ГРАФОЛОГИЯ

Круглый почерк —
Острей кинжала,
Несмываемые черты.
В школе я ему подражала —
Чтоб как ты.

Почерк жил — и наполнил тайны
Всех небес, дорог и морей:
Стал стремительней и печальней,
Стал отчаянней и острей.

Но узнаешь в любой записке
И найдешь среди всех Наташ
Эти петли, сведенные близко,
Это вечное «эн» — как «аш».

Ты молчишь, ты вернуть не хочешь
Ту страну, где глаза чисты.
Ты сказал: «Изменился почерк».
Значит — я! Значит — ты!

Из-под вечно любимых пальцев
Вытекает, воды милей,
Круглый почерк,
Прекрасный почерк,
Детский почерк любви моей.

БАГУЛЬНИК

В окна колотится дождь большой,
Вымокла наша прогулка.
Там, где подруга живет, весной
Мир заливает багульник.

Там, за Читой, есть река Чикой,
Хариус — рыба-хитрюга.
Там человеку и зверю легко:
Знают язык друг друга.

В воздухе — тонкое тленье листа,
Сладкий ореховый привкус.
Вечно багульнику расцветать,
Ныне и присно.

И у меня есть ветка одна
В банке из-под майонеза.
На подоконнике жить должна
И о Чикое грезить.

Нищий цветок, победивший лед.
Жизни сиреневый почерк.
На подоконнике ветка живет
И распускаться не хочет.

АСТРАХАНСКАЯ ОБЛАСТЬ. СЕЛО ГРАЧИ

Это — полупустыня, там в детстве жила,
Забывая про город.
Шли верблюды по главной дороге села,
И верблюжьей колючкой заросли
косогоры.

Там полынью отсвечивало молоко.
И гусиные перья.
Там реке глубоко и звезде глубоко,
Млечный Путь протекает глубоко,
словно время.

Страшно глазу блуждать на такой
глубине,

Не откидывай полог.
Эта темень в зрачки натекает извне.
Там калмыки глядят из бездонных
коричневых щелок.

Это полупустыня. На памяти след,
Как налет от дыханья.
Запотел виноград, и у вечера нет
Ни примет временных, ни причин,
ни названья.

Что за дети придумали поздней порой
В догоняшки играть возле глиняного
колодца!

Вот мой папа с сестрой.
Это я со своею сестрой.
Отчего так тепло!
Это бабушка нас обняла и смеется.

ПО-ГРУЗИНСКИ

Грузинки с персиковой кожей
В троллейбус прыгнули легко.
Отныне я грузинка тоже,
Я — Нанико.

Нежны их розовые уши,
Нежней цветочных лепестков,
Навек иноязычны души
Для Нанико.

Какие древние глубины
И сколько синего огня

За этим взглядом голубиным
Поверх меня!

Две южных птицы в мире зимнем,
Куда летите налегке!
Миндалеокие грузинки,
Рука в руке.

И невесомая догадка
За ними вслед влетает вдруг:
За что мужчины любят сладко
Восток и юг.

Страна зовется Сакартвело,
Она в горах и далеко.
Но по-грузински я запела,
Как Нанико.

ЧТОБЫ ВСТРЕТИТЬСЯ

Чтобы встретились два человека,
Нужно, чтобы совпали сны,
И глаза совпали, как реки,
И созвездия были равны.

Нужно сомнамбулически красться
Мимо всех, кто с другим лицом,
Мимо времени, мимо пространства,
Мимо страха перед концом.

Нужно память засыпать снегом,
Тополиным прахом до плеч.
Чтобы встретились два человека,
Нужно вечностью пренебречь.

Сергей КЛЮШНИКОВ

Клюшников Сергей Евгеньевич родился в 1955 году в селе Зудилове Алтайского края. Окончил 10 классов. Служил в армии. Работал слесарем-сборщиком, матросом на рыболовном сейнере, докером, формовщиком. Сейчас — студент Литературного института. Стихи печатались в армейских, приморских и алтайских краевых газетах, альманахах «Алтай» и «Литературный Владивосток». Живет в Барнауле.

ВЕСНА ПРОХОДИТ ПО ДВОРУ...

* * *

Что уж там!
Опять меня обманут
Журавли и шустрые синицы.
Хорошо б уехать за туманом
И в тумане этом заблудиться.
Распрощаться с горечью и болью
И сказать, чему-то улыбаясь:
— Я в тумане был.
Я вышел в поле.
Я теперь нигде не потеряюсь.

* * *

Каплепад. Отчаянье. Прохлада.
Ночь неслышно дремлет за плечом.
Ничего загадывать не надо,
Умолять не надо ни о чем.
Суть всегда закрыта молочами.
Через месяц или через час
Быть весне разбуженной грачами,
А весна разбудит что-то в нас.
Но пока и в этом есть отрада:
Встать вдвоем у лунного окна
И смотреть, как медленно по саду
Голубая ходит тишина.

* * *

Кому же знать!
Мы столько дней
Отчаянного ждали мая,
Снега простуженных полей
За цвет черемух принимаю.

А снег летит над снами сел,
Над снами не о нашем мае.
— Люблю...
— Люби...
— Я знаю все...
— Я ничегошеньки не знаю...
Прости мне,
если что не так,
Прости за чувственные речи.
Я слишком поздно сделал шаг
Тебе навстречу.

* * *

Соленный край. Соленая девчонка,
Привыкшая бо всем повелевать.
Сырой февраль. Последняя поэмка.
Мы в карантине. Скоро отплыть.
Миг краткой встречи. Писем обещаенье.
Путины жар. Минтаевый аврал.
И сны, и сны. И глупое молчанье.
И возвращенье...
Я не все сказал.
Все будет дальше: близость губ упрямых
И — «Никому тебя я не отдам».
И цепь разлук. И крики в телеграммах.
И счастье, счастье... с болью пополам.

* * *

Ты холодна, а я горяч,
Ты вспыхнешь вдруг, а я остыну,
Подслушаю веселый плач,
Свое отчаянье отрину.

Марк ЮДАЛЕВИЧ

БАРНАУЛ

Живу я в этом городе почти шестьдесят лет. Уезжал отсюда на долгий срок только на войну да на учебу.

Когда-то маленький деревянный, Барнаул насчитывает теперь более шестисот тысяч жителей и вошел в число крупных городов страны. Сделавшись столицей хлебобороного Алтая, самым разветвленным на востоке нашей страны транспортно-распределительным центром, он прочно оперся на широкне плечи заводов. Вдаль и ввысь рванулись постоянно растущие улицы. Старые кварталы сохранились, главным образом, лишь в низине, тяготеющей с одной стороны к берегу Оби, а с другой к сосновому бору, да еще на бывшей окраине, в нагорной части города. Но и в эти кварталы врзаются современные здания. Нависая высоко вознесенными балконами и лоджиями, как на музейные экспонаты посматривают они своими огромными окнами на приплюснутые строения с их игрушечными двориками, огородиками, садами.

Хорош новый город, удобны его благоустроенные квартиры, прекрасны дворцы, мощны корпуса заводских и фабричных цехов. Но старожилам не так-то просто расставаться с уходящим в прошлое старым Барнаулом. Я тоже люблю эти потемневшие от времени фасады и заборы, покосившиеся ворота, деревянные скамьи или, как их называют в народе, лавочки, возле поскрипывающих калиток. Люблю свежие запахи огуречной ботвы и укропа, траву, что ползет на тротуары, кружева резьбы на оконных наличниках.

Люблю в свободные часы бродить по старому городу — городу моего детства.

Возле широкого моста через Барнаулку видны остатки земляной плотины. Плотина была когда-то мощным, длиною более чем в 550 метров, шириной на дне — 52 и поверху — 26 метров, сооружением. Она приводила в движение вододействующие колеса. Вода служила источником энергии для плавильного цеха.

К мосту прилежит площадь. Эта площадь — мемориал городской старины. Хотя она давно именуется Пионерской, горожане до сих пор нередко называют ее Демидовской. Ее проектировали талантливые архитекторы, в том числе Яков Попов — ученик Карла Росси.

Барнаульская площадь была задумана на петербургский манер. С трех сторон она застроена мощными двухэтажными зданиями. В центре площади возвышается так

называемый Демидовский столб — четырнадцатиметровый гранитный обелиск.

Местный ансамбль, конечно, несомненно с творениями Росси. Но в нем очевидны черты его манеры, смелость и размах, благородная чистота линий, яркость и выразительность общего замысла.

Неподалеку расположена улица Ползунова. От этой улицы, названной именем знаменитого механика, тоже веет стариной. На ней расположены толстостенные массивные здания. В этих зданиях когда-

то... Впрочем, все по порядку.

В УСТЬЕ РЕКИ БАРНАУЛ

Рудознатцы находили на Алтае все новые месторождения. Яков Костылев и Леонтий Останин послали в Екатеринбург заявку на восемь месторождений.

А несколько лет спустя удачливый штейгер Федор Иванович Лелеснов обнаружил в горе Змеиной богатейшие залежи серебряных руд. Щедрый Змеиногорский рудник снабжал заводы более столетия*.

Там, где растут рудники, растут и заводы. В 1739—40 годах люди Демидова стали искать место для постройки второго на Алтае плавильного завода. Наиболее выгодно было плавить руду поблизости от рудников. Но в районах рудных залежей не доставало сосновых лесов. А леса поблизости от завода считались совершенно необходимыми. Плавильные печи топилась древесным углем, который выработывали приписанные к заводам углежогн: древесный уголь хрупок и не годится для дальних перевозок.

Помимо того, Акинфий Никитич считал за лучшее поставить завод поодаль от джунгарских и телеутских земель. Хотя правительство приняло меры безопасности — возвело в начале века целую систе-

* На Алтае и в Сибири чтут память замечательного первооткрывателя Лелеснова. Его образ запечатлен в художественной литературе. Александр Мисурев посвятил ему яркий рассказ «Награда царская». Петр Бородин — повесть «Тайны Змеиной горы». Только при жизни Федору Емельяновичу приходилось нелегко. Даже награда, которую назначила его императрица, не дошла до него. Большую часть присвоили себе падкие на деньги царские чиновники.

му крепостей (Петропавловская, Ямышевская, Семипалатинская, Усть-Каменская, позже Усть-Каменогорская), — вылазки и разбойничьи набеги продолжались. Кстати, один из самых опустошительных набегов телеутов совершили в 1744 году. Они сожгли Чигирскую крепость и засыпали меднорудную шахту.

Новый завод было решено строить в низине, пролежавшей к речке Барнаул при впадении ее в Обь. Водный баланс реки позволял возвести завод в ее устье. Низина была окружена могучей стеной соснового бора. С юго-запада укрыта от господствующих ветров небольшой, в 50 метров высоты горой. От владений немирных племен место находилось за сотни верст. Правда, и рудники отстояли примерно на таком же расстоянии. Но летом руду можно было сплавлять по рекам, зимой ее приходилось возить на лошадях.

По сведениям кандидата исторических наук Ю. С. Булыгина* в устье Барнаулки, где до прихода русских людей были кочевья телеутов, в 20-х годах XVIII века самовольные переселенцы основали две деревеньки — Усть-Барнаульскую и Верх-Барнаульскую. В первой по ревизской сказке в 1745 году было 30, а во второй — 10 душ мужского пола. Лица женского пола тогда не учитывались. Сохранились фамилии крестьян этих деревень — Рожновы, Костаревы, Волгины, Пятковы, Казанцевы, Бочковы, Кукарцевы, Рукаловы.

Обычно считалось, что эти сельчане влились в городской барнаульский посад, Ю. С. Булыгин по архивным материалам установил, что они разъехались по окрестным деревням — Быковой, Бельмесевои, Калманке, Ересной и др.

Различные ученые высказывали предположения насчет происхождения слова «Барнаул». Долгое время считали, что это название идет из тюркских языков и означает «хорошее пастбище» или «хорошее кочевье». Существовали и другие предположения. Например, «Барнаул» переводилось с казахского как «есть аул» или «аул Барна», если принять, что Барна — фамилия одного из кочевников сибирского ханства.

Однако сейчас эти версии отвергнуты. Ученые склонны идти от названия реки. В конце XVIII века на чертежах этих мест она названа «Бороноулом» или «Бороноуром». Затем в некоторых документах река фигурирует под названием Баранаул, а на известной карте Шелегина в 1745 году названа Барнаулом. Слово обрусело, приспособилось к русскому говору.

Есть мнение, что в первоначальном звучании слово «Бороноул» или «Бороноур» переводится как «волчье озеро» или «волчья река». Оба значения подкрепляются тем, что в ленточном бору, по которому протекает Барнаулка, издавна водились волки, а у истоков реки было много озер.

Недавно барнаульский историк и археолог А. Уманский выдвинул другую вер-

сию. Он предполагает, что название Барнаул тюркского происхождения и идет от слов «мутная река». Версия подтверждается обилием в Барнаулке органических и минеральных веществ, особенно песка.

Поскольку такие проблемы решаются лишь гипотетически, вероятно, возникнет и еще немало различных предположений.

В начале 30-х годов люди Демидова приступили к строительству Барнаульского завода. Но вскоре оно было приостановлено, так как императрица Анна Иоанновна указала отобрать Кольвано-Воскресенские заводы в казну. Через три года они были возвращены владельцу, и строители начали наверстывать потерянное время. В 1744 году завод был пущен.

Что же представлял собой завод во времена Демидовых?

Об этом можно судить по заводскому плану, «сочиненному геодезии прапорщиком Пименом Старцевым». План относится к 1748 году, то есть создан спустя год после перехода Барнаульского завода во владение Кабинета.

Как говорилось в самом начале этой книги, Барнаулку перегораживала мощная плотина. Болотистую пойму залил широкий, а в длину уходящий пруд. Правый берег пруда упирался в гору, даль его сливалась с вечнозеленым сосновым бором. Можно предполагать, что над прудом пронеслись утиные стаи, а в водах его водились и чебак, и карась, и даже щука.

Возле плотины, на территории нынешней спичечной фабрики, раскинулся «заводчиков двор». Здесь стояла плавильная фабрика и другие строения. Плавильня была деревянная. С ней соседствовали: гармахерская — фабрика, где отделяли примеси от так называемой черной меди*; котельная, в которой делали котлы для заводских нужд и для населения; муссерная толчея, где смешивались разные компоненты для шихты; обжигальня, где обжигали руды; меховая — в ней производили меха для кузнечных горнов; пильня для распиловки леса.

На правом берегу реки, в полуверсте от плотины, работали кирпичные сарай — первый кирпичный завод Барнаула.

Несмотря на то, что упомянутая выше система крепостей сместила русскую границу к югу и низина в устье Барнаулки была далеко от нее, Демидов все-таки обратился в Капеллярню главного управления сибирских и казанских заводов за разрешением построить Барнаульскую крепость. «...Как известно есть, — писал он, — что в тамошних краях без крепости тому заводу от неприятельских людей быть весьма опасно».

Крепость была нужна также для того, чтобы стеречь закрепощенных рабочих людей. Но это соображение Демидов, естественно, не высказывал, чтоб лишний раз не напоминать об условиях труда и быта на его предприятиях.

Завод и все другие строения, включая посад, были обнесены деревянным заplo-

* Ю. С. Булыгин любезно предоставил мне свою рукопись «Торгово-промышленное население Барнаула во второй половине XVIII века».

* Черной медь делали окиси железа.

том, представляющим собой прямоугольник общей протяженностью без малого полкилометра. Длинные стороны забора состояли из толстых бревен, по боковым, коротким, располагались хозяйственные постройки, выходявшие наружу глухими стенами. Посреди этой городьбы в разных местах находилось пять башен с караульными шатриками. Две из них были проезжими. Всю крепостную стену окружали рогатки. Крепость имела восемь пушек, отлитых на заводах Демидова, ружей — «чтобы вооружить до ста человек».

Как отмечают специалисты, Барнаульский завод строился по образцу Уральских заводов — Невьянского, Нижне-Тагильского, Ревдинского и других. Та же крепостная стена, башни с шатриками, дозорные вышки, то же расположение заводских строений. И на всем следы одного строительного стиля — русского деревянного зодчества.

Внутри крепости помимо заводских строений стояли и другие служебные строения. Главное из них — заводская контора. Только не нужно при мысли о ней вспоминать современное заводоуправление. Это была изба, как писал Пимен Старцев, «на два покоя с сенями». Здесь же, на заводчиком дворе, работала кузница, лавка для продажи меди и прочих заводских припасов. На заводчиком дворе помещались и жилые помещения: для заводских служителей нижнего чина, разного рода мастеровых работных людей — служивская казарма, для начальства — светлицы. Имелась и стряпчая изба, где стряпухи пекли хлеб, готовили похлебки.

Барнаулка до самого ее впадения в Обь сильно петляла. Пойма реки — те места, где сейчас городской парк, старый рынок и далее — была основательно заболочена. Жилые избы раскинулись здесь без всякого определенного плана, в удобных местах по причудливым зигзагам реки.

Это были чаще всего клетские избы, то есть деревянные срубы без фундамента с маленькими слюдяными окнами. Третью такую избы обычно занимала русская печь. Одна комната служила и кухней, и столовой, и спальней. В ней нередко еще держали теленка или ягненка. Вперемежку с избами темнели землянки для «служивцев». И лишь иногда ставили избы пятистенные, то есть те же клетские, разделенные на две части внутренней бревенчатой или дощатой стеной. В марте 1746 года бригадир Безр, фактически уже распорядившийся на демидовских Колывано-Воскресенских заводах, посылая на Барнаульский завод офицера, предупредил, что там «квартир для офицеров нет и только имеется одна квартира, где живет прикащик Демидовых, и в той только два малых покоев».

В 1745 году согласно переписи в заводском посаде проживало 170 «мужских душ». Это — работные, переведенные с Невьянского и Колывано-Воскресенского заводов, а также пришедшие и гулящие люди, закрепощенные Демидовым. Этих последних, как их именовали «вечноотданных», было 73 человека мужского пола. Кроме того, на заводе жили солдаты, охра-

няющие крепость, и несколько демидовских нарядчиков во главе с приказчиком*.

Работал Барнаульский завод. Дымил плавильня с двумя шахтными печами, гармажерская с тремя горнами. От едких удушливых испарений, гари и смрада в заводском посаде дохли куры. Листва на берегах и тополях блекла и опадала, сосны подергивались желтизной. Рудовозы везли руду, углежог — древесный уголь, добываемый в безжалостно истребляемых лесах. Угольная пыль оседала на дороги, чернила посадские домишки.

Акинфий Демидов за три с лишним года переплавил на Барнаульском заводе 37545 пудов руды, получил 2401 пуд чистой и 1254 пуда черной меди.

* * *

Фаворитом Анны Иоанновны был курляндец Бирон. Трон облепили иноземцы. Жестокосердная и недалекая императрица расходовала по двести—двести пятьдесят тысяч в год на поддержание своего двора, ассигновала по сто тысяч на слабость Бирона — дворцовые конюшни. Далее шли ассигнования на содержание принцессы Анны Леопольдовны — дочери герцога Макленбург-Шверинского, вдовствующей марк-графини бранденбургской Марии Доротен, вдовствующей герцогини саксон-мейнингской Елизаветы Софии, герцогини брауншвейг-бевернской Элеоноры, вдовствующей княгини Амалии Луизы и других особ с непривычными для русского уха, трудно произносимыми именами.

Вот на кого гнул спину русский мужик! Вскоре после смерти Анны Иоанновны был выслан Бирон, а затем и Анна Леопольдовна с супругом. И вслед за ними — властолюбивые иноземцы — Остерман, Миних, Левенвольд...

В этой чехарде переворотов, возвышений, падений, ссылок, в этой вакханалии взяточничества, хапужества и воровства терялись даже такие оборотистые и решительные люди, как Акинфий Демидов. Пресекая обман, мошенничество, Петр Великий умел ценить и жаловать крупных государственных деятелей, полководцев, купцов, промышленников. Они были нужны ему. И даже наказывая их, царь-преобразователь заботился об улучшении и развитии дела.

И Никита и Акинфий Демидовы знали: при Петре Алексеевиче добывая добротный, лучше иноземного металл, делай на совесть пушки и мортиры, фузел и сабли, не пропускай, конечно, случая преподнести и личный подарок не столько царю, сколько государыне-императрице, — и будешь у него в чести, будешь не только нужным, но даже близким человеком. А чтобы дело было прочнее, чтобы сошло, если где и прихватишь себе лишнего, — не ленись да не скупись ублажать и всеильного Данилыча. Светлейший обожает брильянты, чернобурых лисич, отменных соболов, да и солидным денежным кушем или золотым само-

* Данные взяты из указанной выше работы Ю. С. Булыгина.

родком не брезгует. Пусть пользуется, рука дающего не осудит!

А здесь не знаешь, кому и давать, на кого тратиться. Сегодня он большой боярин, а завтра вишивый каторжник.

Положение осложнялось еще и тем, что Демидовы развернули свою деятельность на Алтае уже после смерти Петра. И если к их уральским владениям привыкли как к чему-то совершенно закономерно-му, вошедшему в жизнь страны еще при отце отечества, великом императоре, то на алтайские заводы и рудники посматривали с завистью и вождедением.

Имелись и серьезные причины для того, чтобы отобрать эти заводы у богатейших горнопромышленников. Первые попытки исходили, правда, отнюдь не от казнокрадов, а от честнейшего человека, одного из сподвижников Петра Первого Василия Никитича Татищева*.

С 1734 по 1737 год Татищев управлял казенными заводами на Урале и осповал там город Екатеринбург, ныне Свердловск. В эти годы Татищев открыто враждовал с Демидовыми, обвиняя их в корыстолюбии и лихоимстве.

Суть дела состояла не только в том, что Демидовы плавили серебро и чеканили собственные деньги, они еще и не вносили в казну налоги за работающих у них приписных крестьян и беглых людей. Татищев установил: Демидовы задолжали 85 тысяч рублей, и настоял на передаче их владений на Алтае в казну.

Как уже говорилось, императрица Анна Иоанновна согласилась с этим решением. Однако Кольвяно-Воскресенские заводы и рудники вернулись к их хозяевам, а Татищев был переведен с Урала в Оренбург. Исследователи считают, что в этом деле решающую роль сыграл Бирон, которому Акинфий Демидов дал взятку в 50 тысяч рублей.

При той неразберихе, какая царил в эти времена, оставался простор для беззаконий. И хотя Демидовым приходилось трудно, трудно было и кому-либо тягаться с ними.

Но капитализм в России еще только развивался и не мог бороться с феодальными и самодержавными тенденциями. Когда времена дворцовых переворотов прошли, нашлась в России семья, которая была сильнее и богаче самих Демидовых. Это была царская семья. Возможно, мысль завладеть заводами царице Елизавете дал сам Демидов. Натерпевшись от губернаторов и восвод, а также от берг-коллегии, где хватало неразберихи и волокиты, вымогательства и взяточничества, Демидов решил, что уж лучше зависеть от одного хозяина, которого все равно не обойти. Он обратился к Елизавете с пространном рапортом, в котором перечислял заслуги своего отца и свои в области горного дела и несправедливости и обиды, которые он терпит от берг-коллегии. Рапорт заканчивался просьбой

принять заводы и рудники Демидовых под высокую руку Кабинета «для избятия вышеобъявленного немилостивства от оной берг-коллегии».

Царица удовлетворила это ходатайство и, обласкав богатейшего промышленника, обещала ему свое покровительство. Более того, «за тщательное произведение железных и медных заводов» статский советник Акинфий Демидов был пожалован в действительные статские советники. Его брат Никита получил звание статского советника.

Но доносы на заводчика сыпались со всех сторон. В 1744 году с Алтая в Петербург бежал обиженный демидовскими приказчиками штейгер Филипп Кригер, саксонец, работавший у Демидова по контракту. Он доносил, что заводчик плавит здесь серебро и даже золото и к тому же скрывает свои доходы, не отчисляя за них налоги. Тогда, видимо, и возникла идея сделать заводы собственностью царского Кабинета, другими словами — царской семьи. Это было тем более заманчиво, что финансы в государстве находились в сильном упадке. Шла война со Швецией. Правительство задолжало огромные суммы жалования военным, не хватало средств на вооружение, обмундирование. Елизавета по настоянию сената решила на крайнюю меру, распорядилась в течение года вычитать определенный процент из жалования генералов, архиереев, штаб-офицеров, архимандритов и прочих военных, духовных, статских и придворных чинов.

Недоставало денег и на содержание царского двора, на личные расходы царской семьи. Тогда-то на Алтай была направлена комиссия, возглавляемая бригадиром Беэром. Комиссия весьма компетентная и представительная. Во-первых, и сам бригадир, кстати сказать, чин промежуточный между полковником и генералом, был авторитетным знатоком горного дела и занимал должность председателя и главного командира тульских оружейных заводов. Кроме того, в составе комиссии находилось 36 человек, из них 23 специалиста по добыче и выплавке руд.

Несмотря на то, что Андрей Иванович Беэр был знаком с семьей Демидовых по Туле и находился с ними в приятельских отношениях, выводы комиссии оказались совершенно объективными. Она установила в Зменногорском руднике наличие серебряных руд. Было также доказано, что люди Демидова добывают и плавят эти руды. Беэр добыл на Алтае более 44 пудов серебра и 12 фунтов золота. За вычетом затрат это дало 20 тысяч чистого дохода. Подробный рапорт бригадир представил в Петербург.

* * *

Судьба демидовских заводов оказалась предрешенной. Акинфий Никитич спешил в Тулу, а оттуда, вероятно, намеревался поехать в столицу хлопотать за алтайские владения. Но по дороге, близ села Яцкое Устье, на Капе, знаменитого богача настигла смерть. Это было в августе 1745 года, а первого мая 1747 года последовал именной

* С именем этого энциклопедиста — историка и географа, экономиста и философа, этнографа и фольклориста, лингвиста и палеонтолога, талантливого инженера связано в России много славных начинаний.

высочайший указ все тому же бригадиру Безру:

«Ехать тебе в Колывано-Воскресенские заводы умершего действительного статского советника Акинфия Демидова». И далее с петровской краткостью и определенностью — что там следует «учинить» — забрать в собственность царской семьи все демидовские владения, сделать им опись и оценку, заплатить за них наследникам. Но «в такуюю заплату зачитать то, ежели покойный Демидов и его наследники, чем в казну нашу должны».

Демидову на Алтае принадлежали немалые владения. В Центральном государственном архиве древних актов сохранилась ландкарта Томского и Кузнецкого уездов 1736 года. На ней эти владения обозначены. Они простирались на двести верст с запада на восток и на четырехста с севера на юг. Они граничили с Джунгарией, на западе соприкасались с иртышской укрепленной линией.

Однако, как видим, царской семье этого было мало. И цитированный указ оказался только началом. Елизавета взяла в личное владение огромную территорию Алтая, прихватив салаирские горы и всю равнинную часть Западной Сибири между Обью и Томью от озера Чаны до Томска. Царские земельные владения в этих местах составляли четырехста пятьдесят тысяч квадратных километров. Территория немного меньше Испании, но в два раза превосходящая Великобританию, в десять раз — Швейцарию, почти в пятнадцать раз — Бельгию.

Алтай на долгие годы сделался царской вотчиной. Для управления заводами и рудниками была создана специальная Канцелярия, которая поначалу находилась в Колывани. Канцелярия и главный командир заводов подчинялись Кабинету, ведавшему личными владениями царской семьи.

Наделенный самыми широкими полномочиями, бригадир Безр проявлял себя человеком деятельным, но властным и крутым. Как признает даже историк монархистского направления В. Саложников: «...суровая военная дисциплина того времени и законоположения воинских уставов нашли себе полное применение в отношении к работающему на заводах населению».

Правда, введя «суровый горнозаводской строй», Безр сделал и много полезного для развития края. В 1749 году, испросив разрешение Кабинета, перенес Канцелярию горных заводов из Колывани в Барнаул. Это было дальновидной и оправдавшей себя в будущем мерой, так как географическое положение Барнаула более выгодно и перспективно.

БАРНАУЛ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Горный округ давал царской семье немалые доходы. Местное начальство любило ссылаться на «знатный государственный интерес»* от заводов и рудников. Однако средства на строительство, идущие от заводских сумм, Кабинет отпускал не весьма охотно.

* «Интерес» в смысле прибыли.

В столице были другие заботы. После ряда блистательных побед русской армии и флота при Чесме, Фокшанах, Рымнике, после взятия Очакова и Измаила Россия заключила с Османской империей Ясский мирный договор. Этот договор упрочил положение нашей страны на берегах Черного моря, чего добивался еще Петр Великий, открыл новые важные торговые пути.

Много забот приносили польские дела, особенно восстание Тадеуша Костюшки. Главная докуча состояла в том, что генерал Костюшко в своем универсале обещал крестьянам свободу от помещиков.

Но суть даже не в государственных делах, прогрессивных или реакционных. Были при дворе Екатерины свои расходы. Чтобы дать о них представление, достаточно сказать: парадный костюм победителя турок, фаворита императрицы князя Потемкина, стоил 200 тысяч рублей. Такую сумму за год могли заработать целых 16 тысяч бергалов.

В своей книге «Грань веков» известный исторический писатель Н. Эйдельман приводит следующую деталь быта екатерининского двора, заимствованную из мемуарной литературы. Во время застолий «...тарелки спускались сверху, как только дергали за веревку, проходившую сквозь стол; под тарелками были аспидные пластинки и маленький карандаш; надо было написать, что хочешь получить, и дернуть за веревку; через несколько минут тарелки возвращались с требуемым кушаньем».

Было ли тут до благоустройства городов далекой Сибири!

Тем не менее город все-таки строился. Первостепенное внимание уделялось заводу.

Часто нуждалась в перестройке возведенная еще при Демидове первая плавильная фабрика. При плавке выделялись ядовитые серо-сурьмистые пары, они разрушали деревянные перекрытия фабричного здания.

Интересно, что один из планов этой перестройки, относящийся к 1751 году, составлен не кем иным, как унтер-шпитмейстером Ползуновым. В 1768 году фабрика вновь кардинально перестраивалась.

В 1766 году пришлось перестроить все деревянные части плотины — самого старинного заводского сооружения, так как за 37 лет службы, возведенная еще при Демидове, эта запруда основательно обветшала.

Вторая плавильная фабрика, построенная в начале 60-х годов, к концу 70-х, говоря нашим языком, превратилась в аварийное здание. В 1779 году она также была перестроена.

В 1785 году главный командир Гавриил Качка — незаурядный инженер и энергичный администратор*, начавший службу

* Гавриила Качку и его время попыталась воссоздать Анна Караваева в своем романе «Золотой клюв», опубликованном в 1925 году в журнале «Сибирские огни» и много раз выходящем отдельными изданиями. Образ Качки в романе изображен несколько односторонне и схематично.

в Сибири штейгером* на Змеиногогорском руднике, решил расширить заводскую территорию. Кучи руды и угля сделали заводской двор тесным и опасным в жарном отношении. С правой стороны Барнаулки заводские стены перенесли до подножья горы.

Расширялся и заводской посад. По архивным данным 1757 года, в Барнауле было 537 домов. Из них 12 офицерских светлиц, 9 домов приказных служителей, 5 поповских дворов, 146 домов мастеровых и работных людей, 147 — военнослужащих и остальные — людей различных сословий, в основном приписанных к заводу.

В 80-х годах вокруг завода выросло около 800 домов. Преимущественно это были маленькие клетские избышки, иногда — пятистенники. Но возвышалось теперь два десятка светлиц — домов для заводского и военного начальства и священнослужителей. Насчитывалось 76 «обывательского домового строения изб с горницами».

Дома ставились торцами на улицу, а фасадом выходили во двор. Горожане считали это наиболее удобным. Переулки застраивались с большими интервалами, так как на них выходили огороды крайних уличных усадеб.

Второе место по количеству вслед за жилищными строениями занимали бани. Во дворах барнаульцев в то время было 290 бань**. Кроме того, в городе имелось четыре солдатских казармы, три деревянных церкви, четыре богадельни при них.

Из культовых зданий наиболее примечательна была Петропавловская соборная церковь. Ее проектировал уже упомянутый в этой книге геодезист прапорщик Пимен Старцев. Этот способный человек, как свидетельствуют архивные материалы, был не только геодезистом и чертежником, но в случае нужды заменял и архитектора.

Специалистами-строителями заводское начальство не располагало. Церковь возводили народные умельцы, как сказано в архивных материалах, «по учиненному чертежу». В барнаульском архиве сохранились и имена некоторых из них: солдат Анисим Чуркин, драгун Еремей Кабаков, плотник Алексей Анчутин.

Архитектура церкви была эклектична, но превалировали в ней приемы старинного русского зодчества. Вокруг церкви строители возвели ограду и весьма приметную по тем временам колокольню, высотой около 10 сажен (22 метра).

Небольшой ансамбль как бы открывал Петропавловскую улицу, на которой находились светлицы горных офицеров. Подражая столице, эту и еще некоторые улицы называли линиями. Петропавловская ули-

* Штейгер — мастер, горный техник.

** Подобные бани с маленькими предбанниками, полком, скамейками, деревянными шайками, печкой-каменкой можно было в двадцатых—тридцатых годах встретить во многих городских дворах, чаще всего в огородах. Они не имеют ничего общего с теми монументально-показушными сооружениями, какие возводят сейчас некоторые хозяева дач и огородов.

ца доходила до пруда, занимая примерно тот отрезок пространства, какой теперь ограничивается с одной стороны Социалистическим, с другой — Красноармейским проспектами. С западной стороны улица упиралась в площадь. Перед площадью стоял дом главного командира Колывано-Воскресенских заводов.

Петропавловская, ныне улица Полунова, была центральной в городе. Здесь же, на левом берегу Барнаулки, находилась и Большая Тобольская. На этой улице жили мастеровые люди. На правом берегу раскинулась Олонская улица, как говорилось ранее, получившая название от олонских мастеров. Олонская протянулась под горой, южнее завода, а одна из улиц поднялась в гору. Севернее Петропавловской шли Иркутская (ныне Пушкинская), Кузнецкая (ныне улица Гоголя).

Кузнецкой и заканчивался посад с северной стороны. Все эти улицы, за исключением Петропавловской, напоминали о городах, откуда приехали первые их сельщики.

В дальнейшем четко определился словный характер барнаульских улиц. Примыкающая к заводу Петропавловская и Иркутская стали улицами горных офицеров. Купцы, прасолы, чиновники и военные проживали поближе к соборной и торговой площадям (ныне площадь Свободы и Центральный рынок). А на окраинах теснились избышки, землянки и бараки мастеровых и урочников.

В то время на Алтае почти не было каменных построек. На Барнаульском заводе стояла каменная кладовая, в которой хранилось серебро, а также заводские деньги. В 1765 году возвели каменную аптеку и архив. Все три здания отличались самой простенькой архитектурой, и даже по ним можно было судить об отсутствии специалистов-строителей зданий из камня.

Генерал Порошин просил кабинетское начальство прислать на Алтай «каменных дел мастера». С просьбой подыскать таких мастеров за границей управляющий Кабинетом Олсуфьев обращался в Гамбург к Мусину-Пушкину*. Но тот не сумел выполнить эту просьбу.

В 1769 году главным начальником Колывано-Воскресенского горного округа стал генерал-майор Ирман. В том же 1769 году, первом году своего правления, он возвел для своей жены Шарлотты двухэтажную дачу. Эта загородная дача, находившаяся в верхней части правого берега пруда, примерно около нынешнего дрожжевого завода, была первой в Барнауле. Возле дачи находился чудесный залитый луг, получивший название Шарлоттино луга.

Между тем было получено разрешение строить каменную соборную церковь вместо пришедшей в ветхость Петропавловской.

Канцелярия тобольскому губернатору Чичерину, а также иркутскому и енисейскому начальству все с той же нуждой — при-

* Мусин-Пушкин находился в Гамбурге в должности посланника.

слать знающих «каменную кладку» людей. Но отовсюду шли отказы.

Тогда решили набрать своих мастеров. Они были найдены на Барнаульском и Новопавловском заводах и в Змеиногорском руднике.

Внушительное по тем временам здание собора заложили в 1771 году и возвели за три года.

В том же 1771 году в жизни Барнаула произошло большое событие — он стал городом. Впрочем, событие не исключительное. Последняя четверть XVIII века характеризуется в России увеличением числа городов. Городами были наименованы многие посады, слободы, села, приобретенные ремесленный и торговый, а иногда и промышленный характер. Статус городов получили Богородск, Подольск, Винницы, возникли Гжатск, Рыбинск, портовые города Одесса и Николаев, Херсон и Таганрог.

Барнаул рос, хотя и не такими темпами, какими растут современные города, но быстрее многих соседей в Сибири. Уже было сказано, что в 1747 году, когда Барнаульский завод перешел в ведение царской семьи, при нем проживали 430 человек. Примерно через четверть века, когда Барнаул стал городом, горожан насчитывалось 5488. Тогда наш город был в Сибири самым крупным по количеству населения. В середине XIX века в Барнауле проживало 10 тысяч; цифра по нынешним меркам небольшая, но в то время самый многолюдный город Западной Сибири — Омск — насчитывал около 18 тысяч. За ним по количеству населения шли Тобольск и Томск, а Барнаул среди многих городов занимал четвертое место.

Стоит сказать о необычном составе городского населения в Барнауле. В большинстве городов Сибири основную часть жителей составляли посадские (главным образом торговые и отчасти ремесленные люди городов и поселения городского типа), цеховые (ремесленники, организованные по профессиям) и разночинцы (люди разного чина и звания, выходящие из духовенства, крестьянства, мелкого чиновничества). Здесь эти сословия были представлены меньшей частью населения, преобладали же мастеровые и работные люди. Почти пятая часть горожан служила в правлении Кольвано-Воскресенских горных заводов, в барнаульской горной конторе, непосредственно на сереброплавильном заводе в качестве технических представителей и администрации.

Помимо того, в Барнауле стоял казачий батальон, имелась горная полиция. Военных в городе было 12,5 процента — больше, чем людей городских сословий.

К этому нужно добавить, что временами, благодаря различным перестройкам в административном управлении Сибири, количество чиновников в городе заметно возрастало. Так, например, в конце XVIII века, а именно в 1780 году, Кольванская область, центром которой являлся Барнаул, была значительно расширена. В нее вошли 12 уездов: Барнаульский, Кольванский, Томский, Нарымский, Красноярский, Канский, Енисейский, Туруханский, Семипалатинский, Чарышский, Бийский, Сузунский.

Начальник горного округа был назначен наместником новой области.

Трудно перечислить все административные учреждения, которые появились в это время в Барнауле: правление наместничества, губернское правление, казенная палата, губернский магистрат, палаты гражданского и уголовного судов, надворный суд, областное казначейство, духовное управление и много других.

Кольванское областное управление просуществовало семнадцать лет. Но и после его ликвидации в Барнауле осталось немало крупного и богатого чиновничества.

За пять лет до временного расширения Кольванской области — в 1785 году — был «сочинен» план реконструкции Барнаула. План не содержал в себе ничего принципиально нового. Он лишь развивал идеи градостроительства, какими руководствовался еще генерал Беэр.

По этому плану город представлял собой прямоугольную сетку улиц и переулков. Улицы, числом восемь, расположены параллельно Барнаулке, переулки, числом десять, строго перпендикулярны улицам.

Улицы и переулки — узкие (14—25 метров ширины), и лишь один из них — Московский переулок — 42 метра.

Вопреки фактическому положению, весь город планировался на левой стороне Барнаулки.

Но одна позиция наших предков отличалась дальновидностью. Улицы планировались по направлению господствующих ветров. Это хотя и не спасало от снежных заносов, однако несколько уменьшало их. Впрочем, в снежные зимы сугробы достигали пяти-шестиметровой высоты и закрывали дома вместе с крышами.

Некоторые детали режима были типичны для тогдашних городов. В столице, например, по царскому указу городские улицы запирались решетками и возле них ставились караульщики. Ходить пешком разрешалось только с фонарем. Если же кто из подлых людей разгуливал не в одиночку, а по двое или по трое, хотя бы и с фонарем, тех брали под арест.

В горном городе порядки были жесточе. В каждом квартале учреждались дневные и ночные караулы, «дабы всякий в таковое жительство въезжающий известен был начальнику, через что не только пресекутся разные злоумышления развратников, старающихся склонить заводских и горных жителей к преступлениям и побегам, но и в самих селениях будет более устройства и безопасности».

Весной 1793 года в Барнауле произошло сильное наводнение. Весна выдалась на редкость дружной. Вскоре после весеннего яростного ледолома пошла большая вода с алтайских белков. 3 мая разлился заводской пруд. Наводнение достигло Иркутской линии. Новая река шириной в 50 метров текла по городу. Вода разрушила до сотни домов и несколько административных зданий: дома горной экспедиции и правления, каменный склад, пробирную камеру и тюрьму. Снесла и дом губернатора. На месте будущей Демидовской (ныне Пионерской) площади образовался пустырь.

Жилые дома восстанавливались медленно. Все внимание уделялось заводу.

Положение со строительством в городе осложнялось тем, что в правлении России произошли большие изменения. После смерти Екатерины II в 1796 году на престол вступил десятилетиями с нетерпеливой горечью ожидавшийся своей очереди Павел I. Этого самодержца многие считали психически больным. Так это или не так, но совершенно очевидно, что над ним витал призрак трагической гибели отца, он был навечно испуган стабильной немилостью Екатерины, озлоблен нескрытым пренебрежением ее придворных.

Все эти факторы, по-видимому, и создали натуру мстительную, озлобленную, крайне непостоянную, болезненно устремленную к самоутверждению.

Отсюда бурный поток противоречивых указов Павла I, о которых прекрасно сказал К. Симонов в своей поэме «Суворова»:

Один еще не пожелтеет,
Глядишь, другой уж сверху клеют:
«Размер для шляп — вершок с осьмой,
впредь не носить каких попало,
впредь вальс в домах не танцевать,
впредь Машками под страхом палок
не смей ни коз, ни кошек звать...»

Отдавал император еще более анекдотичные распоряжения. Так, 8 февраля 1800 года умершему генералу Врангелю «в пример другим» был объявлен строгий выговор.

Многие указы касались кардинальных государственных вопросов. Павел, по определению Ключевского, отличался «фанфаронной преобразовательной самонадеянностью».

Нелепые преобразования стоили огромных денег. Например, по свидетельству современников, одни только расходы на введение армейской формы по устаревшему прусскому образцу превысили 30 миллионов рублей.

Преобразовательское рвение не оставляло времени для алтайской вотчины.

Однако здесь перестроили заводскую плотину, на территории завода прорыли канал для пуска воды из пруда в реку.

Выстроили несколько каменных заводских зданий. Одно из них сохранилось до наших дней. Это важная — строение, в котором находились весы для взвешивания руды. Важная представляет собой монументальное сооружение высотой более семи метров.

На заводе была построена также кузница, двухэтажное здание кладовой минералогического кабинета и архива.

На Петропавловской улице взамен пришедшей в ветхость горной аптеки была создана новая — прямоугольное одноэтажное здание. В перестроенном виде это здание также сохранилось до наших дней.

Тогда же на другой заводской стороне улицы построено двухэтажное просторное (9 окон по фасаду) здание канцелярии заводов. В нем в свое время работали И. И. Ползунов и К. Д. Фролов, знаменитый физик В. П. Петров и член-корреспондент

Академии наук естествоиспытатель С. И. Шангин.

Все эти здания проектировал Андрей Иванович Молчанов* — первый барнаульский архитектор. Как многие выдающиеся люди того времени, Молчанов — сын солдата. Учился в школе при Барнаульском заводе плотинному, маркшейдерскому (горному) делу и механике. Четыре года изучал архитектуру в Петербурге. В 1790 году вернулся в Барнаул и начальником заводов Гавриилом Качкой был определен находиться «при каменном и деревянном строении и при чертежной».

Молчанов участвовал в строительстве своего родного города и в XIX веке.

УЧЕНЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

В XVIII веке, впрочем и позже, Барнаул посещало много путешественников. Их влекла и колоритная богатейшая природа края, и далеко идущая слава его заводов и рудников.

Одним из первых таких путешественников был Вильгельм де Геннин. Уже был случай упомянуть о нем как об участнике Северной войны и сподвижнике Петра Великого, а также учителе Порошина. Де Геннин, будучи начальником олонечских, а позднее уральских заводов, проявил себя как инженер-изобретатель и крупный знаток горного дела. Ему принадлежит капитальный труд «Описание уральских и сибирских заводов», вышедший в свет в 1735 году.

Чуть позже де Геннина побывал на Алтае Иоганн Георг Гмелин — академик, профессор химии и натуральной истории. Гмелин принял участие во второй Камчатской академической экспедиции 1733 года**. Путешествовал 10 лет. Результатом поездки явилась его четырехтомная «Флора Сибири», где описаны около 1200 видов растений, некоторые из которых попали в поле зрения науки впервые. Гмелин опубликовал также дневники сибирских путешествий — «Путешествие через Сибирь в годы 1733—1743». В этой, тоже четырехтомной, книге, изданной в Геттингене и переведенной на многие иностранные языки, собраны не только научные сведения, но много и этнографического и бытового материала (промыслы, способы охоты, обычаи, обряды, особенности речи).

На Колыванском заводе Гмелин был в августе 1734 года. Он описал завод и некоторые особенности горнорудного дела.

Член-корреспондент Академии наук Иван Михайлович Ренованц бывал на Алтае не только как путешественник и исследователь. В 1779 году его командировала в Барнаул Академия наук. Вернувшись из этой командировки, Ренованц, заинтересованный увиденным, перешел на службу в Кабинет и приехал на Алтай работать. Здесь он находился до 1785 года.

* Сохранился наиболее ранний его проект горной аптеки, относящийся к 1793 году. О принадлежности ему проектов других зданий судят по архитектурному почерку.

** Первая Камчатская экспедиция Витуса Беринга началась в 1725 году.

Список ученых, посетивших алтайские заводы в XVIII веке, будет неполным, если не сказать об академике Иване Филипповиче Германе. Герман бывал на Алтае неоднократно. С 1785 и по 1811 год он совершил пять путешествий с целью изучения Сибири и особенно алтайских рудников. В свое время широкую известность получили его «Сочинение о сибирских рудниках и заводах», а также «О минералогическом путешествии в Сибирь». Оба труда трехтомные.

В работе о рудниках и заводах Герман рассказывает об истоках горнорудного дела на Алтае, воспроизводит историю алтайских рудников и заводов.

Сочинения Германа изобилуют статистическими материалами, таблицами, цифровыми данными о добыче и выплавке руд, сведениями о работных людях — мастеровых, приписных, урочниках, а также горных инженерах и техниках. Особое внимание академик уделяет Барнаульскому заводу, собожая подробности его основания.

Интересны высказывания о городе Барнауле академиком Палласа и Фалька. Паллас в своей цитированной ранее книге писал: «Сколько важны Змеиногогорские рудники в рассуждении богатого добывания руд, столь обширен и важен барнаульский завод... где главное правление и главная заводская канцелярия находятся».

О канцелярии путешественник отозвался, что она построена «с новым великим вкусом».

Подробно описав заводские строения, Паллас отмечает: «На северном конце плотины лежит противу заводского пруда прекрасный, недавно построенный дом для заводского начальника*, а к лежащим поближе к заводскому строению месту, на северной стороне речки Барнаулы линиях будут строить новые дома для служащих при здешних заводах штаб и обер-офицерах. Сверх того, имеется в числе казенных строений полиция, земская аптека, торговый дом, госпиталь, при коей состоит один штаб-лекарь, каменная аптека с садом, в коем растут всякие травы, и амбарами, и, наконец, магазины** и казармы гарнизонные. Число частных жилых домов, кои по обеим сторонам Барнаулки, но более на левой или северным улицам лежат, простирается до тысячи***».

* * *

В 1817 году главным командиром алтайских заводов стал Петр Козьмич Фролов. Я уже рассказывал о нем как об авторе новой конструкции судов, проекта комбинированных водных и рельсовых путей, создателе первой в России рельсовой дороги, гидротехнике, технологе плавильного процесса, этнографе, археологе, зна-

* Этот дом и снесло наводнением 1793 года.

** Магазиными в то время называли складские помещения.

*** Число домов Паллас, видимо, несколько преувеличил. Вообще к свидетельствам путешественников следует относиться критически.

токе древних рукописей. В дальнейшем нередко буду обращаться и к другим сторонам его деятельности.

Много невероятного помнит история Сибири. Например, знаменитый петровский вельможа Федор Соимонов — ученый, мореплаватель, картограф и государственный деятель был оклеветан облепившими трон Анны Иоанновны казнокрадами. Его сослали в каторжные работы в Сибирь. Так генерал и обер-прокурор сената стал Федькой-варнаком. Впрочем, это как раз обычное превращение. Однако за ним последовало второе. Когда воцарилась Елизавета, она приказала сыскать Соимонова. И вскоре он из каторжника превратился в сибирского губернатора. «Сполняет флотский экипаж и сухопутные войска приказы Федьки-варнака», — писал по этому поводу Леонид Мартынов в поэме «Тобольский летописец».

Но все-таки этот «варнак» происходил из дворян и занимал высокие посты. А Петр Фролов был внуком мастерового, да еще из породы тех самых изобретателей, которых обычно третировали как чудачков и людей не от мира сего. И его проекты так же, как проекты его собратьев, лежали в различных инстанциях, пылясь и напрасно ожидая разумного применения.

Но оказавшись на высоком посту, Фролов вел дело так, что заслужил всеобщее уважение. В письме к одному из своих приятелей Сперанский писал о Петре Козьмиче: «Он проникнут к заводам каким-то наследственным чувством, как к своей родине. Всех чиновников он держит в твердой руке. От крестьян я слышал одни ему благословения».

Будучи крупным знатоком горного дела, Петр Козьмич принимал энергичные меры, чтобы увеличить выплавку металла. Однако поднять дело ему по существу не удалось. Нужны были большие затраты, тем более, что заводское и рудничное оборудование настоятельно требовало ремонта и даже реконструкции.

При Фролове была реконструирована первая плавильная фабрика. Она представляла собой каменное здание длиной 142 метра и высотой одноэтажной части — 5 метров и двухэтажной — около 8 метров. Ее фасад выходил на заводскую территорию и был украшен стройными колоннадами.

В здании находились три серебropлавильные печи с кожаными мехами и воздуходувными колесами. Печи сохранились на долгие годы. Последняя из них стояла более столетия и была разобрана совсем недавно — в 60-е годы.

Вторая серебropлавильная фабрика перестривалась несколько позже, в 1838—39 годах. Укреплялись ее стены, делалось новое покрытие. Монументальный фасад фабрики выложен с большим вкусом, удачно украшен пилястрами, вделанными в стену каменными столбами.

Большой и светлый след оставил Петр Козьмич в нашем городе.

Правда, его деятельность совпала с перестройкой Костромы, Твери, Ярославля, Пскова, Калуги и других городов России, украшавшихся после великой победы. Тем

не менее нельзя не отметить, что Фролов — умелый рисовальщик, человек немалых познаний — отличался вкусом и любовью к градостроительству.

Прогрессивный начальник округа добился того, что Барнаул обрел свою окончательную прямоугольную форму, которая осталась в основе своей неизменной до наших дней. Ему удалось несколько расширить улицы, раскинувшиеся теперь на 20—25 метров. В Московском переулке Фролов распорядился высадить деревья. Отсюда и ведет свое начало гордость Барнаула — зеленый бульвар на Ленинском проспекте.

Петру Козьмичу наш город обязан и городским садом. Этот сад по указанию Фролова разбили на месте небольшого аптекарского садика. Его значительно расширили. В то время он примыкал к заводской территории. Сад, как пишет С. Н. Баландин, был «во вкусе Ленотра»: с прямыми аллеями, с разнообразными породами деревьев и соответствующей системой посадки.

Тогда же заложили и еще один сад, который и сейчас помнят старожилы города. Он находился возле дворца начальника горных заводов (ныне здание горисполкома). Сад занимал часть территории теперешнего стадиона «Динамо».

Помимо того возле многих домов выращивали плодовые деревья. Озеленяли улицы, разбили тополиную аллею на плотине, посадили деревья на заводском дворе и на территории Демидовской площади.

Барнаул сделался в те годы одним из самых зеленых городов Сибири.

В райский уголок превратилась построенная при Ирмане загородная дача. Здесь проложили водопровод, возвели фонтан, построили беседку над прудом. На территории дачи разбили яблоневый сад, ягодник, соорудили теплицы, в которых выращивали ранние овощи. Здесь же создали небольшой зверинец с разнообразными представителями местной фауны.

Дачу огородили ажурной металлической решеткой. Неподалеку от нее ласкала глаз удобная купальня.

Фролову удалось с согласия Кабинета начать большое строительство в городе. В этот период были заложены, а иногда завершены здания, сохранившиеся до сих пор, ставшие памятниками архитектуры, украшением города.

Строительство их шло, главным образом, на Демидовской площади и Петропавловской линии, которая соединяла эту площадь с другой — Соборной.

Демидовская площадь оказалась совершенно свободной от застройки после наводнения 1793 года. Она была сильно заболочена, и понадобился толстый слой шлака, чтобы начать на этой площади строительство.

20 февраля 1818 года, второго года своей деятельности в качестве начальника заводов, Фролов, собрав заседание Горного совета, предложил построить в Барнауле новый каменный госпиталь, училище с сиротским приютом, богадельню с церковью при ней и обелиск в честь столетия горного дела.

Это заседание и положило начало строительству Демидовской площади, которую первоначально условно именовали «площадь, предназначенная для обелиска».

Среди старых барнаульцев принято считать автором проекта площади известного архитектора Якова Попова. Но на самом деле начинал строительство Андрей Иванович Молчанов, тот самый архитектор, которому еще Гавриил Качка определил находиться «при каменном и деревянном строении и при чертежной».

Но в 1823 году этот одаренный зодчий ушел в отставку по старости, отслужив на алтайских заводах около четырех десятков лет. За четыре года до его ухода Фролов послал в петербургскую Академию художеств Якова Попова. Яков Николаевич Попов — коренной житель Алтая, сын горного обер-офицера. Три года работал на Барнаульском заводе в качестве маркшейдерского ученика*.

Проучившись до 1822 года в Академии, Попов переводится в распоряжение Карла Росси. Росси выполнял целый коллектив зодчих — ведущих архитекторов и «архитектурных помощников»**.

В должности архитектурного помощника наш талантливый земляк участвует в строительстве главного штаба, Михайловского дворца, Александринского театра.

Школа великого Росси оказалась весьма плодотворной для Якова Попова. Но пока он находился в Петербурге, алтайские заводы остро нуждались в руководителе строительных работ. Неугомонный Фролов узнает, что из Петербурга в Нерчинск возвращается закончивший Академию и стажировку у того же Росси да еще и у Михайлова архитектор Л. И. Иванов. Он заводит энергичную переписку с Кабинетом и, несмотря на протесты нерчинцев, вызывает в Барнаул Иванова. Иванов работает здесь до 1829 года, когда из Петербурга возвращается Яков Попов.

Яков Николаевич Попов действительно сделал для застройки площади больше всех своих коллег. Но через 22 года по слабости здоровья и он ушел в отставку. Попова сменил новый архитектор И. М. Злобин. Таким образом, начиная с 1819 года, в течение 50 лет над площадью последовательно трудились четверо зодчих — А. И. Молчанов, Л. И. Иванов, Я. Н. Попов и И. М. Злобин.

Авторы книги «Памятники архитектуры Барнаула» цитируют письмо Петра Козьмича Фролова к тогдашнему управляющему Кабинетом графу Гурьеву, в котором кратко, но исчерпывающе описан первоначальный замысел: «...на площади находится с одной стороны каменный двухэтажный госпиталь заводской, с другой водопроводный из заводского пруда канал, отделенный от площади чугунной решеткой, через которую открыт вид на все заводское устройство, с третьей каменное училище с

* Маркшейдер — инженер, горный геодезист.

** В этой должности у Карла Росси состояли Федосеев, Бове, Дильдин и другие, впоследствии крупные русские архитекторы.

горносиротским отделением и с четвертой каменная же заводская богадельня с церковью при оной назначены к постройке».

Не все здесь было сделано по этим задумкам. Многие менялось, проектировалось заново. Работа двигалась трудно, с перерывами, но в итоге достигла своего завершения.

Двадцать шесть лет, начиная с 1819 года, строилось лучшее здание площади — заводской госпиталь, первоначальный проект которого создал А. И. Молчанов. Толстостенное, монументальное здание выполнено в духе классицизма и отличается характерной для этого стиля строгостью геометрических композиций. Гармония и чистота линий, отсутствие мелких деталей придает этому, в сущности не так уж большому двухэтажному дому, не побоюсь такого слова, величественный вид.

Здание это хорошо знакомо барнаульцам. В нем до революции помещалась мужская классическая гимназия, после Великого Октября — артиллерийская школа. Позже — совпартшкола. В ней преподавала в будущем крупная советская писательница Анна Александровна Караваева. В предисловии к своему роману «Золотой клюв» она вспоминала этот, с гулками металлическими лестницами, двухэтажный дом. Сейчас он принадлежит Алтайскому сельскохозяйственному институту.

На другой стороне площади стоит здание бывшей заводской богадельни. Первоначальный его проект также создал Л. И. Иванов. Но Я. Н. Попов видоизменил его. Вместо двухэтажной богадельни была построена в один этаж. Фасад дома, поддерживаемый четырьмя колоннами, портик (навес) у парадного входа были выполнены также в духе классицизма и хорошо гармонировали со зданием напротив. По проекту Попова во дворе инвалидного дома выстроили церковь Дмитрия Ростовского.

Строительство этого ансамбля началось на одиннадцать лет позже, чем строительство горного госпиталя, а именно в 1830 году. Но завершено оно было раньше — в 1840 году.

Правда, последующие руководители заводов посчитали, что этот дом слишком роскошен для инвалидов, и в нем размещалось главное управление Алтайского округа.

Непосредственно после революции в этом здании располагался Алтайский губком партии, а также совдеп. Здесь работал первый председатель Алтайского губкома, ученик ленинской школы в Лонжюмо под Парижем Иван Вонифатьевич Присягин, формировались красногвардейские отряды, сражавшиеся против белочехов и контрреволюционных банд.

В двадцатые годы здание перестроили, оно потеряло первоначальный облик и теперь плохо вписывается в архитектурный ансамбль старинной площади.

Перпендикулярно бывшему госпиталю по Иркутской линии (ныне улица Пушкина) расположено еще одно приметное здание. Свайный фундамент здесь начали забивать еще в 1828 году. Болотистый грунт доставил много хлопот. На устройст-

во фундамента ушло 2105 лиственничных бревен длиной в две-три сажени.

Но не трудности строительства оказались главной причиной его затяжки. В 1830 году ушел в отставку Петр Козьмич Фролов. Строительство надолго законсервировали. Л. И. Иванов проектировал это здание как горное училище. Созданный в традициях классицизма проект отличался большим размахом. Это не удовлетворяло новое руководство. Решено было сделать здание поскромнее, предназначив его не для училища, а для горного правления и музея или «музеума», как тогда говорили.

Яков Попов дважды переделывал проект, оставаясь, однако, верным все тому же классическому стилю. Проект по-прежнему не утверждали. Несмотря на протесты Попова, его передали для доработки академику-скульптору Шрейберу. И. Н. Шрейбер взял за основу последний вариант проекта Попова, однако кое-что видоизменил в нем. Композицию фасада он решил в стиле эклектики.

В 1851 году Я. Н. Попов заболел и ушел в отставку. 22 года он руководил строительством в нашем городе и на всем Алтае. С его именем связано не только создание Демидовской площади, но почти все архитектурные памятники Барнаула первой половины XIX века.

Авторский надзор за строительством дома по Иркутской линии вел преемник Попова И. М. Злобин. К 1858 году здание вчерне было готово.

Оно вписывается в ансамбль площади благодаря правильно найденным пропорциям по отношению к зданию бывшего госпиталя, одинаковой их окраске. Но ликвидация портика, мелкая пластика фасадных плоскостей и их некрасивый рисунок отличаются от манеры, в которой возведены другие постройки.

Подобно бывшему госпиталю, и этот дом вошел в художественную литературу. До революции здесь помещалось реальное училище. В нем учился будущий сибирский писатель Глеб Пушкарев. Еще реалистом он начал печататься, но так как устав училища этого не разрешал, Пушкарев подписывался глубоко конспиративным псевдонимом «Надя С.».

Среди учащихся Барнаула широко были распространены вольнолюбивые настроения. В октябре 1905 года, после выхода лицемерного царского манифеста, молодежь примкнула к революционным выступлениям. Об этих событиях Г. М. Пушкарев написал свою лучшую повесть «Реалисты». В ней воссоздано и здание реального училища, считающееся сейчас историко-революционным памятником.

Рассказ о Демидовской площади будет неполным, если не коснуться ее композиционного центра — монумента в честь столетия горного производства. Этот 14-метровый монумент был заложен еще в 1825 году, но строительство его началось позже и завершилось в 1839 году. Памятник состоит из двенадцати гранитных блоков. Блоки высекали в горах, обрабатывали в деревне Беловой возле Колывани и на плотках сплавляли сначала по Чарышу, потом

по Оби. Блоки соединены между собой железными штырями.

Поначалу на обелиске был установлен вылитый из чугуна профиль Демидова, прикреплены мемориальные доски: «Столетию Кольвано-Воскресенских заводов, свершившемуся в царствование императора Александра I лета 1825». И на другой грани: «Кольвано-Воскресенские заводы основаны действительным статским советником Демидовым в 1725 году. Вступили в собственность Императорского Величества в царствование императрицы Елизаветы в 1747».

Сейчас на постаменте обелиска другие памятные доски: «Памятник архитектуры XIX в. Ансамбль площади создан в 1821 — 1861 гг. по предложению П. К. Фролова. Архитектор Попов Я. Н. Охраняется государством», «Памятник столетию горного производства на Алтае (1725—1825). Воздвигнут по предложению П. К. Фролова в 1831—1839 гг. Архитектор Попов Я. Н. Охраняется государством».

Заповедный уголок алтайской старины — Демидовская площадь и в наши дни оставляет незабываемое впечатление, а в первоизданном виде поражала глаз величавой красотой. С трех сторон застроенная домами, с четвертой стороны она выходила на широкий заводской пруд. За ажурной оградой площади выступали строгие силуэты плавильных фабрик и могучей плотины. А на горе стеной стоял вечнозеленый хвойный лес. Осенью на его опушке костром горели багряные березы. Ансамбль завершался построенной на горе по проекту Якова Попова белокаменной кладбищенской церковью с колокольней, увенчанной высоким шпилем.

Ученики России оставили свой след во многих русских городах. Ощутим он и здесь. Барнаульцы назвали Демидовскую площадь уголком Петербурга. По преданию, здесь любил гулять солдат, а позже прапорщик Семипалатинского линейного батальона Федор Достоевский, которого прихотливая судьба забрасывала иногда и в Барнаул. «Уголок Петербурга» напоминал писателю его любимый город.

Специалисты высоко оценивают Демидовскую площадь как единственный в Сибири первой половины XIX века «цельный градостроительный ансамбль, достойный

памятник мастерству и таланту зодчих и мастеров-строителей».

К площади, как мы уже знаем, примыкает бывшая Петропавловская линия, ныне улица Ползунова. На отрезке между двумя площадями, или, пользуясь современными названиями, между Социалистическим и Красноармейским проспектами, почти каждый дом — памятник архитектуры. В главе «Барнаул во второй половине XIX века» упоминалось здание бывшей Канцелярии заводов, созданное А. И. Молчановым. В конце 40-х годов XIX века Я. Н. Попов перестроил здание, улучшил его фасад и рисунок крыши, вывел пилестры.

Барнаульцы хорошо знают этот красивый двухэтажный дом: в нем долгое время находилась краевая библиотека.

Столь же хорошо известно жителям нашего города одно из зданий на другой стороне улицы. В нем разместился старейший в Западной Сибири краеведческий музей. Строилось оно для главной химической лаборатории заводов. На проекте, составленном в 1884 году, стоит надпись: «Подлинное составлял подполковник Евреинов». Проект подполковника был довольно ординарным и своей грубоватой простотой, а также сухостью и безвкусицей линии фасада рельефно выражал архитектурные тенденции казарменного времени царя Николая Палкина.

Я. Н. Попову удалось значительно улучшить замысел подполковника, устранив ненужные украшения, приблизив общий облик к другим постройкам Петропавловской линии. Под музей здание было приспособлено гораздо позже — перед первой мировой войной.

Все тот же неиссякаемый в работе Попов по просьбе инспектора медицинской части Ф. В. Геблера перестроил в 40-х годах XIX века каменную горную аптеку, значительно расширив ее. Это здание, много раз отремонтированное, изменившее внешний облик, и сейчас находится в ведении краевого аптекоуправления.

Я коснулся здесь только застройки центра старого города, которая велась за счет заводов. Естественно, в городе строились и жилые дома, росли новые улицы. Они устремлялись на северо-запад от завода и на Горе — в южном направлении.

Окончание следует

Виктор КОКОРЕВ,
кандидат экономических наук

ПРЕСТИЖНОСТЬ ИНЖЕНЕРНОГО ТРУДА

(СОЦИОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

Сколько нам нужно инженеров? Вопрос этот неоднократно обсуждался на страницах научных изданий и периодической печати, но исчерпывающего ответа пока не дано. Да и вряд ли можно дать ответ без детального изучения научно обоснованных потребностей народного хозяйства с учетом специфики отраслей и регионов.

Обратимся к официальной статистике. За 1941—1980 годы численность специалистов с высшим и средним специальным образованием возросла с 2,4 до 29,8 млн. человек, т. е. увеличилась в 12 раз.

По общей численности ИТР и научных работников в области естествознания и техники наша страна превзошла США и другие развитые капиталистические страны в несколько раз. Причем разрыв этот продолжает расти. Этот громадный научно-технический потенциал является большим завоеванием нашего социалистического общества. Вместе с тем наука и практика свидетельствуют о том, что этим творческим потенциалом необходимо научно управлять. В целом и по Алтайскому краю уровень обеспеченности инженерно-техническими работниками достаточно высок. Край располагает 8 высшими и около 50 средними специальными учебными заведениями, т. е. имеются реальные условия обеспеченности трудовых коллективов специалистами нужного профиля.

Однако по уровню обеспеченности инженерами и техниками край отстает от большинства областей Сибирского региона. Ежегодно в промышленности края более 2000 инженерно-технических должностей остаются вакантными. Об этом говорит и такой факт: почти третья часть директоров и главных инженеров предприятий не имеют высшего образования, 11% должностей начальников цехов и 28,4% старших и сменных мастеров замещают практики. Не хватает технологов, конструкторов, экономистов. Половина инженерно-технических работников заводских лабораторий, технологических и конструкторских подразделений не имеют высшего образования...

Как видим, применительно к Алтайскому краю можно с уверенностью говорить, что инженеров нам не хватает, если не учитывать такого фактора, что на фоне большого количества практиков, занимающих инженерные должности, приблизительно такое же количество инженеров

с высшим образованием работают в качестве рабочих.

Поэтому сегодня мы должны говорить не только об общей обеспеченности инженерами и техниками, но и о формировании рациональной структуры инженерных кадров, о их рациональном использовании.

Многолетние исследования социально-экономических проблем повышения эффективности инженерно-управленческого труда, проводимые в соответствии с договором о творческом содружестве на предприятиях машиностроения Алтайского края и других регионов страны, наглядно показали, что творческий потенциал одной трети обследованных (13 тыс. ИТР) не превышает 35%. На многих предприятиях более 50% ИТР не принимают участия в рационализации и изобретательстве, а на отдельных — 80 и более процентов. Удельный вес затрат рабочего времени на выполнение основных функций не превышает 50%. Более 60% опрошенных заведомо знают, что резервы их труда, их творческий потенциал используются неэффективно. Да и как они могут использоваться эффективно, если в бюджете времени инженера преобладают функции, которыми он заниматься не должен. Эти и другие причины не позволяют ему трудиться высокопродуктивно и качественно. А отсюда КПД инженеров нашей страны в 2—3 раза ниже, чем их коллег в наиболее развитых капиталистических странах.

А как быть с практиками? Тут мы сталкиваемся с двумя проблемами: во-первых, у руководителя-практика зачастую уровень знаний ниже, чем у подчиненного, а, во-вторых, эффективность его труда весьма и весьма незначительна, хотя бывают исключения. Значит, многие специалисты-практики относятся к инженерно-управленческому персоналу только по занимаемым должностям, не выполняя функций этих работников. Инженерно-управленческие кадры в такой структуре не могут качественно решать проблемы, поставленные перед народным хозяйством в условиях высоких темпов развития научно-технической революции. Труд их не будет отвечать современным требованиям науки и техники, не будет достаточно квалифицированным и, следовательно, эффективным. Все это приводит к неправильному использованию высококвалифицированного труда. Дипло-

мированные инженеры заняты на работах, которые должны выполняться техниками, и в то же время инженерно-технические функции выполняют специалисты-практики. Отсутствие специальных знаний сказывается на выполнении любой работы, и уж, конечно, недопустимо, когда в должности, требующей известного научного предвидения, глубоких профессиональных знаний, работает человек, не имеющий специальной подготовки.

Еще один аспект проблемы, который нельзя не учитывать в условиях развитого социализма. И вот почему. Одной из характерных черт современного этапа развития научно-технической революции является появление рабочих-интеллигентов, т. е. когда станками, аппаратами, агрегатами управляют инженеры и техники. Специалистов на рабочих местах с дипломами инженера и техника в промышленности СССР около 8 млн. чел., и темпы роста этого слоя исключительно высоки.

Эта тенденция присуща и промышленности края, так как на рабочих местах заняты специалисты с высшим и средним специальным образованием. Так, на предприятиях г. Рубцовска около 2000 специалистов трудятся на рабочих точках. Однако нельзя не отметить и такой детали, что отдельные инженеры работают на рабочих местах не потому, что этого требует обслуживаемое оборудование, а скорее под воздействием субъективных факторов.

Сокращение процента использования специалистов-практиков, привлечение на инженерно-управленческие должности специалистов, соответствие полученного образования и занимаемой должности работников — все это является резервом повышения эффективности инженерно-управленческого труда. Привести в действие этот резерв можно двумя способами.

Во-первых при сложившейся структуре кадров соотношение между ИТР-практиками и ИТР, работающими в качестве рабочих, таково, что в течение короткого промежутка времени (допустим, 10 лет) можно полностью отказаться от услуг практиков, заменив их специалистами с высшим и средним специальным образованием.

Во-вторых, особого внимания сегодня заслуживает система ускоренной подготовки в вузах и техникумах специалистов-практиков, так как в настоящее время темпы подготовки и переподготовки следует считать замедленными.

Недостатки в формировании структуры инженерных кадров оказывают значительное влияние и на организацию труда, которая, на мой взгляд, является одной из основных причин большой текучести кадров и худшей укомплектованности предприятий Алтая высококвалифицированными специалистами по сравнению с другими краями и областями страны.

Смыкается с этой проблемой и проблема использования специалистов не в соответствии с полученной квалификацией. На предприятиях машиностроения 5,9% инженерно-управленческих работников имеют специальности агрономов, учителей, зоотехников, библиотечных работников и др. Труд этих работников на инженерно-управленче-

ских должностях мало чем отличается от труда специалистов-практиков. Уровень знаний и теоретической подготовки не соответствует занимаемой ими должности.

Почему упал престиж инженерного труда? Как было сказано выше, КПД инженерного труда не отвечает возрастающим требованиям социалистического производства, и особенно в условиях его интенсификации. В чем же основные причины и как их устранить? Как предотвратить нежелательные социально-экономические последствия иррационального использования инженерного труда?

Так, в результате снижения КПД инженерного труда планы НИР одиннадцатой пятилетки из года в год не выполняются, еще более обостряется проблема нехватки рабочих рук. Не выполнены планы освоения новой продукции, прогрессивных технологий, механизации и автоматизации. Почти вдвое снизился экономический эффект на каждый рубль затрат (с 90 коп. в 1980 до 48 коп. в 1984 году), а на отдельных заводах он составляет от 2 до 9 копеек.

Одна из главных причин — в порочной практике использования специалистов не по прямому назначению. Приведу конкретный пример. Так, в процессе проведения исследования автору приходилось принимать участие в планерках, селекционных переключках, на которых решались производственные вопросы, но которые, как правило, заканчивались выдачей разнарядки для руководителей отделов о посылке ИТР для выполнения несвойственных их труду работ. Допустим, направить 25 конструкторов для работы в цехе, 30 технологов — в подсобное хозяйство и на разгрузку вагонов. ОТиЗ и плаповые отделы — на мясокомбинат и стройку. Юридический, финансовый отделы и бухгалтерию — на уборку территории и покраску детского сада и т. д.

В отдельные месяцы, в зависимости от масштабов предприятия, общая численность отвлеченных составляет от 150 до 500 человек ИТР.

Мотивировка почти всегда одна: привлечь ИТР для работы в цехе в связи с невыполнением производственного плана. Но, может быть, привлечение ИТР для работы в цехе действительно способствует выполнению плановых заданий? К сожалению, нет. В 95 случаях из 100 таких привлечений планы не выполняются. Не выполняются одновременно и планы по конструкторской и технологической подготовке производства, внедрению мероприятий по новой технике и других трудосберегающих мероприятий. Инженера не прельщает даже двойная оплата — оклад плюс заработок в цехе. Он хочет заниматься своим делом. Генеральный директор Алтайпрессмаш В. М. Крымов как-то признался: «Рабочего я в поле не пошлю, так как он сегодня кормит меня и инженера, поэтому я должен послать на сельхозработы лучших инженеров» (Алт. правда, 1985 г., 20 июля). Ошибочность таких взглядов и практических действий очевидна. Уместно вспомнить слова, сказанные Генеральным секретарем ЦК

КПСС М. С. Горбачевым на апрельском (1985 г.) Пленуме, что «каждый должен заниматься своим делом, добросовестно выполнять свои обязанности. Нельзя добиться существенных результатов ни в одной сфере деятельности до тех пор, пока партийный работник будет подменять хозяйственника, инженер—курьера, ученый будет работать на овощной базе, ткачиха на ферме». Наверное, неправомерно утверждать, что кто-то кого-то кормит. Этот процесс взаимосвязан, и деятельность одной категории работников всецело зависит от деятельности другой. Однако это далеко не единственная причина нерационального использования инженерного труда. Можно перечислить и другие противоречия, характерные для современного этапа развития социалистической экономики. И прежде всего неантагонистические противоречия: между коллективной по форме и индивидуальной по содержанию организации труда; между высокими темпами роста численности инженеров и нерациональным использованием их; между высокой насыщенностью ими большинства отраслей народного хозяйства и недостаточно высокими темпами роста научно-технического прогресса (НТП) и производительности труда; между общими тенденциями роста социальной и творческой активности и снижением ее у некоторой части ИТР за результаты индивидуального и коллективного труда; между высокими темпами роста средней заработной платы рабочих и замедленными темпами роста ее у ИТР.

Исходя из этих противоречий, к числу основных причин нерационального использования инженерного «корпуса» страны, по мнению автора, можно отнести: незыблемость традиционных, устоявшихся годами форм организации и стимулирования труда; несоблюдение оптимальных соотношений не только в структуре кадров по образованию, но и по профессионально-должностным группам (инженер—техник—рабочий); низкий уровень разделения и кооперации труда, что не позволяет широкому развитию коллективистических начал в организации их труда; недоиспользование квалификации и отсутствие заинтересованности в ее повышении; повсеместное использование на несвойственных их образованию и квалификации работах; недостаточно высокий уровень организации социалистического соревнования; низкий уровень технической вооруженности инженерного труда и др.

Каков же выход? Что надо сделать, чтобы в кратчайшие сроки устранить перечисленные социально-экономические противоречия? Думается, что основные магистральные пути повышения социальной и творческой активности ИТР указаны в материалах апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, Совещания по ускорению научно-технического прогресса.

Резервы развития творческого потенциала инженера. В процессе социальных исследований не раз приходилось слышать такие заявления: а какие могут быть резервы у инженера? Вот у рабочего они есть. Надо больше заниматься резервами рабо-

чих, а инженеров надо оставить в покое. Вместе с тем большинство обследованных были единодушны в том, что ускорение темпов НТП во многом зависит от повышения творческой и социальной активности всех социальных групп общества, но в первую очередь от инженеров и техников. Современные темпы научно-технической революции, бурное развитие науки и техники, комплексная механизация и автоматизация производства, химизация производственных процессов, внедрение электронно-вычислительных и других быстродействующих машин, кибернетических устройств в управлении производством вызвали колоссальное ускорение развития производственных, экономических и социальных процессов. Возросло значение фактора времени, его цена.

Поэтому необходимость рационального использования резервов инженерного труда диктуется современным уровнем развития экономики и зависит в немалой степени от повышения социальной активности самих инженеров.

Попытаемся дать классификацию резервов повышения эффективности инженерно-управленческого труда, учитывая то обстоятельство, что подобной классификации в научной литературе нет. Перечислим отдельные элементы классификации, не устанавливая пока их субординации: отсутствие оптимальности структуры инженерных кадров; недоиспользование трудоспособности и работоспособности, уровня квалификации; недооценка социально-психологической атмосферы в инженерных коллективах; недостаточный уровень дисциплинированности инженерных кадров; неудовлетворенность трудом и условиями труда; слабая зависимость оплаты от качества и количества затрачиваемого труда; неудовлетворенность существующими системами премирования, действующим порядком личного и заводского планирования, существующим разделением и кооперацией труда, уровнем НОТ и технического нормирования, уровнем постановки научно-технической информации; неудовлетворенность уровнем механизации инженерного труда, выполнением несвойственных инженерному труду работ, уровнем организации социалистического соревнования и движения за коммунистическое отношение к труду, стилем работы руководителей, действующими системами морального поощрения.

Исследования, проведенные по выявлению резервов в труде ИТР, дают основание говорить о том, что приведение этих резервов в жизнь зависит не только от действующей системы оплаты труда и стимулирования, как считают многие авторы, но и создания необходимых предпосылок для решения многих социально-экономических проблем.

Бесспорно, что правильно определить творческий потенциал ИТР, наметить пути рационального использования этого потенциала невозможно без детального изучения и глубокого анализа социальных резервов и факторов экономического и культурного роста, ускорения закономерностей формирования структуры ценностей в их труде.

Инженер и техническое творчество. В текущей пятилетке в копилку экономии изобретателей и рационализаторы Алтая внесли 244 млн. рублей от внедрения 154 тысяч предложений и изобретений. Хорошо это или плохо? Конечно, хорошо. Но не лишним будет разобраться: а какой вклад в эту копилку внесли инженерно-технические работники?

Участие ИТР в техническом творчестве зависит от многих факторов: образования, должности, специальности, содержательности труда и т. д. Исследование показало зависимость между отношением инженера к рационализаторской и изобретательской деятельности и его должностью. Меньше всех занимаются рационализацией и изобретательством экономисты; самый высокий (80%) уровень приходится на начальников цехов, их заместителей, руководителей отделов, лабораторий. Подобные данные можно объяснить характером самого труда ведущих специалистов. Исследования показывают, что среди тех, кто активен в рационализации и изобретательстве, 58% приходится на отделы, 31 — на цехи, 11% — на лаборатории. Это естественно, так как в отделах имеются большие возможности да и условия для занятий техническим творчеством. Так, на Барнаульском заводе геологоразведочного оборудования 94% ИТР, занимающихся рационализацией и изобретательством, падает на отделы; на заводе агрегатов — 90%, а вот на Бийском котельном и на АТЗ больший процент ИТР, занимающихся техническим творчеством, приходится на цехи. В известной мере такая разница объясняется также и тем, что далеко не на всех предприятиях специалисты, ответственные в цехах за рационализацию и изобретательство, достаточно серьезно относятся к порученному делу.

Основная масса ИТР главной причиной, мешающей им заниматься новаторством, считает перегрузку по основной работе. Многие — недостаточное материальное и моральное стимулирование и т. д. Подавляющее большинство инженеров указывает также на то, что они занимаются производственной необходимостью или в свободное время. В связи с неуклонным ростом благосостояния нашего народа и установлением двух выходных дней в неделю возникла социальная проблема — обеспечить советскому человеку условия для интересного проведения досуга. Практика показывает, что только тот человек может с пользой для себя и для общества проводить свой досуг, который умеет вносить в свои любительские занятия творческий элемент. А поэтому перед культурно-просветительными учреждениями ставится задача: сделать так, чтобы деятельность рабочего, инженера, ученого в свободное время носила творческий характер. В этом смысле организация ВОИР нужно теснее сотрудничать с домами техники, клубами, домами и дворцами культуры в развитии самостоятельного технического творчества среди трудящихся. Совместно с ними необходимо организовать постоянные лекции по проблемам техники, университеты и школы техни-

ческого творчества, помогать названным учреждениям найти квалифицированных руководителей и преподавателей по методике решения изобретательских задач, совместно проводить конкурсы и т. п.

Сопоставление результатов нашего исследования с аналогичными исследованиями других ученых (в частности, на предприятиях г. Челябинска) наглядно показывает, что и на Урале приобщены к изобретательству и рационализаторству далеко не все инженеры — 54,8%. И лишь 19,3% из них регулярно подают заявки на предполагаемые изобретения и рационализаторские предложения.

Большое значение в развитии творческой активности ИТР имеет хорошо поставленная система информации о передовом научно-техническом и производственном опыте.

У нас в крае действует разветвленная сеть информационной службы — центр научно-технической информации, три филиала разных НИИ, более ста отделов и бюро на предприятиях, которые собирают, обобщают, распространяют сведения о достижениях науки и техники, усовершенствовании машин, оборудования, технологии производства.

Однако работа этих служб далека еще от совершенства.

По данным социологического исследования, одной из причин несоответствия личных творческих планов современным достижениям науки и техники инженеры назвали недостаток информации о передовом опыте.

Специалист сегодня не в силах самостоятельно проследить за достижениями науки и техники даже в одной отрасли знаний. Постоянный рост объема сведений о научно-технических достижениях и передовом опыте обязывает службы информации совершенствоваться и искать новые формы работы, которые бы давали возможность ученым, инженерам, новаторам производства сберечь время, быстрее узнавать о технических, технологических, управленческих новшествах. И самим в этом процессе активно участвовать.

Рабочее и свободное время инженера. Эффективность труда инженера проявляется не только через ускорение НТП, создание новой техники и технологии, но и через экономию рабочего и рациональное использование свободного времени. Ведь производственные, экономические и другие процессы протекают во времени и зависят в конечном счете от того, как мы используем это время — как рабочее, так и свободное.

В. И. Ленин указывал, что наша задача — добиться того, чтобы трудящиеся постепенно учились сами понимать и видеть, как и сколько надо работать, как и сколько можно отдыхать. Анализ использования рабочего времени ИТР показал, что значительная его часть тратится нерационально. Прежде всего, велик удельный вес непродуцируемых затрат. Причем из года в год величина непродуцируемых затрат и потерь времени не сокращается и остается относительно стабильной; в целом

по отрасли непроизводительные затраты времени ИТР составляют в среднем 15%.

При сложившейся ситуации наше общество вправе рассчитывать на более высокую отдачу от ИТР. Но, как свидетельствуют результаты исследования, с одной стороны, развитие социалистической экономики, науки и техники, ускорение темпов НТП подтверждают повышение роли инженерного труда в решении многих важных проблем народного хозяйства, с другой же стороны — значительная часть специалистов остается незагруженной по основной работе, недооценивается их значение в решении социально-экономических задач, наблюдается процесс снижения их роли на производстве под воздействием в основном субъективных факторов. Бюджет времени и его структура (рабочее, внерабочее и свободное время) нельзя рассматривать изолированно. Между рабочим и внерабочим временем существует взаимосвязь. Рабочее время расходуется на выполнение общественно необходимых работ. Величина и качество этих работ зависят также и от рационального использования внерабочего времени, связанного с производством. В свою очередь, сокращение границ рабочего времени в общественном производстве увеличивает свободное время.

Проблема увеличения и рационального использования свободного времени занимает особое место в прогрессе человеческого общества, в поступательном движении к коммунизму, при котором, как говорил Карл Маркс, «мерилом богатства будет уже не рабочее время, а свободное время». Далее К. Маркс, анализируя вопрос о рабочем дне в условиях капитализма, замечает, что свободное время — это время, которым человек может располагать «для образования, для интеллектуального развития, для выполнения социальных функций, для товарищеского общения, для свободной игры физических и интеллектуальных сил». Сравнительный анализ использования свободного времени ИТР и рабочими показал, что оно весьма неадекватно, и особенно по тем статьям, которые отнесены к понятию «возвышенная деятельность». У инженера на эти цели расходуется больше свободного времени. Очевидно, большой удельный вес затрат времени на учебу и самообразование вытекает из тех требований к труду ИТР, которые продиктованы высокими темпами научно-технического прогресса, усложнением производственной деятельности, что интенсифицирует потребность в дополнительных знаниях и постоянном их обновлении. Однако их величина в бюджете свободного времени пока незначительна. Говоря о резервах свободного времени, можно утверждать, что рациональность его использования определяется качеством его расходования, т. е. путем формирования у ИТР, рабочих и др. социальных групп таких потребностей, которые наиболее значимы как для них, так и для общества в целом.

Анализ структуры свободного времени ИТР на предприятиях Алтая показал, что объем его у них достаточно большой, а качество использования далеко не оптимальное. К сожалению, сегодня свободное

время значительно больше тратится на отдых и намного меньше на развитие научно-технического и любительского творчества вообще и ИТР в частности. Недооценка занятий техническим творчеством в свободное время может привести к понижению творческой активности, социальной ответственности. Нельзя считать нормальным, когда в свободное время только 2% ИТР — женщин и 10% — мужчин занимаются творческой работой. Между тем, по их мнению, занятия творческой работой способствуют развитию индивидуальных способностей, творческого потенциала. Практикой доказано, что свободное время является важнейшим фактором развития личности человека. Однако если на предприятиях города не создано соответствующих условий для проведения досуга, то свободное время может тратиться на цели, которые противостоят принципам социалистической морали (пьянство, хулиганство и др. антиобщественные действия), т. е. расходуется на социально вредные виды «деятельности». Поэтому, как это ни парадоксально, свободное время создает иногда предпосылки для нарушений трудовой дисциплины.

Ускоритель развития творческого потенциала. Могучим рычагом и реальной предпосылкой ускорения научно-технического прогресса, получения наибольшего экономического эффекта от его развития является совершенствование организации социалистического соревнования ИТР, призванных соединить технические достижения с преимуществами социализма. Научная организация соревнования инженеров, разработках ими творческих планов (паспортов), действенное материальное и моральное стимулирование и последовательное применение ленинских принципов организации трудового соперничества способны стать важным условием развития резервов роста производительности труда. «Социалистическое соревнование инженерно-технических работников, — писал В. В. Куйбышев, — должно явиться соревнованием революционной технической мысли на деле...»

Соревнование, будучи в настоящее время сложным общественным явлением, в процессе которого разрабатываются условия, принимаются обязательства, организуется их выполнение, подводятся итоги и определяются победители, нуждается не только в управлении, но и не может развиваться без инженерного обеспечения. Решающая роль здесь принадлежит хозяйственным руководителям и общественным организациям. Вместе с тем эта работа должна осуществляться при активном участии инженеров предприятий, специалистов научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро и проектных организаций. В силу специальной подготовки и характера своей деятельности они глубже знают перспективы развития производства и поэтому могут с большим эффектом вскрыть имеющиеся резервы, на их основе определить трудовым коллективам, отдельным рабочим оптимальные рубежи в борьбе за повышение производительности

труда и улучшение качества работы, наметить наиболее выгодные варианты технологических и экономических решений, т. е. обеспечить техническую и экономическую обоснованность планов и обязательств. Как показывает практика, участие в соревнованиях инженеров и научных работников дает двойной эффект. Прежде всего такое соревнование способствует лучшему использованию творческих возможностей каждого исследователя и инженера, побуждает их вскрывать и приводить в действие глубинные (скрытые) резервы, воспитывает чувство ответственности за развитие отечественной науки и техники. В последние годы разработаны рациональные организационные формы участия научных и инженерно-технических работников в социалистическом соревновании — это личные творческие планы, договоры содружества предприятий и НИИ, в которых предусматривается конкретное участие инженеров, научных работников в совершенствовании техники, технологии и организации производства, во внедрении передового опыта, в экономии материальных и трудовых ресурсов. Исследование показало, что экономическая, воспитательная и социальная эффективность соревнования инженерно-технических и научных работников значительно повышается, если соблюдается принцип дифференцированного подхода к организации трудового соперничества с учетом профессионального, образовательного, возрастного и других факторов, партийности. Пока они не учитываются вообще. Кроме того, значительная часть руководящих работников объединений (предприятий) неоправданно выпадает из соревнования. У них, как правило, отсутствуют личные творческие планы (паспорта).

Получается парадоксальное явление: те, кто в первую очередь несет ответственность за организацию соревнования, кто отвечает за его качественную сторону, остаются в стороне от этого важного дела. Не случайно, что и ответственность за весь процесс организации соревнования понижена.

Совсем выпадают из этой формы (вида) работники управления городов края, включая партийных и профсоюзных работников, руководители предприятий и структурных подразделений.

Не подлежит, с нашей точки зрения, сомнению тот факт, что руководящие работники и другие специалисты среди всех звеньев управления должны в обязательном порядке участвовать в соревновании. Организовать его необходимо так, чтобы мерилом их труда была конкретно выполненная работа, творческая инициатива, обобщение и внедрение передового опыта. Ведь именно эти работники располагают наибольшей социально-экономической информацией о производственной и общественной деятельности предприятий (объединений). А конечный результат такого соревнования будет зависеть от принятия действительных мер со стороны отраслевых министерств, отраслевых ЦК профсоюзов, партийных и профсоюзных органов.

Формальное, незаинтересованное отношение к организации соревнования создает

ненормальную социально-психологическую обстановку в коллективах, ведет к понижению роли человеческого фактора, социальной ответственности за конечные результаты работы. Недооценка чисто человеческого фактора вообще и в соревновании в особенности приводит к недоиспользованию на практике знаний, умения, опыта, способностей, творческих устремлений ИТР, а следовательно, и других социальных групп.

Трудно переоценить те большие возможности дальнейшего улучшения работы ИТР на машиностроительных предприятиях, которые выявлены с помощью обследования. Ведь речь идет не о каком-нибудь незначительном резерве, а о путях резкого увеличения производительности. Следует сказать, что руководители и партийные комитеты предприятий нередко знают об имеющихся резервах и принимают соответствующие меры для того, чтобы организация труда и соревнования стимулировала более полную отдачу каждого члена коллектива. Но знание проблемы в целом еще не есть единственное условие успешного решения частных, конкретных задач на каждом отдельном участке.

Из наиболее важных, по нашему мнению, причин, выявленных в ходе исследования и непосредственно влияющих на уровень трудовой и общественной активности инженерно-технических работников, являются те, которые относятся к чисто человеческому фактору. Они охватывают область отношений и взаимоотношений людей (как друг с другом, так и руководителей и подчиненных) и в известной степени характеризуют социально-психологический климат коллектива. Необходимо постоянное совершенствование форм и видов трудового соперничества, поиск наиболее эффективных из них приводят к расширению сферы социалистического соревнования. Немалую пользу принесло, как известно, предприятиям движение за составление личных творческих планов (ЛТП) инженеров, лицевых счетов экономии и т. д.

По нашему мнению, соревнование за разработку и реализацию ЛТП является наиболее совершенным видом соревнования. По сути своей личный творческий план — это то же сообязательство, но подкрепленное экономически обоснованными расчетами. Этот документ предусматривает конкретный вклад каждого специалиста в дело ускорения темпов научно-технического прогресса, повышение эффективности производства. Он, кроме того, делает возможным сравнимость, наглядность и гласность результатов соревнования.

В частности, анализ качественной стороны включаемых в ЛТП пунктов показал, что преимущественно в них находят отражение мероприятия, направленные на: 1) техническое совершенствование производства, 2) совершенствование организации производства и труда, 3) повышение качества продукции, 4) улучшение экономической работы, 5) внедрение рационализаторских и изобретений, 6) эффективное использование основных фондов, сырья, энергии, 7) повышение квалифицированного и образовательного уровня.

Известно, что инженер только тогда считается участником трудового соперничества, если он имеет напарника по соревнованию и если между ними заключен договор на него. По данным объединений и предприятий, удельный вес соревнующихся достигает 95—100%. Но выявлено и другое: значительная часть специалистов не имеет соперника по соревнованию, их участие в соревновании опосредствовано, т. е. они формально считаются его участниками. Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что действующая на предприятиях организация соревнования не в состоянии в полной мере раскрыть творческие способности специалистов, порождает элементы формализма, равнодушия, неудовлетворенности трудом.

Поэтому, на наш взгляд, значительная часть опрошенных (24%) инженерно-технических работников пассивна в труде, и соревнование для них стало лишь необходимостью исполнения требований профсоюзного комитета и администрации, а не внутренней потребностью.

О вкладе и окладе инженера. Сегодня можно слышать противоречивые мнения об оплате труда инженеров. Одни настаивают на том, чтобы были повышены оклады ИТР в масштабе страны. Другие полагают, что сближение уровней средней заработной платы рабочих и инженеров вполне закономерное явление, мотивируя это явление тем, что в век НТР труд рабочего «дорожает», а труд инженера «дешевеет». При этом ссылаются на опыт капиталистических стран, утверждая, что в условиях НТР все меньше остается желающих заниматься тяжелым физическим трудом.

Но в этом, по нашему мнению, и состоит главное противоречие, так как и сложность техники, которую создает инженер, и наличие тяжелого физического труда зависят от творческого потенциала инженерного корпуса страны, от форм и системы оплаты их труда. Уместно вспомнить указание В. И. Ленина: «...необходимо оставить на известное время более высокое вознаграждение специалистов, чтобы они могли работать не хуже, а лучше, чем прежде...» Видимо, и сегодня это ленинское положение не потеряло своей значимости, и нужно не только о нем помнить, но и руководствоваться им в практической деятельности. Сегодня, если не считать определенной части общественных фондов потребления, каждый гражданин у нас имеет право лишь на такие блага, которые соответствуют качеству и количеству его общественно полезного труда. Только на это. И тут важны строгий учет и строгое соблюдение этого принципа — так говорилось на июньском (1983 г.) пленуме ЦК КПСС. А пока за последние сорок с небольшим лет заработная плата рабочих выросла в 1,8 раза, а у ИТР лишь в 1,4 раза, т. е. разрыв сократился с 215% до 105—110%. Если не предотвратить преждевременное сближение, то в 1990 году средняя заработная плата рабочих и ИТР с учетом руководящего звена управления сравняется. А это означает, что к тому времени будут сглажены различия между умственным и

физическим трудом, между квалификацией рабочих, инженеров и т. д. Тогда как в развитых капиталистических странах (ФРГ, США, Великобритании, Японии) темпы сближения в два-три раза ниже, а разрыв составляет 150%. При этом сторонники, которые оправдывают сближение уровней заработной платы двух категорий работников, не замечают главного, а именно того, что в капиталистических странах у рабочих она растет за счет повышенной интенсивности, хищнической эксплуатации рабочего класса, тогда как у нас она растет при общественно нормальной интенсивности труда. И только в отдельных случаях, когда она ниже общественно нормальной, — это негативно сказывается на темпах развития социалистической экономики.

Что касается различий в оплате труда рабочих и управленцев в капиталистических странах, то, например, в 1984 году более чем трехнедельный заработок фабричного рабочего в США был равен по оплате труда одному часу работы администратора («Экономические науки», 1985, № 2, с. 77). Причина, по нашему мнению, кроется в другом. Надо в корне рационализировать действующие системы оплаты труда и премирования, устранить уравнительность в оплате труда. Сами ИТР указали, что действующие системы оплаты труда не учитывают полностью их трудового вклада (43% от численности опрошенных), 33% — их добросовестности, 17 — качества работы, 60% — указали на уравнительность в премировании. Как же преодолеть эти нежелательные тенденции? Например, многие руководители обследованных предприятий в один голос заявляют, что для повышения КПД инженерного труда надо повысить должностные оклады. Споры нет, надо. Но всем ли? Надо ли дополнительно стимулировать тех, кто сегодня подшивает и перекладывает бумаги, занимается непроизводительной работой? Зарплата их возрастет, а эффективность труда вряд ли. К тому же в условиях интенсификации экономики сегодня и в будущем вряд ли можно рассчитывать на дополнительное отвлечение денежных средств из «казны» государства. Да и нужно ли это делать? Анализ расходов инженерного фонда заработной платы за последние 10 лет на обследованных предприятиях показал, что он недоиспользуется на 10—20%, а из-за неуккомплектованности инженерными кадрами — на 30 и более процентов. Таким образом, можно утверждать, что фонд заработной платы вполне достаточен для стимулирования труда тех инженеров, чей творческий потенциал особенно высок. Расчеты показали, что величина его в среднем на одного инженера в месяц составляет 30—40 руб. Об этом свидетельствует опыт предприятий страны и Алтайского края. В частности, переход на бригадную форму организации труда инженеров Алтайского моторного, тракторного производственных объединений, завода Алтайсельмаш, НПО АНИТИМ и Рубцовского проектно-конструкторского технологического института, предприятий Ростова, Челябинска, Ташкента, Павлодара, Ульяновска и Ленинграда показал, что заработная плата стала распределяться в со-

ответствии с количеством и качеством затраченного труда. Почти полностью устроена уравниловка в организации премирования. И это не только мнение автора, но почти единодушное мнение ИТР предприятий перечисленных городов. Значительно повысилась социально-экономическая эффективность инженерного труда. Применение новых систем оплаты и премирования (аккордная, сдельно-премиальная, косвенно-сдельная) позволяет более справедливо стимулировать тех инженеров, КПД труда которых особенно высок. Поэтому полностью подтверждается предвидение В. И. Ленина, что: «Лучшие администраторы, инженеры, техники должны быть поставлены в более благоприятные условия для полного применения сил в интересах социалистического хозяйства». Претворению в жизнь этих принципов будет способствовать принятое постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О совершенствовании оплаты труда научных работников, конструкторов и технологов промышленности», в котором предусмотрена более гибкая система повышения должностных окладов за счет внутренних источников предприятий, т. е. того фонда заработной платы, который выделяется ИТР, а экономия этого фонда расходуется на установление доплат за повышенную интенсивность и высокую квалификацию.

Нужны новые формы организации инженерного труда. Практика свидетельствует, что традиционные, стоявшиеся годами формы организации инженерного труда ведут к разбуханию их численности в административном и управленческом аппарате, к дроблению, а не централизации функциональных служб. А главное, при росте их численности мало что изменяется в производственном процессе, медленными темпами растут производительность труда и темпы научно-технического прогресса. Следовательно, речь идет о необходимости создания таких социально-экономических основ, которые способствовали бы разработке и апробации новых форм организации инженерного труда, так как существующие становятся малоэффективными. Назрела необходимость коренного пересмотра традиционных форм организации и стимулирования инженерного труда. По нашему мнению, традиционные формы должны сменить коллективные (нестандартные) формы организации и стимулирования труда. Такие, как комплексные специализированные творческие бригады, коллективный подряд, временные научно-производственные подразделения, программно-целевые коллективы, комплексные инженерные подразделения с широким применением нетрадиционных систем оплаты труда.

Необходимость развития коллективных форм организации труда — объективная необходимость сегодняшнего дня и более длительной перспективы. Об этом свидетельствует опыт предприятий, где внедряются коллективные формы инженерного труда. В среднем по обследованным предприятиям увеличился объем работ на 15%, трудоемкость снизилась на 16%, рост производительности — на 18—20%, сокра-

щение численности — на 3—14%, при росте средней заработной платы от 7 до 26%, на 11% возросло количество законченных разработок, на 16% — поданных изобретений и рацпредложений.

Однако некоторые руководители предприятий, структурных подразделений считают, что переход на коллективную форму организации труда автоматически позволяет повысить уровень заработной платы и величину доплат к должностным окладам. Увы, это далеко не так. Переход на коллективные формы труда преследует вполне конкретные цели: выполнение больших объемов с меньшей численностью работников, повышение конкурентоспособности создаваемой технологии, повышение производительности, интенсивности и качества труда, снижение проектной трудоемкости на базе повышения материальной заинтересованности.

Опыт внедрения новых форм организации труда на обследованных предприятиях и НИИ показал, что их внедрение требует создания необходимых социально-экономических и организационно-технических условий: это, во-первых, установление нормативного фонда заработной платы как минимум на пятилетку, его корректировка с учетом выполнения планов по новой технике и установление надбавок к окладам по усмотрению руководителя бригады, отдела с дальнейшим утверждением руководителем предприятия; во-вторых, качественное совершенствование планирования и нормирования труда на базе межотраслевых, отраслевых и местных укрупненных нормативов; в-третьих, повышение технической «вооруженности» труда за счет создания автоматизированных рабочих мест индивидуального и коллективного пользования; в-четвертых, внедрение хозяйственного расчета и доведение до инженерных коллективов конкретных оценочных показателей (объем работ, численность, снижение трудоемкости, рост производительности труда, экономия материальных ресурсов, фонд заработной платы). И, конечно, решение всех методических и правовых вопросов. В частности, совместно с трудовыми коллективами, где внедряются коллективные формы, нами был разработан комплекс локальных нормативных документов (положений): «Об организации планирования, нормирования и учета выполненных работ», «Комплексный план проектирования и их внедрения», «Об организации оплаты труда и премирования», «Об аттестации ИТР», «Условия организации социалистического соревнования», «Трудовой паспорт инженерного коллектива» и др. Каждый член бригады или другого коллектива должен четко знать не только сами условия и положения, но и свои функциональные обязанности на случай отсутствия своих коллег на работе.

Не случайно инженерные коллективы, работающие в новых условиях, категорически отказываются от выполнения не своих собственных их труду работ.

Создание необходимых условий в настоящее время по силам руководителям предприятий при содействии министерств и их научных подразделений. Но есть дру-

гие нерешенные проблемы, которые требуют вмешательства директивных органов.

Думается, что дальнейшее развитие нововведения будет зависеть от принятия в масштабе страны соответствующего нормативного документа, разрешающего руководителям предприятий и НИИ самим решать вопрос о целесообразности применения новых форм организации инженерного труда без обращения за разрешением в вышестоящие органы, если нововведение способствует выполнению планов с меньшей численностью работников. Пока что, несмотря на принятие Закона о повышении роли трудового коллектива, всякая инициатива снизу натывается на «частокол» всевозможных ограничительных инструкций. И зачастую не получает своего развития.

Предвижу возражения: а не приведет ли введение новых форм организации и стимулирования труда к уходу с предприятий специалистов, не подскочит ли текущая? Анализ показал: две трети уволившихся по этой причине — лица со средним образованием и практики. Результат говорит сам за себя. Ускоряется процесс высвобождения людей, не подготовленных для выполнения инженерных функций, уходит те, кто занимал место в силу сложив-

шихся обстоятельств и «щедрого» штатного расписания. Наверное, не беда, если некоторые из них пополнят ряды рабочих. Ведь сегодня из-за того, что часть инженерного корпуса неудовлетворительно справляется со своими обязанностями, мы испытываем как раз дефицит рабочих рук. Более того, нововведение позволит вернуть способных инженеров и управленцев, ушедших к станку, которые более полно раскроют свои возможности, как говорится, с большей пользой и для себя, и для технического прогресса родного цеха, завода, всей нашей страны.

В заключение хочу сказать, что если директор объединения полагает, что при предоставлении соответствующей самостоятельности и прав он мог бы сократить численность ИТР на 20—30%, то, очевидно, такое утверждение не лишено экономического смысла и является следствием многолетнего опыта работы и соответствующих экономических расчетов. По нашим ориентировочным подсчетам, внедрение КФОТ уже в ближайшей перспективе позволит высвободить 5—7% инженерно-технических работников. Не условно, а фактически. Тем самым позволит полностью перекрыть дефицит рабочей силы.

Александр НЕВСКИЙ

НАСЛЕДСТВО ИВАНА МАЛКОВА

Приалейская степь... Солона, горька и хлебна земля равнинная. Пила и пила бы она потрескавшейся плотью распаханых полей родниковую воду, да скрыта вода под каменной толщей. Под землей разливаются реки, а на полях от горячего суховея увядают зеленые всходы пшеницы.

Иван поднялся на вершину сопки и окинул взглядом широкое поле. Чуть всхолмленная равнина уходила далеко к горизонту. На чистой синеве неба курчавились серебряные облака. И ковыли, ковыли, ковыли — насколько хватает глаз. Освещенные сиянием небесной голубизны, ковыли плескались необозримым морским прибоем.

Да, да... Время помнит и знает: здесь море плескалось. Но высохло море, а волны остались. Ковыльное море целинной степи.

Иван перевел взгляд к подножию соседней сопки.

...Песчаная дорожка, убегающая по крутому склону к реке, стриженные норки в обрыве, глубокие омуты, в которых окуни, попав на крючок, сгибают удилища дугой; высоко в небе плавают коршуны, высматривая добычу.

Иван пропустил между пальцев стеблек ромашки, подержал на ладони белый венчик с золотой головкой, полюбовался цветком, на лепестках которого с замиранием сердца девочки пытаются разгадать вечную тайну любви, но обрывать лепестки не стал.

И степь ему в тот день казалась особенно живой и красочной. У Ивана Малкова было много радостных событий. Он закончил сельскохозяйственный техникум, стал агрономом-семеноводом — ему не надо гадать на ромашке... А выразительные глаза Серафимы излучают такой радостный свет, когда они смотрят друг на друга, так громко бьются их сердца, когда они рядом, — что уж тут гадать?

Ивана ждут хлебные нивы. Он выведет новый сорт пшеницы, засеет янтарными зернами целинное поле.

Он будет выращивать хлеб. И непременно поступит в сельскохозяйственный институт. Необходимы более глубокие знания о маленьком пшеничном зернышке. Природа создала его в великой тайне от человека, как и все вокруг. Но человеку она дала разум, как бы сказав: «Разгадай!» Вот Иван и хочет разгадать...

Сибирский колосок должен быстрее созревать, не мерзнуть, не бояться суховея, не болеть, не осыпаться, не падать под

напором ветров и дождей, не прорасти на корню или в снопах... Сибирь требует особой закалки. А этот нежный сизо-зеленый росточек... Вдохни, агроном, в него жизнь, придай ему стойкость и силу. На это потребуются многие годы, может быть, вся жизнь. Вот если бы успеть... Коротка жизнь человека, а жизнь пшеничного стебелька еще короче. У человека жизнь продолжают дети, а у колоска — зернышко. Иван усмехнулся: «Самый «многодетный» человек на земле — это агроном. Каждое выращенное семенное зернышко — его детище».

Иван спустился с сопки и легко зашагал через поле к селу. Сегодня он одолел изрядный путь, от Бийска до Локтя. И ехал, и шел. Бывало, ходили они вместе с братом Александром. Двоим веселее шагать. Сколько дум доверено друг другу, сколько истин в спорах родилось. А впереди — каникулы, радостная встреча с мамой, самым родным человеком на свете, вечно живущим в заботах о них. Валя, Александр, Аркаша и он, Иван, всех надо было вывести на дорогу трудовой жизни, поставить на ноги. А мама работает техничкой в школе, и заработок у нее не ахти какой. Ничего, скоро Иван самостоятельным человеком будет, помощником.

...Заявился на порог родного дома. Из-под кепки упрямая челка, ворот рубашки расстегнут, на одном плече форсисто держится пиджак, брюки заправлены в сапоги. На лацкане пиджака комсомольский значок и значок ГТО.

Мать бросилась к сыну, обняла, всплакнула.

— Худой-то какой! Голоден, поди? Садись, молочка испей, — заторопилась, наливая в кружку парного молока из глиняного кувшина.

Иван поел наскоро и позвал брата:

— Саш, неси шахматы. Сыграем.

Мать не успела сказать слово, как на столе, рядом с краюшкой хлеба и кринкой молока, появилась истертая шахматная доска с кучей фигурок.

Братья склонились над шахматной доской. Началось сражение. Пошли в ход короли, пешки, кони...

— Мат!

Иван быстро входил в азарт. Потирая руки, он просил:

— Давай, братка, еще сразимся.

— Нет, неинтересно так. Все время обыгрываешь. Ищи другого напарника, — буркнул Александр. Иван смеялся:

— За одного битого — двух небитых дают.

Получив назначение в Успенскую МТС, Иван Малков приступил к обязанностям агронома-семеновода. В селе Самарке организовывалось семеноводческое хозяйство. Колхоз носил имя Карла Маркса. Здесь и началась трудовая деятельность молодого агронома. А в Успенской больнице работала Серафима. Жена.

В субботу съездили в ЗАГС, расписались. Вечером пели, плясали и веселились от души.

— Горько! Горько!

А патефон перекрывал голоса друзей: «...И тот, кто с песней по жизни шагает...»

Иван целовал смущенную Симу, заглядывая в ее большие ласковые глаза. А сам думал: «Почему на свадьбах кричат «горько»? В любви надо желать не горечи, а сладкой радости».

Жизнь налаживалась. Радовалась мать, глядя на детей. Работящие, добрые ребята выросли.

Иван ушел с головой в дела. Возвратившись вечером с поля, он садился за стол, читал книги, газеты, журналы — пополнял знания. На книжной полке появились томики Маркса, Ленина, Толстого, Пушкина, Докучаева, Мичурина, Сеченова, Тимирязева... Увлекался биологией растений и поэзией. Потихоньку сочинял сам, записывая стихи в блокнот. Мечтал написать поэму о земле и хлебе. А разве не поэтичны пшеничное зернышко и голубые россыпи незабудок на опушке березовой рощи? Разве лишены поэзии проклюнувшиеся из земли всходы или забронзовевшие на солнце и ветрах колосья? Разве можно пройти равнодушно мимо степной березки, не прикоснувшись к ней рукой? В каждом лепестке цветка живет поэма. Степь может показаться неискушенному человеку унылой и суровой. Есть в ней и то и другое. Но посмотрите на нее влюбленными глазами и вы увидите ее особую и неповторимую красоту.

А поэзия хлеборобского труда! Первая борозда, горсть прогретой земли в натруженных руках пахаря...

Иван любил свежевспаханное поле, грачей, шагающих вперевалку по рыхлой весенней земле. Но еще больше любил он поле осеннее. Нет богаче сокровищ в мире, чем золотые разливы хлебных нив!

В доме был праздник. Мать испекла хлеб из новины.

— В нашей степи обязательно будет расти хлеб большой подъемной силы, с высоким процентом клейковины, — говорил Иван. — Смотрите, буханка-то какая! Вздыбилась вверх, что тебе гора Ревнюха в Змеиногорске.

Иван разрезал буханку, развалил ее на две половины, понюхал душистую мякоть, протянул матери.

— Пробуй, мама.

— Духмяный-то какой, — улыбнулась мать.

— Нам бы такие сорта пшеницы повсюду внедрить, — продолжал Иван. — По всей степи. Да воду бы достать из-под земли... Правильно мужики говорят: «Зем-

ля у нас хорошая, но небо плохое». Степной почве не хватает влаги.

Иван мечтал о большом хлебе, о новых сортах пшеницы, о счастье для всех. Хорошая была мечта у человека!

Занимаясь хлебным колоском, Иван носил на груди значок «Готов к труду и обороне». К труду он был готов с малых лет, а к обороне готовился в кружке Осоавиахима. Иван много читал, часто беседовал с колхозниками. Он знал, как тревожен мир, сколь опасен фашизм и как сложно защищать мир, свободу и независимость Советской стране в окружении многочисленных и сильных капиталистических государств. Каждый советский человек должен уметь защищать свою Отчизну. Иван и его сверстники хорошо владели винтовкой и пулеметом, умели метать гранаты, ползать по-пластунски, пользоваться противогазом, изучали боевой Устав Красной Армии.

В тусклые зимние дни, когда вьюга свистела и гудела в печных трубах, что тебе духовой оркестр, Иван подолгу засиживался за микроскопом, разглядывая крошечный скол янтарного зернышка. Он видел сложное переплетение клеток, подобно пчелиным сотам, наполненным уснувшей жизнью будущего колоса. Он стремился проникнуть в секреты «духмяного каравая», сотворенного из степной приаляской пшеницы. Сила муки! Она заключена в этих клеточках хлебного злака. Зародыш... Он связан с целой кладовой питательных веществ. Иван мечтательно перевел взор на заиндевевшее окно: холодные узоры на стекле вдруг ожили, зазеленели... Бескрайнее поле закустилось, хлеба пошли в трубку. Ветер вихрем взрыбил зеленые разливы — началось колошение... Забродила, заиграла в каждом зернышке живительная сила молока и солнца!

Но пока — это мечта, завтрашний день.

На заиндевевшем окне еще сильнее заискрились перламутровые узоры...

Зима. Спит зернышко крепким сном. Ждет весны, ждет своего пахаря.

— Саша, братка, дочка родилась! — радостно сообщил Иван. И вдруг осекся. — А денег ни копейки. Подарок бы Симе...

— У меня облигация есть. Пойдем в сберкассу.

Пошли. Проверили — пять рублей. Такое богатство!

Купили подарок Симе.

Ребенок наполнил жизнь новым содержанием.

Шли годы. У агронома Малкова рос четвертый урожай. Иван работал агрономом-семеноводом Локтевского райзо. Теперь на его плечах лежало все семеноводство района. Большая, ответственная работа!

В субботу, 21 июня 1941 года, Иван объехал поля, определяя урожайность пшеницы. Ходил по полям, разгребал прогретую солнцем землю, смотрел корневую систему, стебли, формирование колоса. Пше-

ница развивалась хорошо. Если и дальше так пойдет, быть отличному урожаю. Семенные поля смотрел особо. В этом году появятся новые сорта. Нет, не зря он, Иван Малков, стал агрономом. Какая это замечательная профессия — кормить людей хлебом! «Была бы моя воля, я выделил бы на первое место из всех наук — науку о хлебе и цветах!»

Иван взглянул на глубокое синее небо. Высоко над полями парил коршун. Распластав метровые крылья, подогнув когти, он зорко следил за степным раздолбем, высматривая добычу. Стервятник описал плавный круг и камнем бросился вниз.

«Закогтил...»

Иван выпустил из рук колосья, наблюдая за охотой хищника.

Есть у человека все-таки предчувственные беды. Много раз Ивану случалось видеть кровавую охоту степных стервятников, приходилось отбивать цыплят буквально из-под когтей коршуна. Но сегодняшняя картина пикирующего стервятника на фоне чистого голубого неба оставила какую-то необъяснимую тяжесть и тоску на сердце. Вечером Сима задержалась на работе, дочка рано улеглась спать, набегавшись за день с подружками, а он взял в руки книгу и начал читать. Но мысли снова и снова уносили его на поля, к волнующимся на ветру колосьям, к далеким сиреневым горам Змеиногорья, к речке...

«Завтра возьму с собой Симу и Томочку, покажу им степь, — решил Иван. — Нынче хорошие хлеба. И цветов много. Нет, степь надо видеть глазами и понимать сердцем».

Но показать жене и дочери степь 22 июня, в воскресный день, Ивану Малкову так и не удалось. С утра он был занят, а во второй половине дня...

Война! Гитлеровские войска нарушили границу Советского Союза. Они бомбили Киев. Есть человеческие жертвы. Объявлена мобилизация. Степное сибирское село Локоть вздыбилось, зашумело, запричитало...

Ивану вручили повестку. Сбор был военному коротким. На следующий день утром его провожали. Он шел вперед, неся на руках до самого крыльца военкомата прижавшуюся к плечу дочку.

Брату Александру сказал:

— Знаешь, как деды в старину говорили: «Или грудь в крестах, или...» Так и будем сражаться. — Улыбнулся и добавил: — Так что сыграем еще в шахматы...

Воинский эшелон пересекал поля. Прощально махали солдатам люди, кланялись хлебные колосья, нескошенные травы...

Ветер с полей доносил утреннюю прохладу, смешанный запах хлеба, полыни и чебреца. Еще вчера поля радовали сердце Ивана, и ему казалось, что существовать без них он не сможет. А сегодня... Сегодня он ехал защищать эти поля, эту землю, Родину свою.

С фронта Иван писал коротко и редко. Жив, здоров. Как вы там, мои родные?

Как идет уборка урожая? Сколько на круг дает моя пшеничка? Сегодня видел во сне прилапейскую степь. Все нивы будто бы занялись огнем, а никто не тушит. «Что же вы, люди, не тушите?! Хлеб горит!» — закричал я и проснулся. Скучаю о вас, о родной земле.

Ленинградский фронт. Карельский перешийек. Колючий снег сечет лицо. В траншеях холодно. Только что закончился артиллерийский обстрел. Немцы рвутся к Ленинграду. Иван ведет политическую работу среди разведчиков. Разведка — одна из опаснейших служб на войне. Перед нацеленными пулеметами, минометами и артиллерией врага надо пробраться в тыл, разведать силы противника, взять «языка». Каждая вылазка может стать последней, роковой. Однако разведчики народ смелый, а где надо — отчаянный и дерзкий.

Страну облетела весть: 16 ноября 1941 года, когда фашистские полчища рвались по Волоколамскому шоссе к Москве, двадцать восемь гвардейцев-панфиловцев заняли рубеж обороны у разъезда Дубосеково. Они выдержали многочасовую схватку с немецкими автоматчиками и заставили роту гитлеровцев откатиться назад.

Против двадцати восьми героев фашисты бросили пятьдесят танков. Гвардейцы погибли, но не пропустили врага к столице.

Во фронтовой газете Иван увидел Указ Президиума Верховного Совета СССР, подписанный М. И. Калининым, о присвоении звания Героя Советского Союза двадцати восьми гвардейцам-панфиловцам.

В их числе значилось сразу три земляка Ивана Малкова:

политрук Василий Георгиевич Клочков, старший сержант Гавриил Степанович Митин,

красноармеец Петр Кузьмич Емцов.

Всех знал и помнил Иван. Скромные, работающие были ребята, активные коммунисты и комсомольцы. Вот где пригодились прилапейские ребята! В грозный час своими жизнями прикрыли Москву.

Василий Клочков... Избач, умный, боевой оратор. Он умел убеждать, вдохновлять людей. И на подступах к Москве он бросил клич, облетевший весь мир: «Отступать некуда, позади Москва!»

Петр Емцов... Колхозный счетовод. Волевой комсомолец. Серьезный, сосредоточенный... Над переносицей две морщинки залегли — упрямые и добрые: кому как... С товарищем он последним куском поделится, к расхитителям колхозного добра, к нарушителям трудовой дисциплины — непримирим. В комсомол вступил против воли отца. «Отец примирится, а комсомолец не должен сворачивать с избранного пути», — говорил он. Нет, не свернул он и с огненного пути в смертельной схватке с врагом. Четыре танка подбил с напарником своим из броневышки.

Гавриил Митин... Живой, бравый, с волевым открытым лицом, умными глазами... Старший сержант.

Иван гордился земляками. Прилапейская степь не только хлеб рождает, но и богатырей героев.

Иван рассказал разведчикам о героях-панфиловцах, о своих земляках, призвал сражаться с врагом так, как сражались они под Москвой.

На участке Ленинградского фронта, под Выборгом, предстояли новые схватки с врагом. Шли активные поиски разведки.

Ковыли, ковыли... А здесь нет ковылей. Здесь болота, трясина и мерзлые комья земли. Здесь нельзя даже выкопать траншею. Сооружают торфяные валы, укрепленные бревнами и досками...

В кармане гимнастерки у Ивана хранился заветный блокнотик. В нем адреса и заметки. На примятых листочках, пропитанных потом, значатся новые сорта пшеницы, фамилии механизаторов, список разведчиков и краткие описания их боевых дел. Первые странички писаны на приалеях полях в майские дни сорок первого года. Теперь записи касались защиты ленинградской земли от фашизма.

«У агронома и война, и мир связаны с землей», — говорил политрук своим однополчанам.

Получен приказ провести разведку боем. Ударную группу разведчиков возглавляет политрук капитан Иван Малков. Задача: засечь огневые точки противника, определить его наиболее уязвимые места в обороне.

Разведчики ушли в ночную тьму.

Рассвет медленно пробивался сквозь пепельно-серое холодное небо. Мерзлая земля и редкий кустарник, посеченный свинцом вражеских пулеметов. Иван понимал: операцию успешно можно провести только ценой жизни. Какая это высокая цена! Но... если бы панфиловцы не заплатили этой цены, кто знает, что было бы с Москвой? Теперь за спиной политрука и его

солдат Ленинград — колыбель революции.

На рассвете завязался жестокий и неравный бой.

Серафима Васильевна получила письмо. На конверте незнакомый почерк. Дрожащими руками вскрыла конверт и... уронила голову в ладони. Все поплыло вокруг, потемнело... Из конверта выпал листочек с почерком Ивана. В глаза бросилось слово: «Прощайте!»

В кармане гимнастерки погибшего капитана был найден блокнотик, а в нем листок, написанный мелким почерком:

«Товарищи! Кто найдет это письмо, пошлите его по адресу: Алтайский край, Локтевский район, с. Локоть, Малковой Серафиме Васильевне.

И пусть борьба сегодня нелегка,
Но рабства не узнают наши дети.
Мы им вернем науки о цветах
И радость всю, какая есть на свете!

Родная, сохрани этот листок и, когда вырастет Тамара, передай ей. Я верю, что она не забудет меня. Мое родное сердечко, моя маленькая крошка Тамара и родные, обо мне не тужите... За свободу и независимость умирать не страшно. Живите дружно, меня не забывайте. Родная Сима, береги наше зернышко, нашу дочь... Прощайте».

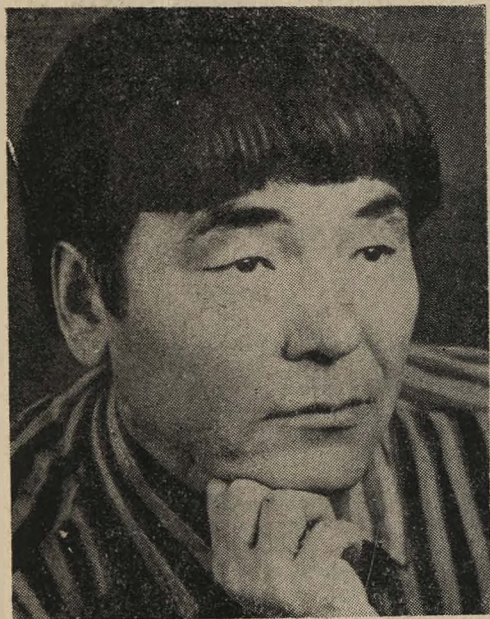
Ковыли, ковыли... Степь распахана плугом. И волнуется нива разливом хлебов. И колосья звенят, бронзовея на ласковом солнце, наливаясь великою силой, что живительным током, драгоценным наследством пришла от празернышек тех, что оставили люди, уходя на войну, оставил Иван Малков.

Георгий КОНДАКОВ

НА ЯЗЫКЕ И МАЛОГО НАРОДА...

(К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ БОРИСА УКАЧИНА)

Известна истина: биография поэта — в его стихах. Мои заметки — штрихи к портрету лауреата премии Ленинского комсомола Алтая Бориса Укачиновича Укачина, которого я знаю давно. Живу и работаю с ним рядом не один десяток лет.

В конце сороковых годов приехал в Горно-Алтайскую национальную школу-интернат коренастый подросток из Каярлыка, села, что раскинулось в горах Онгудайского аймака, Боря Укачин. Еще свежи и остры в памяти сына табунщика картины родных просторов, тепло материнского очага, полуголодное военное детство, опасное суровым ветром жизни.

Школьная библиотека, доставшаяся от столичного института, эвакуированного в Горно-Алтайскую автономную область в годы Великой Отечественной войны, поражала воображение подростка. Борис брал в ней самые толстые книги с богатыми и красочными иллюстрациями и сравнительно быстро возвращал их. Книги были на русском языке, которого тогда Боря Укачин еще не знал. «Чтение» его ограничивалось просмотром рисунков. Непонятный текст дополняла неудержимая фантазия.

Борис был любознателен. Быстро пополнялся его словарный запас. Встретилось русское слово, значение которого не было ранее известно. Надо спросить учителя. На шумной перемене ловил в коридоре словесника, писавшего стихи, и спрашивал:

— Что такое «торить»?

Молодой учитель литературы улыбался: ученик прочитал его стихотворение о зиме и теперь экзаменует, может быть не подозревая, что ему самому придется торить новые пути-дороги в алтайской литературе.

В 1956 году Борис Укачин закончил областную национальную школу. И вскоре был призван в ряды Советской Армии. После службы Б. Укачин работал в областном радиокомитете. Бесконечные поездки по родному краю. Первая книга стихов «Дороги» (1960) об армейских буднях и милом Алтае замечена и отмечена критикой.

Книга отличалась не только тематической свежестью, но и стремлением поэта проникнуть в психологию человека, находящегося вдали от родного края. Автор тяготел к масштабным образам, не затушевывал сложности чувств и переживаний, упорно преодолевал сопротивление необычного жизненного материала, не укладывавшегося в традиционный стих.

А. Адаров и Э. Палкин, отмечая достоинства первых стихов поэта, высказывали и критические суждения, касающиеся «тяжелого» языка молодого автора, снижающего идейно-художественный уровень произведений. Э. Палкин в стихотворении Б. Укачина «Дорожная дума» усматривает уход стихотворца от «ясного, красочного» языка народной поэзии.

В первом сборнике поэта встречались общие места, прописные истины, избытые решения, но были и безусловные удачи, определившие дальнейшие идейно-художественные поиски Б. Укачина: «Солдат», «У костра» («Оттын дьянында»), «Русской матери» («Орус энеге»), «Песня о дружбе» («Надылык керегенде кожон»), «Мой Алтай» («Менин Алтайым»), «Кадын-Бажы»...

В раннем творчестве Б. Укачина определились основные черты: жадность до всего нового, что происходит в жизни и литературе, острая публицистичность и полемичность, правда, не получившая еще четкого философского осмысления, стремление ид-

ти в стихах от частного к общему. Теперь он автор нескольких десятков стихотворных и прозаических книг, вышедших на алтайском, русском и других языках народов нашей страны. В мае 1980 года пришло на имя Б. Укачина письмо из итальянского города Старанцано от читателя, который познакомился со стихами поэта на итальянском языке в журнале «Советская литература» и решил заняться изучением алтайского языка, чтобы читать произведения писателей Горного Алтая в подлиннике.

Народным певцам, умевшим взглянуть на родную землю как бы из космоса, Алтай представлялся девятигранным алмазом, сверкающим под солнцем ледяными пиками, а горные хребты его, плавающие в голубой дымке небесного пространства, — ветвями могучего сказочного дерева.

Богатырское дыхание гор накладывало свою мету на поэтическое слово, тяготеющее к фантастическим гиперболам и обобщениям. Духом фольклорных образов пронизаны и стихи Бориса Укачина. Но жизнь в горах меняется, меняется и слово, впитывая терпкий аромат нового времени.

Воздух высокогорных вершин, пропахший кедровой смолкой, грохот серебряных водопадов и стремительных рек, малахитовые чаши озер, горные лилии, парчепные в алтайских легендах слезами луны, — все это и многое другое живет в стихах и поэмах Бориса Укачина.

В 1963 году выходит вторая книга стихов поэта «Кто я?» («Мен кем»). В ней наряду с бесспорными удачами есть стихи, свидетельствующие о поэтической браваре, мнимой смелости. Критика отметила претенциозность названия сборника, рассчитанного, якобы, не столько на углубленное постижение самого себя, сколько на само-рекламу. Появление нового сборника симптоматично: стихи молодого автора — острая реакция на вялость и апатичность стиховой продукции своих коллег, желание утвердить в поэзии активное, гражданское начало.

В сборник «Кто я?» вошли стихи, отличающиеся настоящим гражданским пафосом, публицистичностью, свежестью мысли и чувства. Поэт упорно ищет новые изобразительно-выразительные средства, порой отказывается от классического алтайского восьмисложника. Ему ближе поэтика, раскованная свобода стиха В. Маяковского. Из этой книги Б. Укачин включил в свое избранное «Дар годов» («Дьылдардын белеги», Горно-Алтайск, 1979) одиннадцать стихотворений, а одно из них «Ночь в горах» («Туулардыгы тун») стало хрестоматийным.

Когда-то я прочел на алтайском языке это стихотворение Бориса Укачина. Оно мне понравилось. Традиционный для устной поэзии образ вершин, раскуривающих трубки, поэтом трансформирован по-своему, и стихотворение заиграло, засветилось, став одой в честь поднебесного Алтая:

Ночь. Алтай.
Луна — как сережка.
Четкий профиль горной гряды.

Можно трубку, привстав немножко,
Раскурить от любой звезды.

(Перевод И. Фоякова)

Поэт с любовью и восхищением вглядывается в лицо своей родины и видит силу человека в кровном родстве с отчей землей, в его нерасторжимых связях со всем миром и со своим временем:

Здесь мой край. И совсем не чудо,
Что в рассветной плывущей мгле
Мне слышней бывает отсюда
Поступить времени по земле.

Третий сборник Б. Укачина «Стихи» («Улгерлер», Горно-Алтайск, 1966) окончательно определил авторское лицо, его приверженность родному краю, верность основным эстетическим принципам: гражданственность, публицистичность.

В стихотворении «Моя родина» («Менин торолум») ощущается кровная связь поэта с отчим домом, с землей предков:

Моя родина — мои шаги
от зимы до зимы,
от весны до весны.
Моя родина —
мои стихи.

(Перевод Б. Служко)

Борис Укачин выбрал в поэзии наиболее трудный путь, путь неустанных поисков. Перед героем стихотворения «Соль» судьба, держа в одной руке сахар, в другой — соль, поставила извечный вопрос: «Что выберешь ты?»:

И вспомнил парень рассказ отца:
Когда-то давным-давно
Не стало соли, кончилась соль
В один неудачный год.
И пропотевших людских одежд
Грубое полотно,
Без соли страдая больше людей,
Жевал ошалевший скот.

(Перевод И. Фоякова)

Парень вспомнил, как уходили мужчины в путь, «долгий, словно зима, за солью, с виду такой простой и драгоценной столь, за солью, белой, как снег вершин, желанной, как жизнь сама», и выбрал соль, и вкусил сладость и соль жизни.

Б. Укачина в жизни привлекает человек, «крепкий, как соль, нужный, как соль», такой человек и становится главным героем его стихов и поэм, рассказов и повестей, в которых решаются проблемы современности, решаются остро, полемично, без лакировки.

Жизнь подсказывает поэту сюжеты. На одном из рынков Москвы Б. Укачина потрясли слова: «Подходите! Землю продаю!» В тот же день, вернувшись в общежитие Литинститута, он написал стихотворение «На осеннем рынке»:

Подхожу — как будто из неволи,
Из недоли
собственную мать
Выкупаю!

Не сказав ни слова,
Из кармана деньги достаю.
Мне рублей не жалко,
лишь бы снова
Не услышать:

«Землю продаю!..»

(Перевод И. Фоякова)

Продажа земли для комнатных растений на осеннем рынке — факт, ставший основной стихотворения, таил в себе значительный смысл. В век научно-технической революции, в век стремительной урбанизации слово поэта, прозвучавшее в защиту материнского начала в человеческой жизни, не утратило значения и по сей день.

Народная поэтесса Узбекистана Зулфия в письме от 1 февраля 1977 года к Б. Укачину пишет по поводу стихотворения «На осеннем рынке»: «Здесь каждая строчка бьющая. Слово в спину кулаком толкнули, — и не Вас одного, а и Вашего читателя, меня! Мне просто жутко стало от этих слов: «Подходите! Землю продаю!» Нельзя землю продавать, хочется закричать. Можно продавать плоды земли, взращенные на ней, но не землю! И прекрасны эти строки: «... как будто из неволи, из неволи собственную мать выкупаю!» Спасибо Вам, что не дали надругаться над землей».

Стихотворением «На осеннем рынке» Б. Укачин прикоснулся к болевой точке эпохи, и авторский пафос, авторская позиция не могла оставить равнодушным читателя.

Стихотворения и поэмы Б. Укачина шестидесяти годов — «На осеннем рынке», «Слепой поэт», «У колыбели сына», «Стихи о коне», «Характеры», «Улыбка» — выражают духовный мир нашего современника, получают всеобщее звучание и признание. По определению известного советского критика А. Макарова, укачинская поэзия отражает «богатый и сложный мир переживаний и чувств, равно заполняющий душу русского и алтайца, через призму национальной психики».

А. Макаров справедливо отмечал, что современный этап развития литературы выдвинул в ряд выдающихся художников слова представителей поэтического цеха малых народов, стихи которых зазвучали с «большей глубиной и яркостью», чем стихи «поэтов народов, имеющих давнюю литературную культуру». Сборник Б. Укачина «Ветка горного кедра» (М., 1966) — «живое подтверждение этой новой стадии в поэзии малых народов», Б. Укачин признан как поэт «оригинального, ярко выраженного таланта».

В шестидесятые годы сложилась и оформилась творческая индивидуальность Б. Укачина, истоки которой в национальном и интернациональном. «Поэзия малых народов, — пишет А. Макаров, — окончательно вышла из детского возраста, из периода, когда она осваивала новые чувства и понятия, рядилась в пестрые одежды «национального колорита», сводившегося к насыщению стиха деталями местного пейзажа, старого быта и т. п.»

Но поэт не может уйти от деталей родного пейзажа и старого быта, ибо все это незримо живет, присутствует в стихах ар-

хи современного автора. Отказаться от «национального колорита» невозможно: специфическое растворено в языке, в поэтической ткани стиха. Отсутствие национального кислорода в поэзии делает ее безжизненной, лишает ее аромата и крылатости. Воздух малой и большой Родины растворен в каждой частице национальной стиховой системы.

Б. Укачин опирался на выдающиеся образцы русской поэзии (М. Лермонтов, В. Маяковский), постигал секреты зарубежных корифеев (Н. Хикмет). Тайнам русского стиха учили и друзья, например, пронзительный Николай Рубцов. Это была прекрасная школа подлинной поэзии. Алтайский поэт насыщал стихотворную строку элементами родного фольклора и этнографии, стараясь, как советовал М. Горький, через фольклорное, этнографическое выразить мировое, общечеловечье.

Б. Укачин, любивший «лесенку» В. Маяковского, не отказался от традиционного стиха, от традиционных алтайских жанров, видя в них потенциальные возможности. Художественные поиски Б. Укачин корректировал идейно-эстетическим опытом других поэтов, представителей малых народов — Р. Гамзатова, К. Кулиева.

Интересна и поучительна попытка Б. Укачина использовать древние жанровые формы алтайского фольклора: благопожелание, заклинание, различные виды афористической речи (пословицы и поговорки). Пусть не всегда, но поэту удается новую национальную форму наполнить новым содержанием, да и самую старую жанровую разновидность обогатить новыми красками.

Стихотворение «Б. Укачина «Заклинание медвежьей головы» традиционно по своей форме и связано с охотничьим ритуалом алтайцев. Обычно охотник обращается к зверю, которого он убил, со словами, полными почитания:

Повелитель всех зверей Алтая,
Дедушка Медведь!
Разве чем прогневал вас когда я,
Дедушка Медведь?

(Перевод И. Фоякова)

Охотник, не забывший наставлений древних предков, свято почитающий Дедушку Медведя, не может все же простить ему того, что он задрал охотничьего коня:

Пусть убийство мудрого Медведя
Не зачтется мне виной:
Не виновен я перед Медведем,
Он был виноват передо мной!

(Перевод И. Фоякова)

Герой стихотворения пытается снять свою «вину» с помощью заклинания: «Чёк, чёк, Батюшка-Огонь! Чёк, чёк, Батюшка-Огонь!»

Стихотворение Б. Укачина «Заклинание медвежьей головы» традиционно. Труднее обнаруживается современность содержания этого стихотворения и других пантеистических сенок («Благопожелание ребенку», «Благопожелание огню», «Благопожелание теленку», «Молитва у кедра», «Мо-

литва, обращенная к топшуру»). Современность звучания названных стихотворений видится в том, что поэт воспекает в век экологических проблем чистое, нежное, почтительное отношение к природе и к ее обитателям. Природа, по представлениям алтайцев, такое же живое существо, как и человек, и требует к себе бережного, ласкового отношения. Укачинские благопожелания, заклинания созвучны по своему духу с нашим временем, отвечают на запросы людей эпохи научно-технической революции.

По-своему осмысливая языческий календарь, связанный с животным циклом, Б. Укачин создает лирическую миниатюру, построенную на контрасте:

Год Змеи —
Начало войны:
Запылали наши края.
Сорок первый,
К сердцу страны
Подбиралась, ползла
Змея.
Люди мира!
На всех языках
Прокляните змею в веках!

Вторая часть стихотворения, объемная и содержательная по мысли, выводит миниатюру за пределы фольклорного, этнографического, к поэтическому обобщению, выраженному в образной форме:

Год Курицы —
Сорок пятый,
Да будет он вечно свят!
У ног вернувшегося солдата
Курица собирает цыплят...
Со всем народом
Тебя пою
Птица,
Прикончившая
Змею!

(Перевод А. Плитченко)

Таким образом, стихотворение, выражая общечеловеческую мысль, сохранило национальные черты.

В лирической миниатюре, развивающейся в национальном русле, Б. Укачин достигает того естественного слияния конкретного образа и мысли, которое присуще народным созданиям афористической речи:

Твори добро, не требуя награды,
Не тем прекрасны добрые дела:
Всю жизнь свою иголка шьет — и рада,
Хотя сама останется гола.

(Перевод И. Фоякова)

Выдающийся общественный деятель XIX века, ученый и писатель Николай Ядринцев высказывал уверенность, что народы Сибири внесут достойную лепту в человеческую цивилизацию. Время это пришло. Б. Укачин в стихотворении «Малые народы» пишет:

Есть в каждом народе волшебная жилка:
родился ж когда-то в метельной пыли
по имени Тыко, по прозвищу Вылка —
художник у ненцев, у края земли!

Был Гуркин — алтаец...

Пронесются годы,
и верю я, целя в грядущее взгляд:
не раз еще малые наши народы
сынами великими мир удивят!

(Перевод И. Фоякова)

Приходит осознание своей судьбы, значения в жизни:

Светла наша доля под небом Союза,
а если глобальные взвесим дела —
мы шару земному отнюдь не обуза:
без нас бы планета беднее была.

(Перевод И. Фоякова)

Современность ставит перед человеком новые цели: быть выше сытости, раскрепостить духовное начало, не забывать о своих истоках, исконной почве:

Легко и свободно шагай по планете,
но помни повсюду родимый свой край
и в буйном, порывистом ветре столетья
алтайскую шапку свою не теряй!

(Перевод И. Фоякова)

Национальное и интернациональное в поэзии Б. Укачина взаимосвязаны и выступают как органическое целое. Процесс освоения Б. Укачиным национального и интернационального идейно-эстетического опыта был противоречив.

Для поэзии Б. Укачина свойствен космизм образов, идущий от устной поэзии, от национальной традиции:

Пусть на правом плече моем сядет,
слушая, Солнце,
А на левом плече моем, слушая, сядет
Луна,
Пусть былая мудрость с нынешним
Знанием сожмется,
Пусть перекликнутся дальние времена...

(Перевод И. Фоякова)

Это качество проявляется в стихотворениях поэта «Небо — словно сжатые поля», «Долины тихий сумрак наполняет», «Лунный свет земли коснулся», «Млечный путь среди ночного мрака»...

Б. Укачин по-своему осмысливает и применяет гиперболу, идя от родного фольклора и эстетического опыта В. Маяковского. Планетарность образов, космизм мышления, пропитанный земной плотью, — качества, присущие В. Маяковскому, свойственны и Б. Укачину:

Я — алтаец, человек древний!
В нашем веке, дав коню шпоры,
Перепрыгнул я веков бездны,
Перепрыгнул я эпох горы.

(Перевод И. Фоякова)

Стихотворение Б. Укачина «Путь язычника-алтайца» насыщено образностью, не противоречащей духу народной поэзии и наполненной энергией нового времени. Богатырский конь в алтайских героических сказаниях мог преодолеть реки, озера, моря, высокие горы. Укачинский конь преодолевает время: бездны веков, горы эпох. Космические образы («веков бездны», «эпох

горы») вырастают на реальной почве, воплощая свет ленинских идей.

Стихотворение Б. Укачина «Слово о людях рабской крови» публицистично и подключается к актуальной проблематике сегодняшнего дня, когда нужен человек с бойцовскими качествами, умеющий не только вещать с трибуны высокие слова, но и воплощать их в жизнь:

Не горят и не светят. Не вспыхнут,
как порох!
Не погаснут и не возгораются вновь...
Есть такие еще среди нас, у которых
В жилах — старая, мертвая, рабская
кровь.

(Перевод И. Фоянкова)

Сказать острое публицистическое слово — это акт гражданский. Сетования поэта, его ненависть к человеческому равнодушию понятны и вызывают читательское сочувствие: «Как им страшно живое в себе обнаружить! Как бесцветны их взоры, опаслива речь! Не помогут они в том, что надо разрушить, не помогут сберечь то, что надо сберечь».

Автор развивает свою мысль и указывает на «болезнь» — властолюбие — особенно там, где надо просто проявить деловитость:

А когда отпадает нужда в камуфляже
И покой воцаряется долгий вокруг,
Выползают на свет потихоньку — и даже
Властолюбие в них пробуждается вдруг.

Автор не может согласиться с тем, что людей активных и «с рабской кровью» породило одно Время, и он обращается к форме заклинания:

Нет! — с проклятьем я эту мысль
прогоняю,
Никогда я такой не признаю родни!
Мы — другие, и кровь наша — тоже иная.
Их на свете — все меньше.

Да сгинут они!

(Перевод И. Фоянкова)

Риторичная концовка не заключает в себе значительной философской мысли, не ведет читателя к новым выводам, не обогащает его. Позиция автора на деле оказывается пассивной и отличается от той, которая блестяще выражена в стихотворении русского поэта Василия Федорова «Рабская кровь»:

Но борюсь я,
Не днями — годами
Напряженная длится борьба.
Год за годом,
Воюя с врагами,
Я в себе
Добываю раба.

Обращение Б. Укачина к традиционным поэтическим формулам, в частности к заклинаниям («Проклятье врагу»), порой сковывает мысль, исследовательское, аналитическое начало стихов. Стихотворение,

лишенное современных черт, замыкающееся в старом фольклорно-этнографическом материале, живет вне времени и пространства. Этот опыт Б. Укачина, привлекательный своей густотой специфических красок, подхватывают более молодые стихотворцы, чрезмерно насыщая стихи этнографическим, бытовым, забывают об общечеловеческом содержании.

Национальный опыт и современная практика стиха всегда находятся в сложном взаимодействии. Перенасыщенность современного стиха фольклорно-этнографическим материалом суживает авторский кругозор, амплитуду творческих поисков, воздействие на читателя. Стрелка поэтического компаса всегда должна быть нацелена на современность. Этнография, фольклор используются в той степени, в тех дозах, которые необходимы для понимания современных проблем и формирования определенных этических и нравственных норм.

В творчестве Б. Укачина острее ощущается стремление к историческому осмыслению настоящего и прошлого, к углублению чувства национального самосознания, чувства интернационального единения народов нашей страны:

— День вчерашний,
Какой ты, брат? —
Смотрит будущее назад.
День вчерашний
Глядит вперед:
— Что-то в будущем
Меня ждет?

(Перевод А. Преловского)

Прошлое, настоящее, будущее — три временных потока живут в стихах Б. Укачина. Образ времени проходит через сердце поэта. Осознание времени — есть и осознание своего места во времени.

В современной алтайской поэзии усиливается лирическое «я» — естественная форма самовыражения, самораскрытия характера. В лирическом герое отражается не только субъективное, присущее автору, но и объективное: история народа, время, эпоха. Б. Укачин в стихотворении «Слово о себе», подчеркнуто полемичном, говорит о своем внутреннем мире, о народе, Родине, времени: «Я вас всегда безудержно люблю, друзья мои, ревнители Алтая. Прошу, примите исповедь мою, ведь я же близко к сердцу принимаю народные и радость и беду, обычаи отцов и наши песни...» (Перевод А. Преловского).

Советологи пытаются доказать, внушить миру, что литература и искусство малых народов в СССР не развиваются. Б. Укачин спорит с теми, кто не признает духовных сил в малом народе, создавшем самобытное искусство:

А если кто
В неверье
бросит вызов —
Свидетели живут не за горой:
Спросите у Олжаса и Чингиза!
Спросите вы
У Азии самой!

(Перевод А. Преловского)

Б. Укачин утверждает мысль:

Добро и Счастье, Правда и Свобода...
Во имя их земного торжества
На языке и малого народа
Сказаться могут важные слова!

(Перевод И. Фоякова)

В приведенной лирической миниатюре сконцентрированы раздумья автора по магистральным проблемам современного человеческого бытия.

«Рожденные весной» — одно из лучших стихотворений Б. Укачина. Оно достойно украшает алтайскую и всесоюзную Лениниану. Автору удалось найти точную поэтическую формулу:

Все, друзья, мы родились весной —
Той весной, когда родился Ленин.

(Перевод И. Фоякова)

Великий русский художник Николай Рерих, путешествуя по Горному Алтаю в двадцатые годы нашего столетия, с тревогой записывал в дневник: «Не менее глух и заброшен Алтай, так называемая теперь Ойротия. Ойроты — вымирающее финно-тюркское племя — находятся на очень низкой ступени развития». Шел четвертый год автономии Ойротии, ныне Горно-Алтайской автономной области. Естественно, что горная страна еще не избавилась от тяжкого наследия царской России, но народ уже тянулся к свету новой жизни, новой культуры. В муках и борьбе рождался новый человек.

Сын алтайца-кочевника, которого мог видеть на своем пути Николай Рерих, напишет через годы пронзительные строки:

Ходили в небе коршуны кругами,
И каменная баба на кургане
Спросила вдруг на языке моем:
— Кто ты?
— Алтаец... —

И заплакал камень

Слезами счастья:

— Значит, бой с веками

Ты выиграл? Так, значит, мы — живем?

(Перевод И. Фоякова)

Борис Укачин, автор сборника стихов «Я жду улетевшего лебедя», вышедшего в Москве на русском языке пятидесяти тысячным тиражом, с гордостью сказал во время встречи с читателями: «Я теперь могу подарить свою книгу каждому представителю моего народа».

Двадцатый век поставил перед человечеством глобальную проблему — сохранить в чистоте окружающую среду. Устная поэзия алтайцев выработала в течение веков неписанный нравственный и этический кодекс отношения человека к природе. Будущему охотнику или пастуху с детских лет внушалось чувство преклонения перед таинственным миром природы. Горы, реки, озера, деревья, травы — все обожествлялось, наделялось признаками живых существ. Известны многочисленные охотничьи пожелания, обращенные к живым и неживым силам природы.

Народные представления о природе оживают в современной алтайской живопи-

си и графике. Алтайский художник И. Ортоңулов создал серию гравюр к героическому эпосу «Маадай-Кара». Одна из иллюстраций называется «Мать-земля». Высокая старая женщина с морщинистым лицом и мудрым взглядом. В руках у нее золотой посох, на загорбках мальчик — будущий богатырь. В народном символе воплощена мысль о неиссякаемых силах Земли, по-матерински заботящейся о человеке, помогающей ему встать на ноги, обрести живую силу и мощь.

Народный взгляд на природу воплотился во многих стихах и поэмах Б. Укачина:

Будь бдительным, сердце поэта,
Как слух быстроногих оленей!
Услышишь в награду за это
Таинственный шепот растений.

(Перевод А. Преловского)

Духовная бдительность нужна человеку, чтобы слышать «таинственный шепот растений», понять «язык лесов и трав», чтоб «говорить с цветами» и сохранить «всега мирозданья основы». Высокая и трудная цель стоит перед человечеством: хранить и беречь природу, мир которой бескорыстен и незащищен. К совести человеческой взывает поэт: «Мир природы незащищен — помни это, человек!»

В лучших произведениях алтайских поэтов природа связана с трудовой деятельностью человека и не мыслится вне ее. Миниатюра Б. Укачина «Посреди суровых гор Алтая» — типичный пример:

Посреди суровых гор Алтая
Маленькая плавает луна.
Или то чабанка молодая
С маленьким фонариком, одна,
Бродит по горам, тропу теряет,
В сумерках отару собирает?..

(Перевод И. Фоякова)

В духе народных легенд, сказаний и песнопений рождаются у Б. Укачина пронзительные строки, откорректированные опытом русской поэзии («Выходя на дорогу, душа оглянулась» — Юрий Кузнецов): «...душа луны прозвенела в пространстве».

Творчество Б. Укачина связано с устной поэзией, которая по сравнению с фольклором других тюркских племен более архаична, ибо не подвергалась в силу исторических обстоятельств нивелирующему воздействию ислама. Мироощущение алтайцев строилось на принципе, что все в мире имеет равную ценность. Отсюда одухотворение природы, вера в одинаковость, равноправность всех вещей и живых существ в природе.

Принципы художественного видения, связанные с одухотворением природы, отразились в той или иной степени и в поэзии Б. Укачина. В частности, в стихотворении-монологе «Я — горного кедра колючая ветка», представляющем своеобразную форму исповеди, широко распространенной в русской поэзии 60—70 годов:

Секло меня, било дождями и снегом,
Но я продолжаю — назло! — зеленеть.

Я — горного кедра, одетого небом,
Колючая, гордая, крепкая ветвь!

(Перевод И. Фоякова)

Образ кедровой ветки получился объемным, включающим в себя публицистическое начало, вылившееся в естественной метафорической речи («Но я вот привыкшей к суровой природе, к неласковой почве, к высотной свободе»; «Не мне, уступая погоде и моде, менять по сезону свой цвет и наряд»).

Народный взгляд на природу, заложенный в стихотворении Б. Укачина «Я — горного кедра колючая ветка», дает основание для рационального вывода, который делает Н. Лейзеров: «В свою очередь каждая национальная культура обогащает всем лучшим, что есть в ней, социалистическую художественную культуру. Вот почему интересна, в частности, мысль о том, что заложенная в народном искусстве алтайцев гармония восприятия людей, общность человека и природы может послужить импульсом и в какой-то мере точкой опоры для современного решения проблемы окружающей среды, для воспитания бережного, любовного отношения к природе».

Живут те стихотворения Б. Укачина, в которых ощущается характер, неповторимое мирозерцание («Я — горного кедра колючая ветка»), и становятся своеобразным символом, визитной карточкой поэта («Ночь в горах», «Мой Алтай! Поклон тебе от сына!»).

К. Кулиев, хорошо знавший творчество Б. Укачина, справедливо писал, обращаясь к автору сборника «Календарь души»: «Самобытная красота Горного Алтая в твоём лице обрела достойного выразителя. Я исключительно рад этому, являюсь одним из твоих ревностных читателей и почитателей твоего таланта истинного художника».

Б. Укачин понимает творчество как путь от вершины к вершине. В стихотворении «Тень Рериха» высказано сокровенное:

Тень Рериха витает надо мной,
Он — горный дух,
Он — дух высоких странствий...
Белуха отликает синевой,
А на заре — кармином и багрянцем.
Так вы писали, так на полотне
Живут вершины —
Вехи вашей жизни.

(Перевод С. Куняева)

Человек искусства несет свой «подвижнический крест» с пониманием и достоинством. Право обращения лирического героя к Николаю Рериху, великому художнику, выстрадано Б. Укачиным:

Я горец, я алтаец, я отсюда.
Я ученик ваш из других времен,
Из племени, воспрявшего недавно.
Но внятны мне ваш колючей закон,
Влечение ввысь художника — понятно.

(Перевод С. Куняева)

«Влечение ввысь» требует от художника напряжения всех его творческих сил. Любое послабление себе — уже отступле-

ние от собственного «я», от своих художественных принципов, остановка в пути к вершинам духовной культуры. Это восхождение возможно только тогда, когда «Родина, природа, высота в душе... сольются воедино».

Тема поэта и поэзии разрабатывается во многих стихотворениях Б. Укачина:

Как бы ни пели мы, способность петь
Для каждого из нас большое благо,
И что бы с миром ни случилось впрямь,
Останется и слово и бумага.

И ныне порожденная строка
Моей заветной песни невеселой,
Ты будешь ли достаточно легка,
Чтоб превозмочь столетний груз тяжелый.

(Перевод Н. Гребнева)

В природе поэтического — высокое паренье, та легкость, которая преодолевает, поднимается над многовековым грузом традиционного, преодолевает притяжение изживших себя правил и канонов.

Поэзия — поиск, исследование новых пластов жизни, человеческой психики, мирозерцания. Поэт первым предчувствует приход беды в дом человека и по долгу сердца говорит об этом:

Бывает так, что спит народ,
Но бодрствует Поэт.
А может быть наоборот?
Мудрец ответил: нет,
Тем непробудней спит народ,
Коль спит его Поэт...

(Перевод И. Фоякова)

Мысль, полемически выраженная в миниатюре Б. Укачина, утверждает провидческое, гражданское начало поэтического слова, способствующее развитию и утверждению народного самосознания.

Б. Укачин как-то сказал, что русская советская поэзия движется, развивается «вокруг планет В. Маяковского и А. Твардовского». Алтайский поэт неоднократно декларировал свою принадлежность к поэтике автора поэмы «Во весь голос», что проявилось во многих его стихотворениях. Идеино-эстетическая система А. Твардовского оказывала и оказывает воздействие на алтайскую поэзию.

«Туба» Л. Кокышева по содержанию и поэтике примыкает, приближается к той традиции, которая отмечена высокогорной вершиной русской поэзии — поэмой «Василий Теркин».

Эту же линию продолжает Б. Укачин в поэме «Одинокий домик среди белых снегов».

Главные герои поэмы Б. Укачина — рядовые великой Страны Советов — чабан Диман Эзенов, его жена Чачак, мать-героиня. Их жизнь, дела, поступки в центре авторского повествования, а судьбы их двенадцати детей, эпизодически появляющихся на страницах поэмы, помогают объемнее показать характеры старших, на долю которых выпали нелегкие испытания, испытания войной.

Б. Укачин в поэме «Одинокий домик среди белых снегов» (перевод А. Плитчен-

ко) уходит от трафаретного изображения судьбы человеческой. Жизненный путь Димана Эзенова необычен, хотя в советской литературе подобное изображалось («Судьба человека» М. Шолохова), но в таком ракурсе человек в алтайской поэзии показан впервые.

Отказываясь от риторического, декларативного показа героя, Б. Укачин старается высветлить общечеловеческое начало в характере Димана Эзенова, слить историю человека с историей страны.

Значительна в поэме композиционная роль дневников Димана Эзенова: через прозаические дневниковые записи раскрывается характер Димана. Запись, сделанная в декабре 1941 года, после побега Эзенова из плена: «Хорошо, что я свой комсомольский билет сохранил. Я его спас, а он меня».

Часто в дневниках Эзенова указывается точное географическое место: «38-я армия Сталинградского фронта. Я теперь здесь в артдивизионе... Теперь у меня, как говорится, есть конь под седлом, который несет меня в бой».

Дневниковые записи, стилистически не приглаженные, помогают раскрыть и характеры детей Димана Эзенова. Старый воин пишет о своем первенце: «Эндрей — мой самый старший сын, отец четырех детей. Он колхозный табунщик. Хороший табунщик. Когда человек любит скот, птиц и зверей, у него душа ко всему ласковая».

Пути-дороги разбежались по стране: Азулай — майор Советской Армии, Эмиль — артистка, Пионер — учительница, Толя — студент... У сына Айаспая судьба сложилась не совсем удачно: лишней глоток водки украл у него лучшие годы, забыл парень совет отца: «Огонь никогда не спрячь в бумагу».

Критика отмечала, что главы, в которых Б. Укачин показывает «нелепость и трагизм преступления, заблуждений Айаспая, потрясают высоким накалом чувств». Сцены эти выписаны сдержанно, что делает их жизненней, убедительней: «И еще: говорить слово страшное «зона» сестре моей Клаше не надо», — пишет Айаспай родителям.

Диман Эзенов чувствует свою вину за проступок Айаспая, но утверждает мысль о личной ответственности детей: «Дети — новые деревья, а не ветки от ствола».

Маленький чабанский домик возле белых снегов не оторван от жизни страны, планеты. Его хозяин живет заботами всего человечества: «Я, старый солдат, могу ли забыть тех, кто остался там, в кровавой земле?.. А теперь, говорят, есть смерть страшнее прежней. О ней пишут газеты, и Азулай мне рассказывал. Говорят, есть бомба, которая целым, невредимым оставит мой маленький домик, где родились и выросли двенадцать детей, а их, детей, уничтожит...»

В 70—80-е годы в советской литературе усилился интерес к документализму. В процессе этом участвует и Б. Укачин, почувствовавший притягательность исторического факта, документа. Таким средством в поэме «Одинокий домик среди белых снегов» являются дневники Димана Эзенова,

помогающие автору показать жизнь в развитии, сделать повествование более свободным, «кинематографичным». Документальное начало повышает художественность произведения. Дневник Димана Эзенова — это рассказ о времени и о себе, что и вызывает читательское доверие.

Поэме «Одинокий домик среди белых снегов» свойствен юмор, качество, присущее эпосу А. Твардовского. Речь Димана насыщена метким народным словом: «Без чая аил — не аил, но нет ли чего покрепче, чтоб гость наш доволен был?» Грубоватая лукавинка старого чабана со смыслом: «Как считаешь, поэт, нужен или не нужен нам электрический свет?.. Двенадцать детей у жены моей, света не будет — родятся еще двенадцать детей!»

Шутка, радость, печаль, тоска — все это идет от жизни: «Человек тоскует, болеет и поет тогда, когда в нем самая большая радость — жизнь».

Размышления Эзенова о бессмертии, об осеннем увядании природы заключают и оптимистическую ноту: «Осень. Дети уехали. А вот я сижу и смотрю, как увядает Алтай. Нет, мой Алтай снова зацветет! Вечен Алтай, вечна земля. Мы умрем, и мои дети когда-то умрут. Но род мой вечен, корень, кровь моя».

Маленький дом чабана, приютившийся в горах, вырастает до огромного символа. Чабанский домик среди белых снегов живет думами о земле и мире на ней. Эпическое повествование взрывается лирическим словом, своеобразным поэтическим благословением:

Айланайын!
Айланайын!
Айланайын!
Да сбудется —
Объеду, обойду
Весь мир,
Благодаря, благословляя!

И солнца свет,
И ясную луну,
И каждое жилище человека,
Как этот домик посреди снегов —
Благодарю я
И благословляю!
Айланайын!
Айланайын!
Айланайын!
Благословляю каждого ребенка,
Мать каждую и каждого отца.
Люблю большие реки за размах,
За светлый говор —
Маленькие реки.
И низкий, и высокий перевал
Благодарю я
И благословляю!
Еще
Благодарю все города,
Аэропорты,
Станции,
Причалы,
Стальные и обычные дороги —
Я все пути земли благодарю
За то, что привели меня сюда —
Под крышу дома посреди Алтая,
Среди зимы,
Среди больших снегов.

Поэма «Одинокий домик среди белых снегов» пристальным вниманием к человеку из народа приближается к традиции А. Твардовского:

Танки, пушки, бомбы, пули,
Смерть всех марок и систем...
В Куулгу с войны вернулись
Из семидесяти — семь.

В рассказе Эзенова сквозь мелодию стиха пробивается интонация, пронизанная щемящей болью за тех, оставшихся там, на полях войны:

Я с годами чаще слышу:
Раздается под землей
Стук сердец ребят погибших,
Ставших прахом и золой.

Не вернуться им вовеки,
Не узнать любви, тепла.
Отсекли парней, как ветки,
От алтайского ствола.

Естественно, что Б. Укачин, детство которого совпало с Великой Отечественной войной, опирается на идейно-эстетический опыт солдата и поэта А. Твардовского. Продолжая традицию великой русской поэзии, алтайский поэт вносит своеобразные краски и мысли:

Река — та, вода — иная,
Мы иные с каждым днем.
С уходящим убываем,
С возникающим — живем.

Ведь поверье наше живо:
Долго жил ты, но когда
Жизнь честна и справедлива —
Продлеваются года.

Философия на первый взгляд проста и наивна, но в ней заложен глубокий современный смысл: жизнь совестливого человека продлевается во времени: «Просят лось, марал и птица — все, кому не делал зла... И продлится, и продлится жизнь, коль доброю была».

Поэма-хроника «Одинокий домик среди белых снегов» — наиболее интересное, вершинное произведение Б. Укачина, вносящее много нового и поучительного в развитие жанра алтайской поэмы, и заметное явление в советской многонациональной поэзии.

Вечный свет поднебесного Алтая... Над долинами ярко сияет солнце. По ночам лучатся вечные снега гор. Свет излучают малахитовые озера и белогривые реки, говорливые ручьи и прозрачные родники. Но издавна на Алтае ценят свет человеческой души: человек богат человеком:

Мой Алтай, прекрасный, как сказанье!
Сколько тайн здесь ждет еще сейчас
Взгляда изыскателя, касанья
Рук рабочих, твердых, как алмаз!

Равиль ЕНАКАЕВ

„...СТАРАЮСЬ ДЕРЖАТЬ ЭКЗАМЕН“

Михаил Бубеннов, приехав в конце лета 1930 года из Сибири в село Урахча, ныне Рыбно-Слободского района Татарской АССР, с первого сентября начал работать учителем в школе. «Русские деревни Прикамья во многом отличались от сибирских сел, — писал в дальнейшем Михаил Семенович в повествовании «Жизнь и слово». — В них все было для меня новым, непривычным, все, как говорится, не по нраву. Я долго и тяжело скучал по Сибири. И поэтому, быть может, мне особенно хотелось писать о сибирской деревне...»

Повесть «Наследство» была закончена в феврале следующего года, а в начале апреля он послал ее рукопись в московское издательство. Затем М. С. Бубеннов ненадолго уехал на Алтай и второй раз вернулся в Рыбную Слободу осенью 1932 года. К тому времени он уже был автором первой книги «Гремящий год» (новое название повести «Наследство»), вышедшей в Москве, но в селе мало кто знал об этом. Думал о второй книге, о деревне, может, что-то вроде продолжения «Гремящего года»...

Почти год работал М. Бубеннов заведующим культпросветотделом в промартели «Лесотрудовик». «Жилось мне тогда, при небольшом заработке, скудно, — писал он. — Но хуже того, часто не было керосина, не хватало даже плохой бумаги. А у меня уже тогда выработалась сохранившаяся в течение всей жизни привычка переписывать рукописи от руки не менее трех раз, а уж потом — на машинке... Работая пером, удобнее делать и немедленные поправки, почти не прерывая течения письма...»

Михаил Бубеннов привез из Москвы много книг, учебников, справочников, получал много журналов, занимался самообразованием. Нередко его можно было увидеть и в районной библиотеке. По-настоящему был счастлив, когда обнаружил в Рыбной Слободе целый склад неразобранной литературы. Наглотался тогда пыли, но «зато в... руках оказался словарь Даля и много нужнейших книг, в том числе о гражданской войне в Сибири...».

Служба оставляла Михаилу Семеновичу мало времени на чтение и занятие творчеством, писать приходилось только ночью. Он постоянно учился мастерству у классиков русской литературы, с карандашом в руке читал произведения Л. Н. Толстого. Поражался его умению строить свои романы, находил в них сильные фразы, стро-

ки и абзацы. «Читая разные произведения — и классические, и современные, — я также выписывал из них на небольшие листки чем-то понравившиеся мне места, отдельные фразы и те слова, какие я не знал или употреблял редко, — писал Михаил Семенович. — С целью выскивания таких слов читал (именно читал!) разные словари, прежде всего словарь Даля, и разные энциклопедии. Постепенно у меня создавался свой «словарь» слов, каких я прежде не знал или какие еще не твердо закрепились в моей памяти».

С первого октября 1933 года Михаил Бубеннов стал журналистом. Он начал работать сотрудником политотдельской газеты Рыбно-Слободской МТС, а затем — республиканской газеты «Красная Татария» в Казани. Газетная работа ему нравилась, она немало дала, он встречался с интересными людьми, побывал в различных уголках республики, писал заметки, корреспонденции, очерки. М. С. Бубеннов по-прежнему много времени уделял литературному труду.

В письме автору этих строк вдова писателя Валентина Ивановна Бубеннова сообщала, что Михаил Семенович в Казани в 1937—1939 годы написал сборник рассказов «В половодье» и повесть «Бессмертие». Они, кстати, впервые были опубликованы тоже в Казани. Именно в то время он и написал письмо своему брату Фаддею: «Так вот, после длительного перерыва в литературной работе, эти две повести («Бессмертие» и «Чужая земля») — учеба, и учеба, кажется, неплохая. Это для меня своеобразные курсы по подготовке в вуз литературы... Теперь, брат, стараюсь держать экзамен! Надо торопиться — годы уходят! И хотя не существует возрастных ограничений при приеме в вуз литературы, но как-то неудобно будет являться туда с седенькой бородкой... Где-где, а уж на литературном поприще я буду настойчиво биться до тех пор, пока не напишу хорошую книгу. Мне, брат, многого не надо. Смеею тебя уверить, что я бы удовлетворился одной хорошей книгой...»

В марте 1939 года М. С. Бубеннова приняли в Союз писателей СССР. Осенью его назначили руководителем русской секции Союза писателей ТАССР и редактором альманаха на русском языке. Уже потом Михаил Семенович признавался, что ему приятно было работать в Правлении писательской организации вместе с Мусой Джалилем. «Тихим вечером 21 июня 1941

года несколько русских писателей, живущих в Казани, встречались со своими читателями в одном из домов отдыха на Волге, — писал Михаил Семенович. — Я рассказал о том, что начал писать большой сибирский роман, и прочитал из него отрывки. Мои друзья читали стихи. Вернулись мы в Казань поздней ночью. Мой ближайший друг, поэт Бруно Зернит, жил на далекой городской окраине, и поэтому я предложил ему скоротать остаток ночи в моей комнатухе, — той осенью у меня умерла жена, я жил с десятилетним сыншмой и еще с трудом переносил одиночество. Почти до рассвета мы проговорили о встрече с читателями, о своей работе и своих тревогах: возвращаясь домой, мы видели, как проходили один за другим воинские эшелоны на запад, к Москве. А утром мы узнали о вероломном нападении фашистской армии Гитлера на нашу землю...»

Повесть «Бессмертные» явилась лишь подступом к работе над романом «Белая береза». После войны критика отмечала патриотический характер романа, удачное разрешение темы партии и народа, четкость этических оценок писателя, поэтичность и народность речи.

Газета «Красная Татария» 4 июня 1949 года писала о встрече писателя Михаила Бубеннова со слушателями республиканской партийной школы, сотрудниками Татгосиздата, студентами и преподавателями Казанского педагогического института, журналистами. Он рассказал им о работе над романом «Белая береза», ответил на многочисленные вопросы. Это крупное произведение писателя выходило в Казани и на татарском языке, очень полюбилось читателям, вызвало у них добрые и искренние чувства.

Вадим КРАСНОВ

Мини-басни

ВИДНЫЙ ХОЗЯЙСТВЕННИК

На вид
и деловит,
интеллигентен, мил...
Но не одну работу развалил.

ПРОГРЕСС

— Бьем кирпич!
Да что вы в самом
деле!
Исключительно — панели.

«ПЕРЕДОВИК»

Всегда у кассы первый
в тресте,
Но редко... на рабочем месте.

СИЛА ПРИМЕРА

Устроился в отдел
единственный мужчина.
Пить бросил — стал вязать...
На то была причина.

ПОПУЛЯРНОСТЬ

С апломбом Бочки
говорили:
— И на кого нас только
ни катили!

ПЕВЕЦ-ШЕПТУН

Безголос, но есть
спаситель,
Громогласный усилитель.

ФИЛОСОФИЯ БЕЗДЕЛЬНИКА

Смогу работать
в должности любой,
Скрываясь за чужой спиной.

ДЕГРАДАЦИЯ

Он был талантлив, смел
и много знал.
А как он на троих
соображал!
Потом стал тих, угрюм,
забыл себя как з
Поскольку перестал...
соображать.

СПАЙКА

Работают Лиса с Вороной
в спайке —
Налево сыр сплавляют Лайке.

НАЗРЕВШИЙ ВОПРОС

Его зондировали,
ставили ребром,
Снимали, поднимали, выносили.
Дебаты шли и вечером,
и днем...
И, наконец, о нем забыли.

ШВАБРА-КОНСЕРВАТОРША

Сказала Швабра, ставя
свой вопрос:
— Снять с производства
Пылесос!

